

А. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

А. В. Беляков

ИРИ РАН, Москва, Россия. belafeb@yandex.ru

С. Ю. Шокарев

РГГУ, Москва, Россия. shokarevs@yandex.ru

НАДГРОБИЕ Ф. И. КАНБАРОВА ИЗ СМОЛЕНСКОГО СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

В статье публикуется надгробие, обнаруженное при раскопках в Новодевичьем монастыре. Оно принадлежало младенцу Федору, сыну князя Ивана Канбарова (+ 1562). Канбаровы – один из самых знатных родов ногаев. Его родоначальник выехал в Москву еще в начале XVI в. Обширное генеалогическое исследование семейных связей этих крещеных ногаев («мангыты» русских источников) показывает, что Иван и его сын могли быть в родстве с семьей Малюты Скуратова. Но точно установить, кто из трех известных источникам Иванов Канбаровых был отцом младенца Михаила, документы не позволяют. Обнаружение надгробия заставило обратиться к подробному анализу вкладов Канбаровых в Иосифо-Волоцкий и другие монастыри, а также подчеркнуть их родовую связь с Новодевичьим монастырем, где погребали представителей рода Канбаровых. До сих пор ни одного их памятника в обители найдено не было.

Ключевые слова: Москва, эпиграфика, некрополь, XVI век, генеалогия, ногаи, исламская знать

Статья подготовлена в рамках выполнения темы № НИОКТР122011200385-1

Настоящая статья продолжает серию, посвященную группам погребальных сооружений и отдельным памятникам, изученным при масштабных архитектурно-археологических работах Новодевичьей экспедиции Института археологии РАН, обследовавшей подклет собора в 2017–2018 гг. ([Беляев, Григорян, Шуляев]; о работах см.: [Беляев, Корзинин, 2022]). Публикуемое надгробие до раскопок известно не было. Оно обнаружено в северной палатке, где с конца XVII в. размещался семейный участок бояр Хитрово. Их погребальные сооружения заняли практически всю площадь, а в уровне ниже полов – полную ширину довольно узкой и вытянутой палатки, имевшей апсиду. Гробницы Хитрово здесь не описываются, им будет посвящено отдельное исследование. Отметим общеизвестное: в палатке имеются два массивных надгробия, под одним погребен боярин, дворецкий и оружничий Иов (Богдан) Матвеевич Хитрово (+ 27.03.1680) с дочерью младенцем Ириной; вторая плита лежит на могиле его вдовы, Марии Ивановны (+ 06.1693).

В западной части под полом, сразу за линией опорной стены алтаря, внутрь палатки широко выступал фундамент этой стены; затем следовали два саркофага, целиком перекрывшие ширину палатки. В маленьком же полукружии апсиды обнаружилась яма (объект 163 по нумерации отчета). Она обрисовалась после снятия балласта и подходила вплотную к фундаменту апсиды, стенке кирпичного склепа И.-Б. М. Хитрово и торцу белокаменного саркофага его вдовы. Естественная поверхность материка не сохранилась. Важно, что западный край ямы полностью срезан при закладке погребальных сооружений семьи Хитрово практически до ее дна, то есть яма вырыта до сооружения склепа. Размер ямы в плане 1,39 × 2,04 м, это почти четверть сферы с уплощенным дном. Заполнение (на всю глубину): серовато-бурая супесь, равномерно смешанная с песком, обильными включениями кирпичной крошки и отдельными – мелких фрагментов белого камня и известкового раствора. Выделяющихся прослоек нет, вероятно, это единовременная засыпка (Рис. 1 и 2).

В верхней части южной половины, в одном уровне, залегало плотное скопление кирпича ($29 \times 14 \times 7,5$ см; встречены вдавленные клейма на тычковой грани размером около 15×30 мм, без рамки, с выпуклой буквой X внутри, видимо, упрощенный «орел»). В основном это целые кирпичи, реже крупные обломки. В составе скопления отмечен лежавший диагонально крупный блок белого камня с неправильными сколами на боковых гранях и углах.

В восточной части ямы, в том же уровне, найден прямоугольный блок белого камня ($0,72 \times 0,44 \times 0,09$ м) с полукруглым завершением одной из коротких сторон (изголовье крышки антропоморфного саркофага?). Грани протесаны очень грубо, фактически это плохо доработанные сколы. Камень обнаружен расколотым на четыре собирающиеся части. В центре одной из двух плоскостей вырублено прямоугольное клеймо (70×70 мм), в которое плотно врезана рельефная надпись: ЛБТ. Две первые буквы образуют лигатуру (Рис. 3).

В придонной части ямы в диагональном положении найдена целая надгробная плита «детского» размера, вероятно, просто сброшенная в яму; на ней лежал еще один кирпич того же размера. Вполне вероятно, что яма отрыта при строительстве склепа и в нее сложены остатки ранее лежавших в палатке погребений. Никаких следов костяков в яме не обнаружено, но могилы могли лежать ниже уровня дна склепа и остаться на месте, под ним.

Форма надгробия – трапециод, размеры: $0,79 \times 0,35 - 0,44 \times 0,10$ м. Композиция антропоморфная, устойчивая (Рис. 4). Разделительная полоса и тяги – средней высоты; они и бордюр образованы двумя линиями мелких треугольников вытянутых пропорций, обращенных вершинами друг к другу и образующих частый зигзаг. Внутренняя рамка – из аналогичных двух рядов примерно равносторонних треугольников существенно большего размера. Нижнее клеймо: круг мелких треугольников вершинами к центру; основной мотив – «солнышко» (многолепестковая розетка из более крупных, вытянутых треугольников). Верхнее клеймо (половинка) той же схемы.

Надпись из 7 строк эпиграфической вязью, прекрасно нарезанной. Заполнено все свободное от орнамента поле лицевой грани. Буквы средних пропорций, канавки мачт трехгранные, подсечки выраженные. Начиная с 4-й строки текст разрывается нижним клеймом и полосой-разделителем.

Текст:

ЛБТ(а) 30 ГО ИЮ^{А(я)}

КЕ ДЕНЬ ПРЕ

СТАВИ^{С(я)} БЛАГОВ

ЕРНЫ^Й МЛА^{А(енец)}

КНЯ ЗЪ

ӨЕДО^Р ИВАНО

ВИ^Ч КА^Н БАРО^В

«Лета 7070-го июля // 25 день пре//стависа благов//ерный младенец // князь // Федор Ивано//вич Канбаров» († 25.07.1562).

Князья Канбаровы (Камбаровы) хорошо известны источникам XVI–XVII вв. Это знатный род ногойского (мангытского) происхождения. Его родоначальник – Канбар б. Мамалай б. Дин-Суфи б. Мансур б. Эдиге, праправнук знаменитого Эдиге (Едигей из русских летописей), потомок золотоордынских и крымских беков. В русских источниках он упоминается как Канбар мирза Мамалеева (Мамалаева) сын. Мирза выехал в Россию между 1502 и 1505 гг. В 1505 г. был послан в Муром по казанским вестям. Затем в 1507 г. участвовал в походах на Литву¹.

¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 37, 38; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. Л. 53, 59 об. С. 94, 104.

В июле 1519 г. на литовские места направили уже его сына (имя в разрядах не указано, он назван: «Камбар мурзин сын»). На западных границах сын Канбара упоминается также в 1528, 1534, 1535 и 1537 гг. По-видимому, он находился во главе крупного татарского военного отряда. В декабре 1541 г. в полку правой руки во Владимире и Муроме, в войсках, собранных «для приходу казанского царя», упомянуты сибирский царевич Шах-Али и Мамет мирза Канбаров мирзин сын². Скорее всего, это – Ак-Мухаммед, сын Канбара и отец Ураз-Али, в крещении князя Ивана Ахметевича (Махметевича) Канбарова.

Ураз-Али (Уразлый мирза Канбаров) упоминается впервые в 1551 г., когда его послали из Казани от царя Шах-Али с известием об избииении казанских князей-изменников. В 1555 г. Уразлы Канбаров отправлен с сеунчем от астраханского царевича Кайбулы к Ивану IV из похода на Выборг. Следующий раз он упоминается в той же роли в 1558 г., но уже с именем Иван. Однако Львовская летопись весной этого года еще называет князя татарским именем: «Уразлый князь Канбаров мангит»³.

В 1560–1564 гг. князь Канбаров – воевода в различных походах Ливонской войны, в 1564 г. – второй воевода в Пскове⁴. В 1565 г. с ним пытался местничаться князь П. И. Татев, но получил ответ государя: «напрасно бьешь челом» [Эскин, 1994, № 164; Эскин, 2009, с. 115, 123]. Военная служба князя Ивана, в основном на западных рубежах, продолжалась до 1570 г.⁵ В этом году он был назначен послом в Речь Посполитую. До места ему не суждено было доехать: князь Иван Канбаров умер по дороге⁶. Имел поместья в Ржеве Володимеровой. В Писцовой книге он назван князем Иваном Ихметевым⁷.

Наряду с князем Иваном Уразлы Ахметевичем (Махметевичем) Канбаровым в источниках отмечен князь Иван Тевекелевич Канбаров, который чаще именуется Тевекелев (Деветелев, Теукечев, Теукелев, Теукчеев, Тевекелевич), а также с отчеством Мовкошеевич (Мавкошев).

В Тысячной книге он помещен среди детей боярских 2-й статьи новокрещенов по Торжку («князь Иван княж Мавковшев сын Теукечеева»)⁸. В 1558–1561/1562 гг. упоминается как голова и воевода в разных походах Ливонской войны⁹. Записан в Дворовой тетради и в третьей статье Тысячной книги по Торжку¹⁰. С июля 1567 г., по утверждению В. Б. Кобрин, служил в опричнине [Кобрин, с. 80]. Ездил на литовский рубеж менять полоцкого воеводу С. С. Довойна на князя В. И. Темкина¹¹. В походе Ивана IV на Новгород в 1567 г. голова, в 1571/1572 г. – «с шоломом»; в сентябрьском ливонском походе 1572 г. голова «у государя в стану»¹². В разряде свадьбы Ивана IV на Марфе Собакиной (октябрь 1571 г.) князь Иван назван Канбаровым: «збирати детей боярских и ведасть – князь Иван Тевекелевич Канбаров»¹³. Имеются

² Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 63, 87, 90, 91; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. Л. 105, 134 об. С. 169, 206; Ч. 2. Л. 167, 170 об., 171 об., 178 об., 204. С. 247, 251, 253, 262, 299.

³ ПСРА. М., 2005. Т. 20. С. 489, 567, 589; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. Л. 315. С. 506; Т. 2. Ч. 1. Л. 331. С. 20.

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 193, 209, 211, 221; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. Л. 354, 367, 370, 396 об., 404, 409, 410 об., 411. С. 84, 88, 94, 145, 157, 167, 170, 171; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Ч. 1. С. 102, 132, 138, 149, 151; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 12, 13, 17.

⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 226, 229; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. Л. 436, 439 об. С. 208, 216; Т. 2. Ч. 2. Л. 441, 443 об.–446. С. 226–227, 234–235, 247; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 53.

⁶ Обзор посольских книг из фондов – коллекций, хранящихся в ЦГАДА (Конец XV – начало XVIII в.). М., 1990. С. 94; Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1997. Т. 2. С. 266–267.

⁷ Писцовая приправочная книга 1588–1589 годов уезда Ржевы Володимеровой. М.; СПб., 2014. С. 476.

⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. М.; Л., 1950. С. 60.

⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. Л. 330 об., 341 об., 371 об. С. 19, 40, 94; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 176, 193.

¹⁰ Тысячная книга и дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. С. 60, 198.

¹¹ ПСРА. СПб., 1904. Т. 13. С. 408.

¹² Разрядная книга 1550–1636 гг. Ч. 1. С. 163, 197, 204; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 79, 93.

¹³ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. Л. 479. С. 287.

утверждения, что он служил в чине оружничего, однако они опираются на поздний источник [Кобрин, с. 80]. «Хронограф о браках царя Иоанна Васильевича», сфальсифицированный А. И. Сулакадзевым, сообщает, что Иван Грозный приревновал Василису Мелентьеву к оружничему князю Ивану Девтелеву и казнил его [Рыбалка, с. 176–177]. Из других источников о казни князя Ивана Тевекелева нам ничего не известно, в 1572–1574 гг. он служил воеводой в Орешке¹⁴.

Родственные связи между двумя князьями Иванами Канбаровыми не ясны. Можно предположить, что Иван Мавкошевич Тевекелев (Теукчеев) Канбаров являлся двоюродным племянником Ивана Ураз-Али: его дед Тевекель – брат Ак-Мухаммеда, отец Мавкош – двоюродный брат Ивана Ахметевича (Махметевича) Канбарова. Однако В. В. Трепавлов высказал иную версию. По его мнению, Иван Тевекелевич являлся сыном или же внуком крымского карачи мангыт-бека Таввакула б. Тимура б. Мансура б. Эдиге [Трепавлов, с. 332].

Двумя претендентами на отцовство «благочестивого младенца» список не исчерпывается. Известен также третий князь Иван Канбаров, который чаще именуется Келмамаевым, по отчеству Келмамаевич. В 1571/1572 г. он рында с большим саадаком у царевича Ивана Ивановича, в 1572 г. в походе на Новгород, а затем – на Пайду занимал ту же должность. В апреле 1573 г. был в числе поезжан на свадьбе короля Магнуса и княгини Марии Владимировны Старицкой¹⁵ и вскоре после этого умер.

В приходной книге Иосифо-Волоцкого монастыря за 15 июля 1573 г. записано: «Дал Верига Григорьев сын Бельской на корм по князе Иване Келмамаевиче да по сестре его по княгине Елене 6 рублев денег»; спустя полтора месяца: «Того же месяца (августа. – Л. Б., А. Б., С. III.) в 30 день дала в дом пречистыя богородици Малютинская жена Марья по зяте по своем по князе Иване Келмамаевиче 50 рублев денег»¹⁶.

Известие о родстве с Малютой пробудило интерес к фигуре князя, и В. Б. Кобрин предположил, что, благодаря этому, тот входил в опричнину [Кобрин, с. 43, 44]. Личность И. К. Канбарова рассматривалась в недавней работе Н. В. Башнина и А. Л. Корзинина, посвященной биографии и семейным связям М. Скуратова [Башнин, Корзинин, с. 184]. Краткая биографическая справка о нем помещена в проекте «Правящая элита Русского государства времен Ивана IV Грозного» [Келмамаев Иван Келмамаев сын, князь].

Принадлежность князя Ивана Келмамаева к роду Канбаровых зафиксирована вкладной книгой (1674–1675 гг.) Новодевичьего монастыря, в которой под 25 мая сказано: «Память князю Ивану Келмамаевичу Канбарову, панахида собором вклада 120 рублев», и далее: «И по князь Иванове сестре по княжне Елене»¹⁷. В синодике той же обители князь И. К. Канбаров и его сестра записаны следующим образом: «Род князя Иоанна Келмовнаев¹⁸. Благочестивого князя Иоанна. Княжны Елены»¹⁹. Обращает на себя внимание эпитет «благочестивый», присутствующий и на плите младенца князя Федора Канбарова.

¹⁴ Разрядная книга 1550–1636 гг. Ч. 1. С. 216; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 241, 242, 244, 245, 247, 248, 250, 253, 255, 271, 273.

¹⁵ Синбирский сборник: часть историческая. М., 1844. С. 30, 33, 37; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 334; [Кобрин, с. 43, 44].

¹⁶ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / Под ред. д. и. н. А. Г. Манькова. М.; Л., 1980. С. 6, 9. По непонятной причине Елена названа «княгиней», когда в других источниках она последовательно именуется «княжной». Фраза записи позволяет интерпретировать княгиню Елену как сестру Вериги Бельского.

¹⁷ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 198.

¹⁸ Так в тексте.

¹⁹ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря... С. 230.

При просмотре синодиков Иосифо-Волоцкого монастыря были обнаружены еще два упоминания И. К. Канбарова. Представляется важным список лиц, расположенный рядом с именем самого князя.

В синодике XVI–XVII вв. записано (курсивом даны киноварные надписи над строкой): «Екатери́ну *Глинъ* • княжна ска Анну го • Ивана *Глинскои* • Феодора *Трубецкой* • Ивана *Келмамаевъ* • Ивана *Голицынъ*»²⁰.

Возможно, что запись о князе И. М. Глинском, его жене (дочери Малюты) и дочери неслучайно присутствует в соседстве с именем другого зятя Скуратова.

Сходная ситуация в другом синодике XVII в. (курсивом даны киноварные записи над строкой): «Екатери́ны *Глинского* • княжны Анны *т*²¹ • Иоанна Келмамаев • Иоанна *Монкашовъ*²² • Евдокии *Маишукина*²³ • Марии *т* • Феодора Трубецкого»²⁴.

На этот раз имя князя И. К. Канбарова помещено в синодике не только рядом с именами жены и дочери князя И. М. Глинского, но также и родственника по мужской линии – князя И. М. Канбарова (Тевекелева, Теукчеева). В обоих случаях компанию им составляет князь Ф. М. Трубецкой – боярин, примыкавший к годуновской партии, которую возглавлял еще один зять Малюты – Борис Федорович Годунов. Странные сближения с Глинскими прослеживаются и в синодике Новодевичьего монастыря, где запись этого рода (с упоминанием княгини Екатерины, княжны Анны и князя-инока Ионы, то есть И. М. Глинского) предшествует записи рода И. К. Канбарова²⁵.

Наконец, пересечения с родом М. Скуратова обнаруживаются в Ризничном синодике Троице-Сергиева монастыря 1575 г. Во-первых, там присутствует полное наименование князя Ивана по родовому прозвищу и отчеству: «князя Иоанна», а над строкой: «*Келмамаевич Канбарова*». Во-вторых, следом идет запись, обозначенная над строкой киноварью как «*Родители Малютинские жены Марии*». В этой записи 45 имен, из которых первые три: Афанасий, Леонид, Игнатий – совпадают с именами из помянников самого Малюты: Афанасий – дед, инок Леонид – отец, Игнатий – дед по материнской линии²⁶. Можно предположить, что в данном случае перед нами смешанный синодик Малюты и его жены. Обращает на себя внимание присутствие «княжны Елены» – единственной титулованной особы в списке. Не сестра ли это князя Ивана, пользовавшаяся каким-то особым вниманием у клана Бельских? Род Малюты из того же Ризничного синодика также начинается именами Афанасия, Леонида (с указанием схимничества) и Игнатия, а в центре включает в себя уже известную пару: «кн[я]з[я] Иоа[н]на • княжну Елену»²⁷.

Эти синодичные пересечения требуют отдельного и внимательного изучения, однако, на первый взгляд, связь князя Ивана Келмамаевича с родом Малюты и его принадлежность к Канбаровым просматриваются.

Отметим, что семья Скуратовых, как и И. К. Канбаров, связана с Новодевичьей обителью. Мария Степановна, вдова Малюты Скуратова, давшая вклад по князю И. К. Канбарову, приняла

²⁰ РГАДА. Ф. 1192 (Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь). Оп. 2. Д. 561. Л. 6 об.

²¹ Буква «т» означает «тоже».

²² По-видимому, это князь Иван Мавкошевич Тевекелев Канбаров.

²³ По-видимому, жена или дочь князя Ивана (Амашукова, Маашукова) Канукоева Черкасского (из бесленеевских черкес).

²⁴ ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 412 (670) (далее – Епарх. 412). Л. 83 об.

²⁵ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. ... С. 230.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 304/III (Собрание Ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25. Л. 101. См., например, помянник Малюты: Там же. Л. 102 об., 103, или Епарх. 412. Л. 56. Имена дедов М. Скуратова указаны в Записной книге Иосифо-Волоколамского монастыря: РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел (коллекция)). Оп. 2. Д. 141/196. Л. 76.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 304/III (Собрание Ризницы Троице-Сергиевой лавры). № 25. Л. 103.

постриг, скорее всего, в этом монастыре с именем Мариамна (в источниках – Маремьяна)²⁸. Об этом свидетельствует кормовая книга Иосифо-Волоцкого монастыря, указывая в записи о поминании сына Малюты, Максима Горяина: «А гробы их всех (Скуратовых. – Л. Б., А. Б., С. III.) подле отца и деда, а материн в Новом Девиче монастыри на Москве»²⁹. По душе инокини Маремьяны в Новодевичий были даны вклады общей суммой 600 рублей, а род Малюты Скуратова записан в синодик³⁰.

Допущение, что «благочестивый младенец» князь Федор Канбаров – внук Малюты Скуратова, сын его неизвестной по имени дочери и князя Ивана Келмамаевича, способно внести коррективы в биографию самого Григория Лукьяновича. Исходя из первого упоминания Малюты Скуратова в Дворовой тетради (составленной примерно в 1553/1554 г.), Н. В. Башнин и А. Л. Корзинин предположили, что тот родился во второй половине 1530-х гг. и к моменту составления Дворовой тетради вступил в службу новиком (в 15 лет). Однако если признать, что у Малюты был внук, умерший младенцем в 1562 г., следует считать, что Скуратов родился в первой половине 1520-х гг. и таким образом был старше Ивана IV Грозного. Впрочем, есть и другой вариант: князь И. К. Канбаров мог быть супругом не дочери Григория Лукьяновича и Марии Степановны, а сестры Малютиной жены (значение слова «зять» это допускает). В этом случае младенец Федор Канбаров – вероятный племянник Малюты по жене, а не внук. Но тогда не вполне ясно, почему Петр Верига Бельский (предполагаемый двоюродный брат детей Малюты Скуратова) дал по нем вклад в Иосифо-Волоцкий монастырь³¹. Укажем еще на один момент. В XVI в. браки, заключаемые с крещеными мангытами, были значительным статусным приобретением даже для старинных родов, стоявших непосредственно подле трона. Могли ли Скуратовы рассчитывать на подобную награду в конце 1550-х – начале 1560-х гг. и не являлся ли подобный брак мезальянсом для отца младенца Федора?

Здесь следует учитывать еще одно соображение. Похоже, Иосифо-Волоцкий монастырь для крещеных знатных татар в XVI в. был знаковым. Это, вероятно, случилось благодаря царевичу Федору Долголядскому, признанному здесь местночтимым святым [Беляков, 2012]. Зафиксированы вклады в монастырь от/по царевичу Федору Долголядскому, князю Афанасию Шейдякову, князю Петру Шейдякову, царю Симеону Бекбулатовичу, царевичу Михаилу Кайбулину, князю Ивану Келмамаевичу, князьям Черкасским.

Рассматривая биографию И. К. Канбарова, следует учитывать, что Келмамай в родословной Канбаровых отсутствует [Беляков, 2017]. Можно предположить, что это неизвестный третий сын Канбара б. Момолая. Но без каких-либо иных, хотя бы косвенных данных подобное утверждение будет безосновательным. Данная загадка еще ждет своего решения. Высказывалось предположение о том, что Иван Келмамаев на самом деле происходил из рода ногайских князей Шейдяковых. Однако оно также имеет серьезный недостаток. Кель-Мамая среди ногайских мирз XVI в. не обнаруживается [Беляков, 2022, с. 79]. А. В. Беляков исходил из того, что это искажение от Кул-Мухаммед (Мамай – древнетюркский вариант имени

²⁸ Вклад по ней дал в Иосифо-Волоколамский монастырь ее сын Максим Горяин 7 мая 1576 г. Интересно, что вдова Малюты приняла постриг непосредственно перед кончиной. Еще 27 марта того же года она упоминается в приходной книге под своим светским именем – «Марья Малютина жена Лукияновича Бельского» (Вотчинные хозяйственные книги XVI в. ... С. 100, 102).

²⁹ Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert, herausgegeben und übersetzt von L. Steindorff unter Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang und N. Pohlmann. Köln; Weimar; Wien, 1998. (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, NF, B. 12). С. 73.

³⁰ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. ... С. 173, 208, 226. Во вкладной книге Новодевичьего монастыря дата «преставления» Марии Степановны, в монашестве Мариамны, указана 13 ноября (Там же. С. 173). Однако это указание ошибочно: она умерла 13 апреля (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 395. Л. 172), что подтверждается и хронологией вкладов: 27 марта она дает вклад, а 7 мая дан вклад по ней самой (см. выше).

³¹ О родственных отношениях в семье Бельских см.: [Башнин, Корзинин, с. 174–176].

Мухаммед). Такой человек известен, это Кел-Мухаммед б. Саид-Ахмед (Шейдяк) б. Муса, а Иван Келмамаев – это Мустафа мирза, упоминаемый как прежний помещик в писцовой книге Романовского уезда 1593–1594 гг. [Антонов, с. 585]. В 1571 г. русскому посланнику в Турцию А. И. Кузьминскому велено было отвечать на вопрос, почему крестили «нагайского мурзу Мустафу Шейдякова», отвечать, что его крестили по его желанию и царь «пожаловал его ныне своим великим жалованьем, дал ему многие волости и села» [Беляков, 2020, с. 583].

Таким образом, в 1560–1570-х гг. жили два или даже три князя Ивана Канбарова, каждый из которых мог являться отцом «благочестивого младенца» Федора. Хотя на дату смерти младенца (1562 г.) известен по документам только Иван (Уразлы) Ахметев сын. Эта же проблема идентификации возникает и при попытке отождествить с одним из них владельца поместья в Коломенском уезде, зафиксированного в писцовой книге 1577/1578 г., – села Константинова в Усмерском стане (601 четверть земли помимо пашенного леса и 1775 копен сена). В писцовой книге он назван «князем Иваном Канбаровым», и к моменту ее составления его уже нет в живых³². Определить из вышеперечисленных персонажей наиболее предпочтительного кандидата на отцовство не представляется возможным без привлечения или обнаружения новых источников. Такими источниками, в частности, могут быть новые эпиграфические памятники из Новодевичьего монастыря.

Рис. 1. Смоленский собор, подклет. Северная палатка с апсидой. Ортофотоплан после расчистки. Новодевичья экспедиция Института археологии РАН. 2018 г.

³² Писцовые книги Московского государства XVI в. СПб., 1872. Ч. 1. С. 583, 588–589.

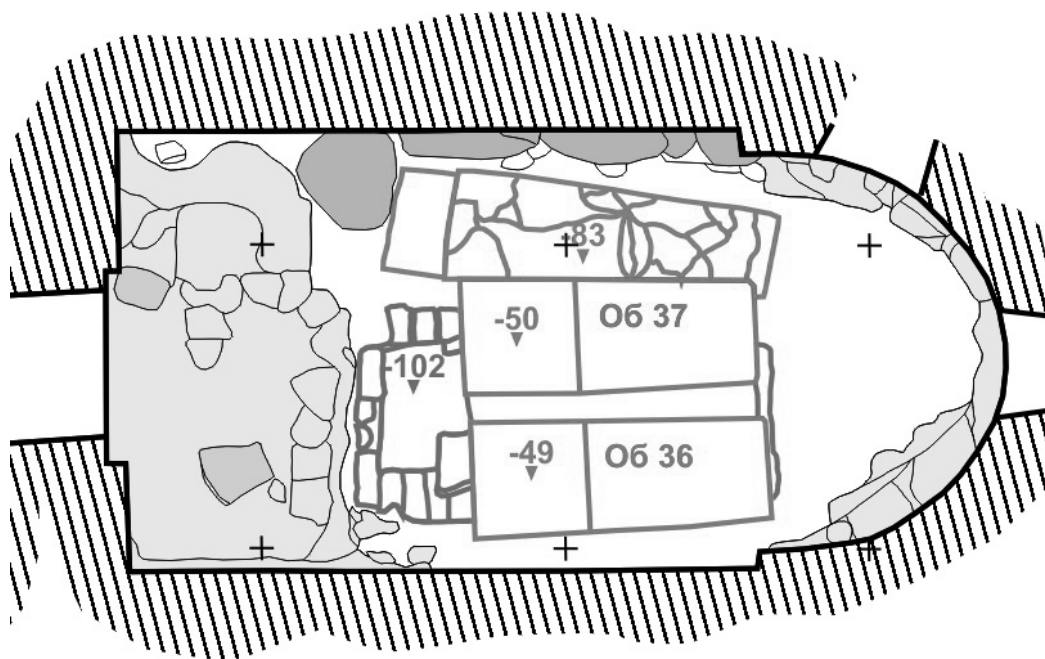

Рис. 2. Смоленский собор, подклет. Северная палатка с апсидой. Часть общего плана с указанием номеров объектов. Новодевичья экспедиция Института археологии РАН. 2018 г.

Рис. 3. Смоленский собор, подклет. Северная палатка с апсидой. Разбитое изголовье антропоморфного саркофага (?); переотложено. Новодевичья экспедиция Института археологии РАН. 2018 г.

Рис. 4. Смоленский собор, подклет.
Северная палатка с апсидой.
Надгробие князя младенца
Ф. И. Канбарова (25.07.1562);
переотложено. Новодевичья экспедиция
Института археологии РАН. 2018 г.

Литература

- Антонов А. В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 574–601.
- Бащин Н. В., Корзинин А. Л. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172–188.
- Беляев Л. А., Корзинин А. Л. Некрополь Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. к югу от Смоленского собора: идентификация и генеалогия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 124–152. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.012
- Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009
- Беляков А. В. Царевич князь Федор Меликдаирович Долголядский // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 2 (1). С. 234–237.
- Беляков А. В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 15–20.
- Беляков А. В. Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI–XIX вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 578–612. DOI 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612
- Беляков А. В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с востока в России XVI в. СПб., 2022. 408 с.
- Келмамаев Иван Келмамаев сын, князь // Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-court.spbu.ru/component/fabrik/details/1/6552.html?Itemid=108> (дата обращения: 30.06.2022).
- Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. 369 с.
- Рыбалка А. А. Семь невест тирана Ивана (А. И. Сулакадзе и жены Ивана Грозного) // Историческая экспертиза. 2017. № 2. С. 160–180.
- Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник. 2002. М., 2003. С. 320–353.
- Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. 265 с.
- Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. 512 с.

References

- Antonov, A. V. Zemlevadel'tsy Romanovskogo uезда po materialam pistsovoi knigi 1593–1594 godov [Landowners of the Romanovsky District on the Materials of the Scribe Book of 1593–1594]. In *Arkhiv russkoi istorii*. Moscow, 2007. Issue 8. Pp. 574–601.
- Bashnin, N. V., Korzinin, A. L. Novye dannye k biografii oprichnika Malyuty Skuratova [New Data for the Biography of Malyuta Skuratov]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2017. No. 2. Pp. 172–188.
- Belyaev, L. A., Korzinin, A. L. Nekropol' Novodevich'ego monastyrja XVI–XVII vv. k yugu ot Smolenskogo sobora: identifikatsiya i genealogiya [Necropolis of the 16th – 17th Centuries to the South of Smolensk Cathedral of the Moscow Novodevichy Convent: Identification and Genealogy]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 3 (89). Pp. 124–152. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.012
- Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Shulyaev, S. G. Nekropol' smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrja XVI–XVII vv. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The Grave Vault of the Cathedral of the Novodevichy Convent, 16th – 17th Centuries: The Results of Field Research (2017–2018)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 112–127. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.009
- Belyakov, A. V. Tsarevich knyaz' Fedor Melikdairovich Dolgolyadskii [Tsarevich Feodor Melikdairovich Dolgolyadsky]. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2012. No. 2 (1). Pp. 234–237.
- Belyakov, A. V. Kanbarovy (Kambarovy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. [Kanbarovs (Kambarovs) in the Moscow State of the 16th – 17th Centuries]. In *Srednevekoye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2017. No. 9. Pp. 15–20.
- Belyakov, A. V. Knyaz'ya i mirzy Sheidyakovy v Rossii XVI–XIX vv. [The Sheydyakov Princes and Mirzas in Russia from the Sixteenth to the Nineteenth Century]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 578–612. DOI 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612
- Belyakov, A. V. Simeon Bekbulatovich: primer adaptatsii vykhodtsev s vostoka v Rossii XVI v. [Simeon Bekbulatovich: An Example of Adaptation of Immigrants from the East in Russia in the 16th Century]. Saint Petersburg, 2022. 408 p.

-
- Eskin, Yu. M. Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv. Khronologicheskii reestr [Mestnichestvo in Russia in the 16th – 17th Centuries. Chronological Register]. Moscow, 1994. 265 p.
- Eskin, Yu. M. Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI–XVII vv. [Essays on the History of Mestnichestvo in Russia in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2009. 512 p.
- Kelmamaev Ivan Kelmamaev syn, knyaz' [Kelmamaev Ivan Kelmamaev son, Prince]. In *Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva v pravlenie Ivana Groznogo* [Electronic resource]. URL: <https://russian-court.spbu.ru/component/fabrik/details/1/6552.html?Itemid=108> (Accessed June 30, 2022).
- Kobrin, V. B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika. Izbrannye trudy [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy. Selected Works]. Moscow, 2008. 369 p.
- Rybalka, A. A. Sem' nevest tirana Ivana (A. I. Sulakadzev i zheny Ivana Groznogo) [Seven Brides of the Tyrant Ivan (A. I. Sulakadzev and the Wives of Ivan the Terrible)]. In *Istoricheskaya ekspertiza*. 2017. No. 2. Pp. 160–180.
- Trepavlov, V. V. Rossiiskie knyazheskie rody nogaiskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) [Russian Princely Families of Nogai Origin (Genealogical Origins and Early History)]. In *Tyurkologicheskii sbornik*. 2002. Moscow, 2003. Pp. 320–353.

Leonid A. Belyaev
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Andrey V. Belyakov
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sergey Yu. Shokarev
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

TOMBSTONE OF F. I. KANBAROV
FROM THE SMOLENSK CATHEDRAL OF THE MOSCOW NOVODEVICHY CONVENT

The article is devoted to the tombstone discovered during excavations in the Novodevichy Convent. It belonged to the infant Fedor, the son of the Blessed Prince Ivan Kanbarov (+ 1562). The Kanbarovs are one of the most notable Nogai families. Its ancestor left for Moscow at the beginning of the 16th century. An extensive genealogical study of the family ties of these baptized Nogais ("mangyty" of Russian sources) shows that Ivan and his son could be related to the family of Malyuta Skuratov. However, the documents do not allow to establish exactly which of the three known Ivans Kanbarovs was the father of the baby Fedor. The discovery of the tombstone forced us to turn to a detailed analysis of the contributions of the Kanbarovs to Iosifo-Volotsky and other monasteries, as well as to emphasize their ancestral connection with the Novodevichy Convent, where representatives of the Kanbarov family were buried. So far, not a single monument of them has been found in the monastery.

Keywords: Moscow, epigraphy, necropolis, 16th century, genealogy, Nogai, Islamic nobility

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.003

Е. В. Белякова
ИРИ РАН, Москва, Россия. elbel@list.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «БЛАГОЧЕСТИЕ» В XVI В.

В статье рассмотрено употребление понятия «благочестие» в русской книжности XVI в. Начиная со второй половины XVI в. определения «благочестивый», «в благочестии цветущий» последовательно применяются к московским великим князьям и к Русской земле. С венчанием царя «благочестивый» по отношению к царю делается постоянным эпитетом, особенно характерным для посланий митрополита Макария, и не подразумевает наличие каких-либо нравственных качеств. В Степенной книге благочестие русских царей стало основной темой. Наличие благочестивого царя сделало возможным и создание патриаршества в Москве. Тексты установили неразрывную связь между русскими царями и благочестием. Произошла и деформация образа Христа в иконографии, представленного такими иконографическими типами, как «Предста царица», «Царь царем» и др.

Ключевые слова: категория «благочестия», «благочестивая земля», митрополит Макарий, Степенная книга, иконография Христа

В Православной энциклопедии «благочестие» определяется как «внутреннее благоустройство души, основанное на богопочитании и выполнении религиозных и нравственных предписаний» [Платон (Игумнов), с. 334]. Автор энциклопедической статьи не ставит вопроса об эволюции понятия.

Наличие концепта «благочестие» в памятниках русской письменности позволяет прояснить его дискурсивное употребление в разные эпохи. Понятие «благочестие» появилось как семантически заимствованное из греческого путем калькирования. В византийской традиции понятие из агиографии и гомилетики перешло в состав политического дискурса, широко применяясь в формировании культа императоров. В Византии нормой было употреблять к императору и эпитет «святой», в чем исследователи видят влияние дохристианского культа императора [Schreiner, S. 366].

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) дает значительное число примеров употребления слова «благочестие» как в текстах юридического содержания, так и в агиографии и гимнографии. Словарь определяет благочестие как 'правовереие, истинное почитание Бога, следование божественным заповедям, праведность'. Отдельно составители выделили употребление 'в обращении к духовному лицу'¹. Но из приведенных примеров только два обращены к епископам, в то время как другие примеры взяты из обращения VI Вселенского собора к Юстиниану II. Понятие «благочестивый» употребляется в Ефремовской Кормчей последовательно по отношению к православным императорам. Именно благодаря каноническим текстам этикетная формула императорского «благочестия» стала хорошо известной в русской книжности.

С середины XV в. в сложной веренице событий, подробно рассмотренных Б. Н. Флорей: Флорентийская уния, начало фактической автокефалии Московской митрополии, падение Константинополя, –значительно меняется идеология и риторика: Василия Темного все чаще называют в «благочестии цветущим» князем и царем, а митрополит Иона пишет об отступлении Царьграда от «благочестия» [Флоря, с. 414–416]. Особенно выделяется среди произведений, связанных с автокефалией, «Слово избранное... еже на латыню» [Дробленкова; Флоря, с. 419–420]. Оно датируется 1461–1462 гг., но сохранилось только в списках XVI в., связанных с митрополитом Макарием. Узость рукописной традиции не дает возможности исключить позднейшее редактирование «Слова избранного». Но можно предположить, что этот текст мог повлиять на писания самого митрополита Макария.

Обращает на себя внимание то, что понятие «благочестие» занимает в «Слове избранном» значительное место: оно употреблено 42 раза. Термин устойчиво применяется как эпитет по отношению к византийским императорам, но и русские великие князья, наделенные в «Слове» царским титулом, постоянно определяются как «благочестивые»: «въ дни благочестиваго великаго князя Василья Васильевича», «благочестия же ревнитель» (князь Василий Васильевич) и т. д.² Понятие «благочестие» применяется в «Слове» и как синоним «православия», последнее понятие автор «Слова» не употребляет, противопоставляя латинству «истинную веру своего благочестия»: согласно «Слову», «богопросвещенная русская земля» веселится, «сияя благочестием». Сияние и цветение – это тоже устойчивые атрибуты благочестия: «иже в своей земли просиявшаго благочестия», «иже в русти земли въсиявшаго благочестия»³.

Приведенные примеры показывают, что речь идет именно об устойчивом топосе, характеризующем состояние не отдельного человека, а страны, общества, которые, в свою

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 218.

² Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян XI–XV вв. М., 1875. С. 360–395.

³ Там же. С. 360, 361, 363, 379, 380, 381, 384, 393, 395.

очередь, определяются через хорошо известное по русским летописям понятие «земля» [Горский]. Связь между правителями и землей утверждалась во многих древнерусских текстах, самым выразительным из которых является «Слово святого Василия о судиях и властелях»: «Един тать на всю страну мръзить. Царь не праведен, все слугы под ним безаконны суть»⁴. Концепт наказания земли за грехи правителей сохранялся и в писаниях XVI в. [Белякова, 2021]. Но нужно отметить, что с изменением идеологии во второй половине XV в. произошло определенное смещение в жанре поучений: жанр евлогий «сияющему благочестию» вытесняет обличения, как это видно на примере «Слова избранного». В XVI в. тема благочестивого царя получила дальнейшее развитие.

Иосиф Волоцкий величал братьев великого князя Ивана III «четверочисленным онем благочестия столпом»⁵, в связи с их смертью он писал: «плачемся разлучение общих поборников о благочестии, общаго украшения всея России»⁶. В соответствии со своими установками он использует концепт благочестивого царя в обращении к Ивану III, а потом к Василию III, чтобы доказать необходимость борьбы с еретиками и их казней: «Подобает же ти, благочестивый царю, всяко тщания и о благочестии имети и сущих под тобою от тревожления спасти»⁷; «Покажи ревность благочестия твоего, да видят вси цари славу православного царствия твоего»⁸. Как и в других текстах, Иосиф именует византийских императоров только «благочестивыми царями»⁹.

Конфликт Иосифа Волоцкого и архиепископа Серапиона, вызванный переходом игумена Иосифа под власть великого князя, породил споры и разногласия в русском обществе. Архиепископ Серапион толковал несправедливый суд над ним как нарушение благочестия: «А меня грешнаго прежде суда от церкви отлучили есте и сан сняли и заключению предали есте, и манатию владычню сняли. Се ли ваше благочестие? Се ли ваша добродетель? Се ли есте исправили слово истинное, яко душу неповинную анафеме предаете, не сотворшему никакова же дела виновата?»¹⁰.

Князь Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском» писал о трудах протопопа Сильвестра и Адашева по воспитанию Ивана Грозного, «прежде бывшего окаянного», в благочестии: «Наказуют опасне благочестию – молитвам же прилежным ко Богу и постом, и воздержанию внимати со прилежанием», для этого они «собирают к нему советников мужей разумных и совершенных, во старости мастите сущих, благочестием и страхом Божиим украшенных»¹¹. У Курбского присутствует и тема гибели благочестия: «Что было благочестия, что правил, что жития, что обычаев, что веры, что наказания – погубил и смесил»¹².

О гибели монастырского благочестия писал и царь Иван Васильевич в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь, подразумевая под этим отход от монастырских уставов: «А то все благочестие погубило от Шереметевых. Таковы те Шереметевы! И нам видится, что и в Кирилове по тому же хотят благочестие потребити»; «У Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел: ни пострижется никто и не даст никто ничего»¹³.

После венчания в 1547 г. на царство эпитет «благочестивый» стал неотъемлемым атрибутом царя Ивана Васильевича. В Стоглаве, в создании которого несомненно участвовал митрополит Макарий, выражение «благочестивый царь» встречается 44 раза, как по отношению к Ивану Васильевичу, так и по отношению к византийским императорам. Эпитет «благочестивый» применяется для характеристики уже не только царя, но и царства: «о нашем благочестивом царствии», «в совершенном благочестии царство съдръжа»¹⁴.

¹⁴ Стоглав: Текст. Словоуказатель. М.; СПб., 2015. С. 40, 39.

Устойчиво употребляется и формула «во всяком благочестии и чистоте»¹⁵, которая тоже связана с царем. Этот топос, взятый из Первого послания апостола Павла к Тимофею (1 Тим 2: 2), входил в состав ектений о царях в различных богослужениях. В чине венчания Ивана Грозного митрополит Макарий произносит длинное обращение к царю, кончающееся словами: «да в тиxости твоей тихо и безмолвно житие проживем во всяком благочестии и чистоте»¹⁶. После возложения барм митрополит произносит молитву, в которой есть та же формула¹⁷. Эта молитва приведена и в статье 1547 г. Никоновской летописи¹⁸. В Стоглаве царь, обращаясь к епископам, говорит: «Мене сына своего наказуйте и просвещайте на всяко благочестие, якоже лепо есть благочестивым царем быти и во всяких праведных законех и всяком благоверии и чистоте»¹⁹.

Литургические тексты, восходившие к Писанию, устанавливали наиболее устойчивые семантические связи между словами в сознании человека Средневековья [Йовчева, с. 268]. Система ассоциаций, возникавшая вокруг богослужения, усваивалась и передавалась поколениями [Гардзанити, с. 34–35]. Эти ассоциации перешли и в ментальность людей Нового времени.

В летописании эпитет «благочестивый» почти не употребляется по отношению к царю Ивану Васильевичу. Исключение составляет Повесть о граде Свияжске под 1551 г., вступительная часть которой наполнена указаниями на благочестие: «Великий во благочестии царь государь князь великий Иван Васильевич»; «благочестивая и Богом возлюбленная благочестиваго царя нашего душа»²⁰; «и митрополит царя государя благославляет... подвизатися за благочестие»²¹. Выражение «благочестивый царь» используется и в Повести о Казанском взятии²². В помещенном в тексте летописи Послании митрополита Макария в Свияжск этот эпитет по отношению к Ивану Грозному употреблен 11 раз. В речи Ивана Васильевича о намерении идти войной на Казань к «благочестивой царице и великой княгине Анастасии» и в рассказе о реакции «благочестивой царицы» слово «благочестивый» употреблено 10 раз²³. В Послании митрополита Макария к царю в Казань этот эпитет встречается уже 17 раз и звучит тема «благочестивых сродник», получившая дальнейшее развитие в Степенной книге. В речи митрополита Макария к царю после похода слово «благочестивый» использовано 13 раз²⁴. В Повести получила развитие тема «побарати за благочестие»²⁵ (варианты: «пострадати за благочестие», «не пощадите голов своих за благочестие»²⁶).

«Благочестие» стало основной темой Степенной книги, заглавие которой – «Сказание о святем благочестии росийских начялодержец и семени их святого и прочих»²⁷, а в ее расширенном названии говорится о «в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателях»²⁸. Как отмечает А. С. Усачев, «во включенных в Степенную книгу рассказах внимание читателя сосредотачивалось не на политической деятельности персонажа,

¹⁵ Там же. С. 133, 183.

¹⁶ Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Da Roma alla terza Roma. Documenti e Studi / Отв. ред. Каталано П., Пашуто В. Т. Roma; Mosca, 1989. С. 83.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ ПСРА. М., 2000. Т. 13. С. 151.

¹⁹ Стоглав: Текст. Словоуказатель. С. 48.

²⁰ ПСРА. Т. 13. С. 162.

²¹ Там же. С. 163.

²² Там же. С. 177.

²³ Там же. С. 192–197.

²⁴ Там же. С. 225–227.

²⁵ Там же. С. 203, 204, 226.

²⁶ Там же. С. 203.

²⁷ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 2. С. 147.

²⁸ Там же.

а на перечне его достоинств, среди которых особо выделяется благочестие» [Усачев, с. 621]. На наш взгляд, благочестие в этом памятнике является не столько достоинством, сколько атрибутом царственного персонажа.

В Степенной книге русские правители и благочестие связаны теснейшим образом. Великая княгиня Ольга «бл҃же бл҃гочестію начялница», «предитеча русьскаго рода во бл҃гочестіе къ Богу», «воздвиже нам рог бл҃гочестія»; желая «слышати слово бл҃гочестія», «всем людем бл҃гочестіе проповедаѣ», «прѣбысто же во святом крещеніи бл҃гочестно и богоугодно до старости», «о бл҃гочестном ея любомудріи»²⁹. Владимир начал «ревновати бл҃гочестію сея святаѣ и премудрыя бабы», «и бабою своею Ольгою наказуем о бл҃гочестіи», «обрете истинное бл҃гочестіе»³⁰.

Можно отметить, что плотность употребления слова «благочестивый» неодинакова для разных частей Степенной книги: особенно насыщены этим понятием начало и конец. Впрочем, Житие княгини Ольги, открывающее Степенную книгу, было помещено в нее на завершающем этапе [Сиренов, с. 10]. В последних XVI и XVII степенях «благочестивый же самодержец велики князь Василии Иванович всея Руси» и его наследник, «подобна ему премудростию и мужеством и исправлением бл҃гочестія»³¹, поднимаются на новый уровень: Василий Иванович называется «благочестивым царем царь»³², а Иван Васильевич признан уже патриархами Востока. Его «утверждают на бл҃гочестіе» царьградский патриарх Дионисий и александрийский патриарх Иоаким³³. В Степенную книгу включено послание патриарха Иоакима, обращенное к Ивану Васильевичу. В нем «благочестіе» употреблено 6 раз, а царь «яко бо второе солнце нам светлейшии явился еси, и яко небу чистителнейшу, тако же и твое бл҃гочестіе светится»³⁴. Для создателя Степенной книги важно было показать святость рода Рюриковичей, а признание русского благочестия восточными патриархами стало последним аккордом в незаконченном повествовании.

Этот же прием – утверждение русского благочестия вселенским патриархом – был использован и в Грамоте об учреждении патриаршества, где тема «благочестія» русского царства достигла своего наивысшего выражения. В тексте грамоты топоры, характерные для идеологии Московского царства, прозвучали якобы от лица патриарха Иеремии II: «Твое же, о бл҃гочестивый царю, великое Россійское царствіе, третей Рим, бл҃гочестіем всех превзыде, и вся бл҃гочестивая царствіе в твое в едином собрася, и ты един под небесем христьянскій царь именуешися в всей вселенней»³⁵. Именно наличие благочестивого царя в России сделало возможным и создание здесь патриаршества – эта трактовка объединила русские и греческие источники об учреждении патриаршества [Белякова, 1991].

Благочестие русских правителей визуализировалось. В XVI в. в росписи галереи Благовещенского собора появилось «древо Исеево», а на столпах храма – изображения владимирских и московских князей. Как отмечает А. В. Сиренов, «в настенной росписи одного из главных храмов России XVI в. представлена концепция династической монархии» [Сиренов, с. 13]. С другой стороны, появилась и новая иконография Христа в образе царя, в царственном одеянии с тщательно прописанными царскими регалиями. Она представлена сразу в нескольких иконографических типах: «Спас в Давидове образе», «Предста царица»,

²⁹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарии: В 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1. С. 147, 149, 158, 157, 172, 175, 177.

³⁰ Там же. С. 178, 179, 180.

³¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. ... Т. 2. С. 333, 316.

³² Там же. С. 322.

³³ Там же. С. 393.

³⁴ Там же. С. 395.

³⁵ Идея Рима в Москве XV–XVI века. ... С. 187.

«Царь царем», «Великий Архиерей». «Предста царица» – это малораспространенный иконографический тип, появившийся в середине XIV в. в Македонии и представленный также в росписи церкви Спаса на Ковалеве (около 1380 г.) [Лазарев, с. 257]. К концу XIV в. относится и икона, занимавшая почетное место в нижнем ряду иконостаса Успенского собора Московского Кремля, так называемый «Царский Деисус». На иконе и Христос, и Богородица (которая одновременно символизирует и Церковь – невесту Христа) представлены в царских одеждах. В 1562 г. с этой иконы была сделана копия, которой архиепископ Новгородский Леонид благословил царевича Ивана Ивановича [Остащенко, с. 185–186]. В 1556 г. царица Анастасия вложила в Хиландар вышитую завесу, на которой была изображена эта же композиция – «Предста Царица» [Кондаков, прил. № 30]. Образ «Предста Царица» был создан и для местного ряда Троицкого собора в Свяжске в конце XVI в. [Сказание, с. 19, 23]. Как писал В. Н. Лазарев, «[в]озникнув на сербской почве, этот иконографический тип получил широкое распространение в поздней русской иконописи, где Христос, Царь Царей и Великий Архиерей, изображается как центральная фигура “Деисуса”» [Лазарев, с. 262].

Изображение Христа и Богоматери с царскими регалиями означало решительную метаморфозу в восприятии Спасителя. Царство Христа приобретало вполне земной характер и одновременно происходило слияние царских и архиерейских регалий, что могло получать разную трактовку.

Таким образом, в XVI в. можно констатировать напряженную работу в русской литературной традиции по созданию концепта «благочестивого царя», для которого благочестие никак не связано ни с внутренним человеком, ни с личными достоинствами царя, а является лишь атрибутом царственности. В полном соответствии со средневековой традицией Русская земля «превосходит» всех благочестием, потому что в ней правят благочестивые цари благочестивого рода. Никакие преступления, совершенные царем во время опричнины, не делали его злочестивым и не губили «благочестие».

Для Нового времени концепция «царского благочестия» и «благочестивой земли» уже являлась анахронизмом. Эпоха конфессионализации задавала иной подход к пониманию благочестия. Новые тенденции ярко проявились в «Советованиях о благочестии» – памятнике, составленном около 1621 г., после восстановления иерусалимским патриархом Феофаном православной иерархии в Киевской митрополии³⁶. В нем авторы ставят своей задачей «распространить в российском народе веру и догматы восточной церкви», «жить свято, целомудренно, непорочно и правильно»³⁷. Смена концепции благочестия произошла и в Московской Руси в XVII в., но этот драматический процесс заслуживает особого рассмотрения.

Литература

Белякова Е. В. «Церковные новины» и учреждение патриаршества в России (К вопросу о значении учреждения патриаршества в XVI в.) // 400-летие учреждения патриаршества в России. От Рима к третьему Риму. Roma, 1991. С. 81–96.

Белякова Е. В. «От того Божии гнев на нас и многие казни и последний суд» (к проблеме осмысления кризисных ситуаций в православной книжности) // Slavica Slovaca. 2021. Roč. 56. Č. 3. S. 420–427. DOI 10.31577/SlavSlov.2021.3.12

³⁶ Изд.: Памятники, издаваемые Временной комиссией для разбора древних актов Высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе: В 4 т. Киев, 1848. Т. 1. № 32. С. 224–251. На украинском языке: Пам'ятки братських шкіл на Україні. Кінець XVI – початок XVII ст. Тексти й дослідження / Ред.: В. І. Шинкарук и др. Київ, 1988. С. 328–336.

³⁷ Памятники, издаваемые Временной комиссией для разбора древних актов... Т. 1. № 32. С. 224.

- Гардзанини М. Библийские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРА. СПб., 2008. Т. 58. С. 28–40.
- Горский А. А. Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 7–12.
- Дробленкова Н. Ф. «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню» // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 448–450.
- Йовчева М. Проблемы перевода библейских цитат и реминисценций в древнейших славянских гимнографических текстах // Slavia: časopis pro slovanskou filologii. 2016. R. 85. S. 3–4. S. 267–286.
- Кондаков Н. П. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Лицевой иконописный подлинник. М., 2001. 242 с.
- Лазарев В. Н. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века // Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970. С. 234–278.
- Осташенко Е. Я. Об иконографическом типе иконы «Предста Царица» Успенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977. С. 175–187.
- Платон (Игуменов), архим. Благодетель // ПЭ. М., 2002. Т. 5. С. 334–338.
- Сиренов А. В. Идея династической монархии в России и родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. // Родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018. С. 8–27.
- Сказание о граде Свяжске. [Каталог выставки, 21 февраля – 20 мая 2018 г.] / Сост. Самойлова Т. Е., Подковырова В. Г.; ГТГ. М., 2018. 255 с.
- Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. 753 с.
- Флоря Б. Н. Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором // Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 301–434.
- Schreiner P. von. Aspekte der politischen Heiligenverehrung in Byzanz // Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter / Hrgb. von Jürgen Peterson. Sigmaringen, 1994. S. 365–383.

References

- Belyakova, E. V. “Tserkovnye noviny” i uchrezhdenie patriarshestva v Rossii (K voprosu o znachenii uchrezhdeniya patriarshestva v XVI v.) [“Church Novina” and the Establishment of the Patriarchate in Russia (On the Question of the Significance of the Establishment of the Patriarchate in the 16th Century)]. In *400-letie uchrezhdeniya patriarshestva v Rossii. Ot Rima k tret’emu Rimu*. Roma, 1991. Pp. 81–96.
- Belyakova, E. V. “Ot togo Bozhii gnev na nas i mnogie kazni i poslednii sud” (k probleme osmysleniya krizisnykh situatsii v pravoslavnoi knizhnosti) [“That is Why the Wrath of God Came on Us, as well as Many Executions and the Last Judgment” (To the Issue of Comprehending Crisis Situations in the Orthodox Scholarship)]. In *Slavica Slovaca*. 2021. Roč. 56. Č. 3. Pp. 420–427. DOI 10.31577/SlavSlov.2021.3.12
- Droblenkova, N. F. “Slovo izbrano ot svyatykh pisanii, ezhe na latynyu” [“The Words Taken from the Holy Scriptures against Latins”]. In *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1989. Issue 2. Part 2. Pp. 448–450.
- Florya, B. N. Pravoslavnyi mir Vostochnoi Evropy pered istoricheskim vyborom [The Orthodox World of Eastern Europe Faces a Historical Choice]. In *Florya B. N. Issledovaniya po istorii tserkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov’e*. Moscow, 2007. Pp. 301–434.

- Gardzaniti, M. Bibleiskie tsitaty v literature Slavia Orthodoxa [Biblical Quotes in Literature by Slavia Orthodoxa]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2008. Vol. 58. Pp. 28–40.
- Gorskii, A. A. Politicheskoe razvitie Srednevekovoi Rusi: problemy terminologii [Political Development of Medieval Rus: Problems of Terminology]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2014. Issue 11. Pp. 7–12.
- Iovcheva, M. Problemy perevoda bibleiskikh tsitat i reministsentsii v drevneishikh slavyanskikh gimnograficheskikh tekstakh [The Question of the Translations of the Biblical Texts and the Biblical Allusions in the Early Slavonic Hymnography]. In *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. 2016. R. 85. S. 3–4. S. 267–286.
- Kondakov, N. P. Ikonografiya Gospoda Boga i Spasa nashego Iisusa Khrista. Litsevoi ikonopisnyi podlinnik [Iconography of the Lord God and Our Savior Jesus Christ. Facial Icon-painting Original]. Moscow, 2001. 242 p.
- Lazarev, V. N. Kovalevskaya rospis' i problema yuzhnoslavyanskikh svyazei v russkoi zhivopisi XIV veka [Kovalev Painting and the Problem of South Slavic Connections in Russian Painting of the 14th Century]. In *Lazarev V. N. Russkaya srednevekovaya zhivopis'. Stat'i i issledovaniya*. Moscow, 1970. Pp. 234–278.
- Ostashenko, E. Ya. Ob ikonograficheskom tipe ikony "Predsta Tsaritsa" Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya [On the Iconographic Type of the Icon "The Queen Stands before" of the Dormition Cathedral of the Moscow Kremlin]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Problemy i atributsii*. Moscow, 1977. Pp. 175–187.
- Platon (Igumnov), arkhim. Blagochestie [Piety]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2002. Vol. 5. Pp. 334–338.
- Schreiner, P. von. Aspekte der politischen Heiligenverehrung in Byzanz. In *Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter*. Hrgb. von Jürgen Peterson. Sigmaringen, 1994. S. 365–383.
- Sirenov, A. V. Ideya dinasticheskoi monarkhii v Rossii i rodoslovnye dreva russkikh tsarei XVII–XVIII vv. [The Idea of a Dynastic Monarchy in Russia and the Genealogical Trees of the Russian Tsars of the 17th – 18th Centuries]. In *Rodoslovnye dreva russkikh tsarei XVII–XVIII vv.* Compiled by A. V. Sirenov. Moscow, 2018. Pp. 8–27.
- Skazanie o grade Sviyazhske. [Katalog vystavki, 21 fevralya – 20 maya 2018 g.] [The Legend of the City of Sviyazhsk. Exhibition catalog, February 21 – May 20, 2018]. Compiled by Samoilova T. E., Podkovyrova V. G.; Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. Moscow, 2018. 255 p.
- Usachev, A. S. Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya [Book of Degrees and Old Russian Literature of the Time of Metropolitan Macarius]. Moscow; Saint Petersburg, 2009. 753 p.

Elena V. Belyakova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FEATURES OF USING THE CONCEPT OF "PIETY" IN THE 16th CENTURY

This article examines the use of the concept of "piety" in Russian literature of the 16th century. Starting from the second half of the 16th century, the designations such as "pious", "blooming in piety" were consistently used in relation to the Muscovite grand dukes and to the Russian land. Since the Tsar's coronation, the word "pious" in relation to the Tsar becomes a constant epithet, especially characteristic of the epistles of Metropolitan Macarius, and does not imply the presence of any moral qualities. In the Book of Royal Degrees, the piety of the Russian Tsars becomes the main theme. The presence of a pious Tsar made it possible to establish a patriarchate in Moscow. The texts produced an inextricable link between Russian tsars and piety. There was also a noticeable change in the image of Christ in the iconography, represented by such iconographic types as "The Empress appears", "Tsar of the tsars", etc.

Keywords: category of "piety", "pious land", Metropolitan Macarius, Book of Royal Degrees, iconography of Christ

К. В. Вершинин
ИРИ РАН, Москва, Россия. versh-kv@yandex.ru

ФРАГМЕНТ ГЕННАДИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО НА ПОЛЯХ ДРЕВНЕРУССКОГО ПАРИМИЙНИКА

В статье рассматриваются экстратексты одного из Паримийников собрания Н. П. Румянцева (ОР РГБ. Ф. 256. № 303), датируемые концом XIV – первой четвертью XV в. Три из четырех представляют собой ранее не опознанные выписки из славянского перевода Хроники Георгия Амартола. Четвертый, которому уделено основное внимание, содержит отрывок одного из утраченных сочинений константинопольского патриарха Геннадия.

Ключевые слова: экстратексты, палеография, славянская переводная литература, Геннадий Константинопольский

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00035.

Как известно, объем и жанровые особенности экстратекстов древнерусских рукописей колеблются от проб пера до целых исторических или богословских произведений. Несколько пространных экстратекстов, которые до сих пор не подвергались специальному исследованию, читаются в Паримийнике второй половины XIV в. ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 303 (далее – *P*).

Судя по записи на л. 155 (Бѣла книга глѣмата бытиа прѣчѣна бѣгородицы висоцкаго мѣстриа), в XVII в. рукопись хранилась в серпуховской Высоцкой обители Зачатия Пресвятой Богородицы. Этот факт обычно рассматривается как свидетельство о написании Паримийника именно там. Встречаются даже утверждения [Волков, с. 59], что *P* был переписан рукой его первого игумена Афанасия, как и Пандекты Никона Черногорца 1381/1382 г. (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 193), достоверно созданные в этой обители. В действительности же рукописи принадлежат разным писцам, причем имя одного из них известно – диакон Вунько (он переписал Пандекты). О происхождении Паримийника *P* и его истории до поступления в коллекцию Н. П. Румянцева, к сожалению, ничего не известно, так что с Высоцким монастырем его можно связывать лишь предположительно [Вздорнов, с. 87].

В рукописи *P* имеется четыре экстратекста, все они отмечены А. Х. Востоковым [Востоков, 1842, с. 426]:

№ 1. ѿ бытъа о монсин. се оубо дивнѣи съ мѣжъ. лѣпѣствовавъ... (Л. 5 об.–12);

№ 2. потопъ же бѣ^ѣ за. мѣ. днин. и вса земла покынса за днин. рѣк... (Л. 43–46);

№ 3. егѣ^ж похвалла бжтвеннѣи злаоу^ѣ. (ч) нѣки бѣ^ѣ рѣ. въ странѣ авсидѣстѣи... (Л. 95);

№ 4. слѣ^ѣ. стѣго. генадѣа. патриарха цѣагра^ѣ. како ста дѣволъ. среди аѣглѣ прѣ^ѣ бѣмъ. па^ѣ рѣша просто и сѣровѣ разумѣвающе книжнаа словеса... (Л. 99 об.–101).

Экстратексты № 1, 2 и 4 расположены на левых полях левых страниц разворотов, а также на нижних полях обеих страниц; начало № 2, кроме того, – на правом поле л. 43. Экстратекст № 3 занимает нижнее поле л. 95. Содержательно все тексты связаны с теми паримиями, возле которых они вписаны: на Богоявление (Исх 14: 15–29); в понедельник третьей недели Великого поста (Быт 6: 9–22); в понедельник и в среду Страстной седмицы (Иов 1: 1–12 и 2: 1–10).

А. Х. Востоков считает, что записи сделаны «мелким уставом XIV же века» [Востоков, 1842, с. 426]. На наш взгляд, утверждать, что они современны рукописи, с достоверностью нельзя. Ясно одно: все экстратексты написаны одной рукой¹ и не принадлежат основному

¹ Тем же почерком восполнена лакуна на л. 27 (съ старци людскими. и со князи своимъ^ѣ).

писцу. В экстратекстах применяется другая орфографическая система – употребляется *є* (при *к* в основном тексте рукописи; при этом размер «е якорного» и его наклон часто едва выражены, так что эта буква бывает едва отличима от *ѣ*), пишется *ѡ* в начале слова и после гласных (исключение: книжнаѡ (Л. 99 об.); кроме того, *ѡ* употребляется после *ѡ*: похвалѡѡ (Л. 95)). Особенности употребления *ѡ* – единственная черта, которую можно связать со вторым южнославянским влиянием. Письмо соответствует «переходному» типу. В нем заметны черты старшего полуустава с его грубоватыми начертаниями (*з* с едва выраженной петлей и ножкой, вынесенной резко вправо параллельно строке; *ѡ* с низко «провисающей» перемычкой и др.). В то же время значительная часть букв сохраняет черты устава, хотя и в упрощенном виде. На основании сказанного наши экстратексты следует датировать концом XIV – первой четвертью XV в.

Содержание экстратекстов представляет значительный интерес. Их источники до сих пор не были определены, хотя лексический материал (вместе с основным текстом Паримийника) использован самим А. Х. Востоковым в его словаре². Первые три экстратекста – не что иное, как выписки из Хроники Георгия Амартола (кроме заголовка *Ѡ вѣтъѡ ѡ моисии* на л. 5 об.). Указываем соответствующие страницы и строки издания³: 103.2–107.3 (№ 1); 54.26–57.6 (№ 2); 90.11–21 (№ 3). Обращает на себя внимание почти полное совпадение всех трех фрагментов с текстом старшего (первой трети XIV в.) Троицкого списка перевода Хроники. В частности, здесь точно так же пропущены слова *гѣтъ* 90.12, *ѡѡ гѣши ми. вѣзми ѡ вѣ древа своѡ* 103.24, *азъ* 104.1, *васъ ради* 104.12; отражена та же лексическая правка – *скорѡѡца* 106.1 против *lectionis difficilioris* *дрѣгчюѡца* остальных списков. Единственное значимое отличие, не относящееся к орфографическим, – это концовка фрагмента из экстратекста № 2, где вместо *оумре живѣ всѣ лѣ. хв.*⁴ читается *оумре. х. лѣ.* и двою : – (Р. Л. 46). Поэтому есть основания полагать, что читатель Паримийника копировал если не саму Троицкую рукопись, то крайне близкий к ней список. К той же первоначальной редакции, что и Троицкая, относится лишь одна рукопись, которая могла уже существовать при появлении экстратекстов в Р, – Эрмитажная начала XV в. (Научная библиотека Государственного Эрмитажа. Кабинет редкостей. Рк. 7. № 265577/1967; к той же рукописи относится и отрывок РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 10277). Однако наличие в ней указанного разночтения проверить невозможно из-за утраты листов [Водолазкин, с. 326].

Напрашивающаяся мысль о том, что почти дословное совпадение текстов связывает судьбу Р с Троицким монастырем (и, следовательно, усиливает доводы в пользу происхождения Паримийника из обители, управлявшейся учеником Сергия Радонежского), приходится, к сожалению, отклонить: о Троицком списке Амартола нет никаких сведений до 1658 г.; в монастырскую библиотеку он поступил незадолго до этого времени [Анисимова, с. 311–312]. Так или иначе, хотя фрагменты Амартола из Р не имеют текстологической ценности, они важны как свидетельство обращения книжника к этому памятнику. Отметим, что речь идет не об абстрактном читательском интересе, а об использовании Амартола для комментирования ветхозаветных чтений. Таким образом, византийская хроника была сочтена авторитетным источником сведений о библейской истории.

² Хотя в предисловии рукопись, в отличие от двух других Паримийников, не отмечена [Востоков, 1858, с. 3], в словарных статьях под сокращением «Парем[ийник] XIV в.» обнаруживаются выписки из Р. Например, под леммой *гракати* читаем выписку из экстратекста, публикуемого нами в данной работе: *птици же па. и врани. по писаному грачюѣ вѣ глѣдъ кѣ гѣ* [Востоков, 1858, с. 91]. Напомним, что значительная часть цитат А. Х. Востокова перешла в «Материалы» И. И. Срезневского (однако приведенная к ним не относится).

³ *Истрин В. М.* Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1.

⁴ Там же. С. 57.

Однако главным предметом настоящей работы является четвертый экстратекст, значение которого более существенно. Это фрагмент с толкованием на Иов 1: 6 (или на Иов 2: 1, где этот стих повторен почти буквально) под именем «Геннадия, патриарха Царяграда». Нам уже случалось обращаться к кратким текстам, приписанным этому первосвятителю V в. [Вершинин, с. 6–8]. От его многочисленных толкований в греческой традиции сохранились только фрагменты [Грацианский, с. 611], так что обнаружение ранее неизвестных отрывков в славянских переводах не является невероятным. Следует учесть и то, что атрибуция текстов Геннадию в славянской книжности встречается редко и может поэтому выступать косвенным доказательством подлинности.

Экстратекст № 4 из *P* также, по всей вероятности, следует связывать с Геннадием Константинопольским. Правда, его начало сходно с текстом одного из вопросов-ответов Псевдо-Анастасия – тех, что были добавлены к первоначальному сочинению Синайского игумена в сборнике Σωτήριος, известном в славянском переводе как Симеонов сборник. В нем упомянутый вопрос-ответ имеет номер 31⁵. Источник, которым пользовался византийский редактор подлинного Анастасия, остается в данном случае неопределенным. Не исключено влияние третьей из гомилий Псевдо-Златоуста «О праведном и блаженном Иове»⁶. Сравним этот вопрос-ответ с экстратекстом из *P*:

п^крѣша просто и суровѣ разумѣвающе книжнаа
слова. ка^к ста дѣлаво прѣ^д бг^м. съ ст^ми а^нг^лы.
ако^ж во и^нвѣ пишеть не ста на нѣсх^ъ горѣ. нѣ^с
во д^ост^оиннѣ т^у. в^орѣстиса ѿметни^и. сын^и н^и.
е^ама вс^а полна с^утъ ба^и вездѣ е^стъ и на нѣсх^ъ
и на земли. и никдѣже нѣ без^ъ него ничтоже.
ста въ мирѣ семь прѣ^д нимѣ. и в^ъ мирѣ же семь
не прѣ^д лиц^ьм^ь бж^инимѣ ста. ако^ж друз^ии толк^ютъ.
ѡви рѣша. не во бѣ д^ост^оиннѣ лица б^иа^и ви^дти.
но ста в^ъ чиноу своемѣ. и въ сл^ужбѣ. в^ъ немже
бѣ нар^енѣ сл^ужити б^у. сл^угамѣ его в^ъ дѣлѣх^ъ
нѣки^и. на казанье и смирение приносимы.
грѣшны^и чл^вк^м. ѿ ба^и... (Р. Л. 99 об.)

Како ста диваволъ прѣдѣ вѣмъ съ а^нг^лы · Не
ста на нѣсх^ъ не во бѣ и д^ост^оиннѣ · нѣ кама
же вс^а исп^лнаж^е бѣ · и всьжде к^естѣ · ста
на земли въ чинѣ своемѣ и въ сл^ужбѣ · въ
немже въчиненѣ к · сл^ужити б^оу и рабомѣ
его · нѣ въ к^ынх^ъ во вешт^ьх^ъ таже на показѣ
· паче и на с^ъмѣрени^и наводим^ьх^ъ на ны ·
отъ ба^и...⁷

Как видно, в *P* текст гораздо пространнее (в таблице подчеркнуты места, совпадающие с текстом Симеонова сборника). При этом новых параллелей с Псевдо-Златоустом не появляется. Ясно, что перед нами не новая версия той же статьи, а особый перевод. Различается лексика (здесь и ниже: казанье – показѣ, дѣлѣх^ъ – вешт^ьх^ъ, да са наоучать – накаж^ютъсѣ, статѣе – столаник и др.); тексты пересекаются лишь в начале, после чего их содержание расходится (в *P* следует рассуждение о том, что можно инако разумѣти рен^ию главизн^у).

В древнерусской традиции обнаруживаются и другие списки данного текста. Они читаются в составе статьи а се избрано ѿ кн^и океана. иже сътворено генадѣмъ патриархомѣ

⁵ Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). София, 2015. Т. 3. С. 13.

⁶ По-видимому, отсюда заимствовано уподобление действий ангелов и демонов различным видам воинской службы и, в частности, цитата из пророка Илии. В то же время дословных совпадений мало, различается лексика, например: παράστασιν τὴν λειτουργίαν προσαγορεύσας (Patrologiae cursus completus: Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1865. Vol. 89. Col. 568), ср.: λειτουργία παράστασις λέγεται (Patrologiae cursus completus: Series graeca / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1859. Vol. 56. Col. 571). Окончание статьи из сборника Σωτήριος с Псевдо-Златоустом вовсе не пересекается.

⁷ Изборник великого князя Святослава Ярославовича 1073 года. СПб., 1880. Л. 143.

константинограда, известной нам в составе книги «Кааф»: ОР ГИМ. Музейское собрание. № 4034 (далее – М). 1414/1415 г. Л. 198–201 об.⁸, фрагмента из «Каафа» в пергаменном сборнике из ростовского «Григорьевского затвора»: ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 589-4^о (далее – У). Конец XIV в. Л. 106 об.–109 об., а также среди дополнений в сборнике сочинений Максима Грека: ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 491 (далее – С). Рубеж XVI–XVII вв. Л. 625–627 об.). Во всех этих списках статья имеет одинаковую структуру (ниже всюду цитируем ее по старшему списку У): вначале читается фрагмент о любви к Богу (Не ѿ сего бо есть знати любящаго бѣа...), затем – рассуждение о праздном любопытстве (Нѣкоторни же множанша въпросы. аки црѣ оужаска творять...), а за ним – фрагмент, начало которого совпадает с экстратекстом из Р, только не имеет заголовка (Паки рѣша. просто и суровѣ разумѣвающе книжнаа словеса...). Однако к последнему фрагменту механически (начиная со слов да ты дерзновение возмеш) присоединена дословная, хотя и изрядно сокращенная, выписка из известного по «Златострую» славянского перевода уже упомянутой гомилии Псевдо-Златоуста⁹, а также самостоятельная, по-видимому, концовка: еше аше правдивъ кто вѣдетъ. и приемлетъ здѣ что зло... Очевидно, эти тексты были объединены только по причине общности темы. Компилирование привело к тому, что Златоустово рассуждение о воинской службе, а также цитата из 1 Тим 1: 20 (о том, что Апостол «предал сатане» противников) оказались повторены еще раз.

Отсутствие продолжения в Р указывает на то, что писец экстратекста располагал более аутентичным (еще не попавшим в «Кааф»?) списком статьи Геннадия¹⁰. Это подтверждается и концовкой, которой нет в других рукописях (и немощь силы его. на блгѣ члвкомъ. да не мнитъ паче егоже есть). Некоторые чтения Р явно первоначальны, например: рѣ на на (в У и М: рѣнаа; в С то же, но с попыткой осмысления: рѣ пѣнопѣвъ на на); си во нхъ сѣтъ глси (в других списках подчеркнутое слово отсутствует). В то же время в Р не уцелели первоначальные чтения прочнаа и бѣшню, будучи заменены на прочаа и втинудъ. Тем не менее свидетельство этого списка весьма ценно: оно позволяет выделить текст толкования Геннадия на Книгу Иова из подборки а се избрано ѿ кнѣ океана и подтвердить его авторство.

Остается сказать, что больше всего толкований Геннадия сохранилось в анонимной экзегетической компиляции, известной нам в двух списках XV–XVI вв. [Вершинин, с. 7]¹¹. Здесь читается, в частности, толкование на Ис 38: 19–20, несколько проясняющее таинственное выражение «от книг Океана» в заглавии из У, М и С: Въ книзѣ акыпанѣ реченно есть. незикнемъ црѣмъ... (Н. Л. 129). По-видимому, океаном здесь называются книги Священного Писания¹², чего не понял один из позднейших редакторов (приняв «Океан» за название книги Геннадия, он сочинил специальный заголовок).

В упомянутой компиляции нет толкования на Книгу Иова, зато присутствует текст, соответствующий второму фрагменту из «Каафа». При этом он существенно полнее и исправнее (так, вместо бессмысленного црѣ оужаска читается црѣца оужѣска – «царица Южская», то есть Савская). Сейчас для нас имеет значение следующий отрывок (приводим его в сравнении с фрагментом из У, который здесь, так же как в М и С, заканчивается):

⁸ Тождественный с Музейским список «Каафа» 1498 г. (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 5. № 468) не учитываем.

⁹ Ср.: Великие Минеи Чети. Ноябрь. Дни 13–15. СПб., 1899. Стб. 1286–1293.

¹⁰ Надо сказать, что в позднем списке С текст в целом соответствует У и М, но имеет ряд позднейших добавлений и осмыслений (см. ниже).

¹¹ Мы будем цитировать ее по рукописи из собрания Н. П. Никифорова НИОР БАН. 45.11.16. Сборник. Конец XV в. (далее – Н).

¹² Ср. с выражением Иеронима Стридонского, который вступает в «Oceanum et... labyrinthum» Писания (Patrologiae cursus completus: Series Latina / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1845. Vol. 25. Col. 448).

...тѣмъ не искѹшати братини брата своего
и безъ лицемѣрнѣи и безъ въскооумѣи. со
всею чѹтотою. каждаго сказати на о҃спѣхъ
слѹчившемѹсѣ. — (У. Л. 107)

...тѣмъ же не искѹшан братѣ брата своего. безъ
лицемѣрнѣи. и безъ въскооумѣи. со всею чѹтотою.
каждо сказати на о҃спѣхъ. слѹчившемѹсѣ.
мнози же не имоуще страха бж҃їи. и разѹма к
сѹетномѹ семѹ житию пригвоздившесѣ. мнози
главизны со҃урово истолковаша съблазнившесѣ
волею ѻ истинны... (Н. Л. 131)

Отметим слова мнози главизны со҃урово истолковаша (где со҃урово означает 'грубо, невежественно' или 'необдуманно' – возможно, в соответствии с пролетѡς), совпадающие с началом толкования на Иова (Паки рѣша. просто и с҃уровѣ разѹмѣвающе книжнаѣ словеса...). Это выражение – вероятно, излюбленное автором – является еще одним свидетельством принадлежности ему того и другого отрывков.

Итак, материал рукописи Р позволяет не только ввести в полноценный научный оборот несколько малоизвестных экстратекстов, но и предложить вниманию патрологов частицу наследия одного из интереснейших ранневизантийских экзегетов. Надеемся, что в будущем смогут увидеть свет и другие отрывки сочинений Геннадия, сохраненные славянской традицией.

Приложение

Фрагмент, принадлежащий перу Геннадия Константинопольского, публикуется по экстратексту из рукописи Р. Л. 99 об.–101 с разночтениями по У. Л. 106 об.–109 об., М. Л. 198–201 об. и С. Л. 625–627 об. Тексты передаются «буква в букву» без диакритических знаков.

сло. с҃тго. генады. патриарха цр҃л҃гра. како ста дѣволъ. среди ангѣлѣ прѣ бг҃мъ. ¹ па рѣша просто и Л. 99 об.
с҃уровѣ разѹмѣвающе книжнаѣ словеса. ка ста ² дѣво прѣ бг҃мъ. съ с҃тми ангѣлы. ако во нѣвѣ пишеть.
не ста на нѣсхъ горѣ. нѣ бо дѣстониъ тѹ. шѣрѣстисѣ ѿметни. сын инъ. ³ ема въ полна с҃тѣ ба и
вездѣ есть ⁴ и на нѣсхъ ⁵ и на земли. и никдѣже нѣ безъ него ничтоже. ⁶ ста въ мирѣ семѣ прѣ нимъ.
и в мирѹ же семѣ не ⁷ прѣ лице бж҃нимъ ста. ако дрѹзѣи толкѹють. ѿви рѣша. не ⁸ бо бѣ ⁸ дѣстониъ
лица бж҃а вѣти. но ста в чиноѹ своемъ. и въ слѹжбѣ. в неже бѣ наренъ слѹжити бѹ. слѹгамъ его в
дѣлѣхъ нѣки. на казанье ⁹ и смирение приносимъ. грѣшны члѣкмъ. ѿ ба приставление и. дѣволъ
слѹжитъ бж҃ю повелѣннѹ. съ злымъ своимъ ангѣлы. ако кажутъ с҃таа писанъ. пѹсти бо ¹⁰ ¹¹ рѣ
на на ¹¹ пррѣ пѣвецъ. ¹⁰ гнѣвъ. и скорбь. послание ¹² злымъ ангѣлмъ. ¹² и золь дх҃ъ давлѣше савѹла. и
аплъ нѹже предахъ сотонѣ. да сѣ наоучать не х҃лѣтити. реное о҃убо стате дѣволе прѣ бг҃мъ. лѣпо
есть разѹмѣти. слѹжбѹ его в неже о҃чине. нѣ есть слѹжити бѹ. ако и пррѣкъ нѣа рѣ о немъ. Л. 100
живѣ гѣ прѣ нимъ стахъ днь. прѣстате табою слѹжбою. еюже слѹжю бѹ. и па словеса аже ѿ ба
къ дѣволѹ. лежаща въ нѣвѣ. не словеса собѣствена с҃ рѣна ѿ га къ с҃противномѹ. ли ѿ него
къ гѹ. ниже дѣлы послѹшаетъ повелѣннѣ его. ако бо нѣо и земля и проча ¹³ тварь. съ зѣрми и

¹ Начало текста в У, М, С

² прѣста С.

³ Так в ркп. и У, М; і ѿстѣни. С.

⁴ на нѣси У, М, С.

⁵ Так в ркп.; нет У, М, С.

⁶ і ничтож еѣ С.

⁷ В ркп. далее доб. и зачеркнуто лишнее ста.

⁸⁻⁸ бѣ бо У.

⁹ наказаніе С.

¹⁰⁻¹⁰ рѣ пѣнопѣвъ на на С.

¹¹⁻¹¹ рѣна У, М

¹²⁻¹² ангѣлы лютыми С.

¹³ прочьна У, М.

- Л. 100 об. скотомъ. и¹⁴ гадъ и птица^{ми}. хвалать га. не гласъ нѣкии. испущающе. || но имиже¹⁵ дѣлы послушають
и служать ему ако и прѣркъ^ж рече. огнь. градъ. снѣгъ. ледъ. вѣтръ бурень творашаа слово его. и птицы
же па^к. и врани. по писаному грачють въ гладъ къ гү. не словесы ли¹⁶ си бо¹⁷ нхъ сүть глси.¹⁸ но
гладнымъ¹⁹ призываютъ и⁷ ади просаще. есть же и инако разумѣти реню главишю. ако²⁰ въ оумѣ
дѣволи бесѣдова бѣ с нн. о иновѣ. ако штинудъ²¹ недостоннъ есть гню учю и бесѣды. и па^к
дѣволъ въ своемъ оумѣ ѡвѣща къ гдѣ. ако и намъ недостоннымъ сүще. многажды стн англи не
авлають намъ. но в мыслѣ наши бесѣдуютъ к на. дрюгони о добры дѣла. и мы па тако в мыслехъ
ѡвѣщаемъ к нимъ. и зли же бѣси па многажды бесѣдуютъ к намъ. в мыслѣ. не кающе намъ.
ни авѣ бесѣдуютъ. и мы ѡвѣщаемъ к нимъ. в мыслехъ наши. ли послушающе и по воли своен. по
Л. 101 нужи || шнѣ. ли противлающе.²² та оубо гъ въ оумѣ дѣволи бесѣдова ему. и повѣле ему искусити
и. толкини искушени. да авлена бѣтъ всѣ намъ вѣра его. юже имаше к гү. и невѣдомъ²³ баше
члвкн прѣ.²⁴ дѣволе же и²⁵ сквернавое изволение величить. ²⁶и немошь силы его. на блгтъ члвкомъ.
да не мнитъ паче егоже есть²⁶ : —

Литература

- Анисимова Т. В. Троицкий список Хроники Георгия Амартола (приписки на миниатюрах и на полях рукописи) // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. М., 2004. С. 290–318.
- Вершинин К. В. Об одном источнике Мерила Праведного и Кормчей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 5–8.
- Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980. 552 с.
- Водолазкин Е. Г. Хроника Амартола в новонайденных списках // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 322–332.
- Волков И. А. Афанасий Высоцкий // ПЭ. М., 2002. Т. 4. С. 59–60.
- Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. III, 899, 3 с.
- Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1858. Т. 1. [4], 255 с.
- Грацианский М. В. Геннадий I // ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 611–612.

References

- Anisimova, T. V. Troitskii spisok Khroniki Georgiya Amartola (pripiski na miniatyurakh i na polyakh rukopisi) [The Troitsky Copy of the Chronicle of George Hamartolos (The Notes on the Miniatures and the Margins of the Manuscript)]. In *Drevnerusskoe iskusstvo. Iskusstvo rukopisnoi knigi. Vizantiya. Drevnyaya Rus'*. Moscow, 2004. Pp. 290–318.
- Gratsianskii, M. V. Gennadii I [Gennadius I]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2005. Vol. 10. Pp. 611–612.
- Vershinin, K. V. Ob odnom istochnike Merila Pravednogo i Kormchei [On a Certain Source of Merilo Pravednoe ("The Just Measure") and Kormchaya]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 1 (67). Pp. 5–8.

¹⁴ Доб. над строкой з С.

¹⁵ имиже М; иже С.

¹⁶ Нет С.

¹⁷ Нет С.

¹⁸ Нет У, М, С.

¹⁹ Доб. гласъ С.

²⁰ инако нѣкако С.

²¹ бѣшню У, М; глосса на полях вѣма С.

²² Доб. им С.

²³ недовѣдомъ У, М; невѣдомо С.

²⁴ Глосса на полях паче да С

²⁵ Нет У, М, С.

²⁶ Нет У, М, С.

Vodolazkin, E. G. Khronika Amartola v novonaidennykh spiskakh [The Chronicle of George Hamartolos in the Recently Found Copies]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 1992. Vol. 45. Pp. 322–332.

Volkov, I. A. Afanasii Vysotskii [Athanasius Vysotsky]. In *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Moscow, 2002. Vol. 4. Pp. 59–60.

Vostokov, A. Kh. Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rumyantsevskogo muzeuma [Description of Russian and Slavonic Manuscripts of the Rumyantsev Museum]. Saint Petersburg, 1842. III, 899, 3 p.

Vostokov, A. Kh. Slovar' tserkovno-slavyanskago yazyka [Dictionary of Church Slavonic]. Saint Petersburg, 1858. Vol. 1. [4], 255 p.

Vzdornov, G. I. Iskustvo knigi v Drevnei Rusi. Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoi Rusi XII – nachala XV vekov [The Book Art in the Old Rus. The Manuscripts of Northeast Rus in the 12th – Early 15th Centuries]. Moscow, 1980. 552 p.

Konstantin V. Vershinin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

FRAGMENT BY GENNADIUS OF CONSTANTINOPLE ON THE MARGINS OF AN OLD RUSSIAN PARIMIYNIK

The article deals with the extratexts of one of the Parimiyniks of N. P. Rumyantsev's collection (Russian State Library Manuscript Department. F. 256. No. 303). They date back to the end of the 14th – the first quarter of the 15th century. Three of the four are previously unidentified extracts from the Slavic translation of the Chronicle of George Amartolos. The fourth, which is given special attention, contains an excerpt from one of the lost works of Patriarch Gennadius of Constantinople.

Keywords: extratexts, palaeography, Slavonic translated literature, Gennadius of Constantinople

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.005

В. Г. Вовина-Лебедева

СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. Varvara_Vovina@mail.ru

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ СЕВЕРНЫХ КРЕСТЬЯН ЗА ЗЕМЛЮ В XVI В.

В статье представлен анализ трех документов из фонда Антониево-Сийского монастыря в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, связанных с судебным иском монастыря к крестьянам Моржегорской волости (судного списка, отписи и отводной грамоты). Часть крестьян отказалась от спорной земли еще в ходе судебного разбирательства, другая же часть настаивала на своих правах. В результате дело решилось миром, монастырь не настаивал на денежном иске, и, возможно, крестьяне сумели отстоять какую-то часть земли, хотя источники не позволяют говорить об этом с полной уверенностью.

Ключевые слова: Антониево-Сийский монастырь, Моржегорская волость, судный список, отпись, отводная грамота

В историографии XX в. вопрос о борьбе крестьян за землю в спорах с окрестными монастырями поднимался неоднократно, в том числе в связи с материалами судебных дел. В недавно защищенной диссертации А. А. Калашниковой исследованы судебные дела за XV – первую половину XVI в. [Калашникова]¹. Она не согласилась с Л. В. Черепниным, полагавшим, что, судя по результатам споров крестьян с монастырями в конце XV в., спорная земля, как правило, переходила последним, поскольку суд был пристрастным [Черепнин, с. 235–238]. А. А. Калашникова предположила, что такое впечатление складывается из-за того, что итоговые грамоты отдавались победившей стороне и, поскольку монастырские архивы сохранились

¹ Благодарю А. А. Калашникову за советы, которые помогли в работе над статьей.

неизмеримо лучше, чем крестьянские, до нас дошли в основном сведения о победах в спорах монастырей, а не крестьян [Калашникова, л. 99].

В Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – СПбИИ РАН) хранится фонд Антониево-Сийского монастыря (Ф. 5), содержащий в том числе актовый материал за XVI и XVII вв. Его еще в 1930–1940-е гг. использовал С. Н. Чаев [Чаев, 1936; Чаев, 1941], изучивший спор с монастырем крестьян Емецкого стана, которые в XVII в. отстаивали свое положение черносошных, тогда как Антониево-Сийский монастырь претендовал на то, что это его старинная волость. Крестьяне почти добились успеха в отстаивании своих прав, когда из польского плена вернулся и стал патриархом Филарет, покровительствовавший монастырю и его игумену Ионе, поэтому вопрос решился в пользу обители. Таким образом, если бы не особые обстоятельства, монастырь мог бы и не выиграть этот спор. В 1950-е гг. Г. Н. Образцов, ученик И. И. Смирнова, защитил диссертацию по материалам этого же фонда [Образцов]. Он исследовал около 8 тысяч различных документов, основываясь главным образом на актах XVII в., но захватывая и XVI в. Он пришел к выводу о неуклонном расширении Сийским монастырем своей вотчины в результате сделок с крестьянами и без «какого-либо препятствия со стороны правительства», которое всегда вставало на сторону монастыря в спорах с крестьянами. Г. Н. Образцов также заключил, что еще в первой половине XVI в. «объектом первоначальной заинтересованности монастыря явились земли Емецкого стана», наиболее населенного района Двинского уезда по рекам Емце и Ваймуге [Образцов, с. 6–7]. Позднее сийскими актами широко пользовался А. И. Копанев [Копанев].

Среди грамот XVI в. имеется список (в тексте употреблено слово «снимок») судного списка 1579 г. Речь идет о споре между Антониево-Сийским монастырем и крестьянами Моржегорской волости (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 612). Документ, оригинал которого был писан земским дьячком Иванкой Прокофьевым, был в копии оформлен на 8 сставах, на бумаге без филиграней шириной 15,2 см (ширина текста 13,5 см). На оборотной стороне списка помещена скрепа: «Бывший игумен Петерим руку приложил к сему списку». Исходя из этого можно понять, когда был составлен «снимок» с судного списка. Питирим, один из выдающихся игуменов Антониево-Сийского монастыря, был на игуменстве дважды: в 1578–1586 и второй раз в 1591–1597 гг. (видимо, уже до своей смерти). Перерыв был вызван тяжелой болезнью в 1586–1591 гг. Таким образом, «бывшим игуменом» он мог быть назван именно в этот перерыв, то есть наш «снимок» был изготовлен в отрезок времени с 1586 до 1591 г. По каким-то причинам через семь лет после разбирательства в монастыре понадобилось изготовить копию дела. Поскольку «снимок» был заверен, он предназначен был играть роль документа, возможно, в каком-то конкретном деле, а не просто копировался для сохранности или для монастырского архива. А. А. Калашникова показала, что, судя по дошедшему до нас материалу, копии судных списков обычно включали в монастырские копиянные книги, хотя некоторые случаи списывания их в отдельном виде также ею приведены, правда, без заверки на обороте [Калашникова, л. 209–210].

Моржегорская волость располагалась в среднем течении Северной Двины, по левому ее берегу². Название, возможно, связано с р. Моржевкой, впадающей в Северную Двину. В дальнейшем в этой местности возник Николаевский Моржегорский монастырь, строителем которого, по данным П. М. Строева, был Василий Кочергин с 1599 по 1623 г. [Строев, стб. 831]. Судьбы Моржегор в XVII в. слегка коснулся М. М. Богословский [Богословский, с. 46–47, прил. с. 23]. А первое упоминание в источниках данной местности и острова под Моржом встречается в Комиссионном списке Новгородской первой летописи под 1417 г.

² Ныне д. Моржегоры Виноградовского р-на Архангельской обл. Неподалеку существует также д. Усть-Морж.

в рассказе о том, как боярин Глеб Семенович Юрьев вместе с новгородскими беглецами, а также с устюжанами и вятчанами приплыли в насадах в Заволочскую землю, разорили волость Борок, Емцу и Холмогоры, пленили новгородских бояр Юрья Ивановича и его брата Самсона. В ответ новгородцы Иван Федорович, его брат Офонос, Гаврила Кирилович и Исак Ондреевич согнали обидчиков «под Моржом на острове» и освободили новгородских пленных «и с животы»³.

7 октября 1579 г. перед двинским данным старостой Яковом Матвеевым сыном Никитиным и целовальниками Федором Тимофеевым сыном Лукиным и Афанасием Фоминым судился «в-ыгумново место» монастырский слуга Антониево-Сийского монастыря Плохой Павлов с крестьянами Моржегорской волости. Плохой Павлов в тексте судного списка называется «ищя», то есть истец, крестьяне выступали в роли ответчиков (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 612). Имеется их перечень из 38 имен – видимо, всех хозяев дворов. Разбирательство состоялось на месте: «на матерой стороне (высокой стороне, высоком берегу. – В. В.-Л.) над рекою над Двиною по конец изгороды Плеского поля на новосечной полянки противу безверхия березы».

Монастырь бил челом государю на крестьян Моржегорской волости прихода церкви Иоакима и Анны. Этот храм в течение столетий был главным в Моржегорском приходе и существовал, как видно, еще до образования Моржегорского монастыря. Лучшими крестьянами прихода в начальной части жалобы названы Иван Обакумов, Фома Ермолин и Окул Коротаев (только трое из обозначенных выше 38). Крестьяне, по жалобе монастыря, не давали «к нашим к обелным деревням новоприсадные земли пахати». Речь шла о земле на берегу и на острове: «Противу наших монастырских деревень на реке на Двине остров Усть Верхнего Моржу с старые межи. А противу того, государь, острова наши монастырские доли на матером берегу в межах стоит на монастырской земли над Двиною рекою по конец изгороды Плеского поля на повосечной полянки береза безверхая. А та, государь, береза стоит на монастырской земли порубежной противу осокорника новоприсадого (недавно намытого. – В. В.-Л.) острова». Крестьяне эту землю пахали «сило» и косили там сено. Далее из текста жалобы следует, что крестьяне «владеют, государь, тем местом на том острове монастырскою землею тому дватцать лет с летом», не дают землю пахать и сено косить. Собственно, эти многолетние «обида великие» чинились «монастырским крестьянцем»: «поля, государь, и пожни наших монастырских деревень огородили к своим полянкам и скота, государь, выпустити нигде не дадут», в результате чего «крестьянца, государь, наши и в долгу великом» были вынуждены покупать хлеб. В конфликте между монастырскими и черносошными крестьянами монастырь, естественно, защищал первых. Свои и своих крестьян убытки от действий окрестных черносошных крестьян он оценил в 100 рублей.

Крестьяне Моржегорской волости, отвечая данному старосте на обвинения со стороны монастыря, разделились на две части. Большая часть во главе с Иванкой Обакумовым (29 крестьян) отказались от земли, заявив, правда, что они ничего не знают о монастырских межах: «То, господине, земля не наша, тое мы земли не пашем и дела нам до тое земли нет», «как мы, господине, меж их не знаем и дела нам до той земли нет». При этом они не соглашались признавать убытки, за которые монастырь хотел получить денежное возмещение: «А убытко, господине, нас клевет».

Но крестьяне д. Власовской во главе с Куземкой Прокофьевым сыном по прозвищу Лихач (9 крестьян) настаивали, что речь идет об их «владенье» и «вотчине царя и великого князя», то есть об оброчной земле: «земля, где мы на которой земли стоим, и выше того вверх подле реку... да и за рекою, господини, противу того острова Вяцкойверху и до головы (то есть

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 407.

до верхней части. – В. В.-А.) земля наша ж, Власовской деревни». Они ссылались на купчие: «А владеем мы, да и купчие, господине, у нас на ту землю есть». Возможно, именно наличие подтверждающих документов, имеющих юридическую силу, давало им чувство уверенности в своих правах. У первой группы крестьян, как можно предположить, подтверждений их прав не имелось.

По требованию данного старосты Плохой Павлов традиционно заявил: «уличаю их, господине, в земли и в убытках крестом животворящим, сам крест целую, и им верю». В ответ Иванко Обакумов «с товарищи» сказали: «в убытках в своих вытех крест целуем сами, а ему не верим». При этом они повторили, что «до земли, господине, нам и дела нет». Таким образом, большая часть крестьян не хотела только платить за убытки монастырю, но от самой земли отказалась. Крестьяне же д. Власовской во главе с Куземкой Лихачом не хотели признавать также и претензии со стороны монастыря на землю: «мы, господине, крест целуем сами, а ему не верим».

Из текста судного списка понятно, почему власовские крестьяне защищали свои позиции столь упорно. Когда данным старостой был задан вопрос о том, чем, кроме крестного целования, монастырь может их уличить, истец сослался на старые межи, которые были подробно перечислены и описаны (при этом ориентирами оказались разного рода насечки на деревьях, пни и поваленные стволы). Кроме того, Плохой Павлов сослался на свидетелей, назвав трех «старожилов» (видимо, из монастырских крестьян). В ответ Куземко Лихач «с товарищи» сослались на важные документы – «на сотную Ивана Петровича Заболотцкого (то есть на описание 1552/1553 г. – В. В.-А.) да на книги Кирила Михайлова сына Осфутина в том, что тот Вятцкой остров присошен к нашей Власовской деревни». Кроме материалов государственных описаний они привели свидетельства всех крестьян трех соседних волостей – Шастозерской, Репонемской и Калейской (из которых по имени были названы восемь человек, то есть больше, чем мог привести монастырь): «шлемся в земской обыск на те три волости крестьян, в том, что тот Вятцкой остров старой нашей Власовской деревни».

Поскольку власовские крестьяне имели столь сильные свидетельства своих прав, Плохой Павлов был вынужден их признать, сказав: «... на сотную, господине, письма Ивана Петровича Заболотцкого да на книги Кирила Михайлова сына Офутина шлюсь. А на Шастозерские волости крестьян... и на всех крестьян Репонемские волости... и на всех крестьян Калейские волости шлюсь на те три волости крестьян в послушество». Таким образом, власовские крестьяне во главе с Куземкой Лихачом, сославшись на сотную и писцовые книги, предложил провести земский обыск, истец с этим согласился, и на этом судный список в основной своей части заканчивается.

Однако через два дня, 9 октября, крестьяне помирились с монастырем, о чем была также занесена запись в судный список. Мы можем только предполагать, что подтолкнуло их к миру. Проверка писцовых книг и тем более обыск требовали много времени и затрат: видимо, нужно было ехать в Москву, а на месте по специальной процедуре опрашивать крестьян окрестных волостей. Возможно, взвесив все это, стороны решили договориться. Монастырь отказался от денежных претензий. Что касается земли, то, к сожалению, описания межей в начале грамоты в изложении Плохого Павлова с описанием их в понимании крестьян, а также с характеристикой в конце грамоты, где излагались результаты договоренности, несопоставимы. Более поздняя отводная грамота, о которой см. ниже, также не помогает. Ввиду этого остается непонятным, были ли подтверждены все межи, на которых изначально настаивал монастырь, или же нет.

9 октября в присутствии данного старосты и целовальников Плохой Павлов помирился с крестьянами как будто на разных условиях. С первой группой крестьян во главе с Иванкой Обакумовым они просто «помирились и мир явили». Что же касается второй группы (крестьян д. Власовской), то в тот же день они также с монастырем «наставя правды и долож

Якова Матфеева с товарищи помирились и мир явили». Более сложная формула мира в этом случае (включавшая, например, слова «наставя правды») связана с более сложным решением, поскольку были подробно описаны межи с указаниями опять на деревья особых форм, корни и пни. Видимо, речь идет о каком-то компромиссе, поскольку межи утверждены «полюбовно». Мы, правда, лишены возможности точно определить, смогли ли власовские крестьяне отстоять свои права хотя бы частично. Поскольку наличие большого числа свидетелей и документов, причем двух видов – как частных актов, так и государственных описаний, усиливали позицию Куземки Лихача «с товарищи», можно предположить, что монастырь пошел еще на какие-то уступки, кроме отказа от денег.

Возникает вопрос, кому был выдан оригинал судного списка, поскольку стороны помирились и выигравшей стороны не было. Однозначно ответить пока нельзя. Возможно, с этим как-то связано желание монастыря через несколько лет после суда сделать «снимок» с судного списка. Кроме этого «снимка» сохранились в оригинале две грамоты – отпись и отводная, оформленные крестьянами Моржегорской волости в один и тот же день 23 июля 1580 г., то есть через девять месяцев после решения суда. Они показывают, как осуществлялась реализация судебного решения. Отпись (Ф. 5. Оп. 1. Д. 619) была составлена от имени крестьян Моржегорской волости во главе с Иваном Обакумовым (вместе с ним названы имена восьми крестьян, лишь частично совпадающие с перечнем в судном списке). Крестьяне подтвердили, что «та земля не наша и дела нам до та земля нет» и что они и монастырь «между собою в убытках помирились». Крестьяне отказались от земли, а монастырь – от требования компенсации. Послухами при составлении отписи выступили Яков Афанасьев сын Лукин, Еремей Макарьин сын и Иван Ивоилов сын Борзой, а писцом выступил никольский дьячок Никифорко Харитонов сын.

В тот же день была составлена отводная грамота от лица второй группы крестьян во главе с Кузьмой Прокопьевым сыном Лихачом (Ф. 5. Оп. 1. Д. 619). Имена девяти крестьян полностью совпадают с судным списком и перечислены в том же порядке. Они признали, что с истцом Плохим «в убытках помирились и тое земли по старым межам отступились». После этого были перечислены межи, дословно совпадавшие с теми, что обозначены в конце судного списка. Видимо, при составлении отводной пользовались его текстом. Налицо лишь одно разночтение:

Судный список 1579 г. (Ф. 5. Оп. 1. Д. 612)	Отводная грамота 1580 г. (Ф. 5. Оп. 1. Д. 619)
...а от той березы прямо поперек острова к Двине, туда, господине, у нас межи полюбовно.	...а от тое березы прямо поперег к Двине от Спировы по тем межам.

В отводной грамоте по сравнению с судным списком добавлено определение «от Спировы», вставленное в оригинале над строкой. Трудно понять причину такого уточнения, но, вероятно, оно имело смысл. Некоторые выражения отводной (фраза о замирении в вопросе об убытках, слова, что впредь им «до той земли дела нет»), казалось бы, говорят о том, что крестьяне во главе с Куземкой Лихачом все-таки отказались от претензий на спорные земли. С другой стороны, отношения власовских крестьян с монастырем были урегулированы специальной отводной, и земля по этой отводной размежевана, тогда как отношения с монастырем первой группы крестьян были оформлены простой отписью с подтверждением отказа крестьян от земли. Значит, исход дела для крестьян был разным, и для Куземки Лихача дело не ограничивалось лишь отказом монастыря от денежных претензий. Монастырь, похоже, уступил им что-то из земли, хотя с уверенностью говорить об этом нельзя.

Писцом отводной грамоты был Васка Исаков – не тот, кто писал отпись. В отводной

не было сказано, кем он являлся (в случае, если писец грамоты был земским выборным лицом или же церковным дьячком, это всегда отмечалось). Можно предположить, что Васка был одним из местных крестьян, возможно, младшим братом упомянутого в этой же грамоте Митяя Исакова. Почему отводную не стал писать тот же никольский дьячок, что и отпись Моржегорских крестьян, можно только гадать. Послухами при составлении отводной выступили те же лица, что и при составлении отписи, но у одного из них вместо деденства было теперь поставлено фамильное прозвище: Яков Афанасьев сын Емецкий. Это известное по другим сийским актам лицо, о нем и его роде писал А. И. Копанев [Копанев, с. 98–109, 187, 212]. Емецкие были давними вкладчиками Антониево-Сийского монастыря и среди прочих имели владения «на Моржу» [Копанев, с. 101]. Сохранились образцы письма Якова Емецкого. На обороте отводной также имеется его рукоприкладство, довольно искусное на фоне других – второго послуха Еремея Макарьина сына Игумнова, одного из крестьян Третьяка Юрьева сына Палицына, а также некоего Никифора, назвавшего себя послухом («К сей отводной послух Никифор руку приложил»), хотя в перечне послухов он не значился и среди крестьян волости, названных в отводной, Никифора нет. Единственное лицо с таким именем – никольский дьячок Никифорко Харитонов сын, писавший в тот же день отпись моржегорских крестьян.

Итак, с помощью судного списка и двух последующих грамот можно проследить небольшой эпизод из жизни крестьян Моржегорской волости в последней трети XVI в. Во-первых, выясняется, что они не были едины и составляли разные группировки в случаях, когда дело доходило до границ земельных владений. Во-вторых, мы видим, как настойчиво они могли свои интересы отстаивать, если имели на руках документальные подтверждения прав. И наконец, эти материалы свидетельствуют о том, что крестьяне хранили у себя архивы, могли ссылаться на сотные выписи и писцовые описания, что подтверждает наблюдения А. И. Копанева, приводившего в пример крестьян на Пинеге, которые в судном деле ссылались на документы столетней давности [Копанев, с. 13]. Результат судебного разбирательства 1579 г. показывает, несмотря на некоторую неопределенность вопроса об итоговых межах, что исход спора крестьян с местным монастырем мог оказаться не полностью в пользу монастыря, поскольку дело завершилось компромиссом.

Литература

- Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. VIII, 322, 105 с., [1] л. карт.
- Калашникова А. А. Русские судебные документы XV – первой половины XVI в. как исторический источник. Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2022. 329 с.
- Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978. 245 с.
- Образцов Г. Н. Крестьяне вотчины Антониева-Сийского монастыря в XVI–XVII веках. АКД. Л., 1951. 17, [1] с.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб., 1 л. факс.
- Чаев Н. С. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII в. // Исторический архив. 1936. № 1. С. 25–65.
- Чаев Н. С. Из истории вотчинной политики крупного феодала Поморья в XVII в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1941. № 73. С. 105–142.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. 428 с.

References

- Bogoslovskii, M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v. [Zemsky Self-Government in the Russian North in the 17th Century]. Moscow, 1909. Vol. 1. VIII, 322, 105 p., [1] l. of maps.
- Chaev, N. S. Iz istorii krest'yanskoi bor'by za zemlyu v votchinakh Antonieva-Siiskogo monastyrya v XVII v. [From the History of the Peasant Struggle for Land in the Patrimony of the Antoniev-Siysky Monastery in the 17th Century]. In *Istoricheskii arkhiv*. 1936. No. 1. Pp. 25–65.

Chaev, N. S. Iz istorii votchinnoi politiki krupnogo feodala Pomor'ya v XVII v. [From the History of the Patrimonial Policy of a Large Feudal Lord of Pomorye in the 17th Century]. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1941. No. 73. Pp. 105–142.

Cherepnin, L. V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vv. [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 1951. Part 2. 428 p.

Kalashnikova, A. A. Russkie sudebnye dokumenty XV – pervoi poloviny XVI v. kak istoricheskii istochnik [Russian Court Documents of the 15th – the First Half of the 16th Century as a Historical Source]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Saint Petersburg, 2022. 329 p.

Kopanev, A. I. Krest'yanstvo russkogo Severa v XVI v. [The Peasantry of the Russian North in the 16th Century]. Leningrad, 1978. 245 p.

Obraztsov, G. N. Krest'yane votchiny Antonieva-Siiskogo monastyrya v XVI–XVII vekakh [Peasants of the Patrimony of the Antoniev-Siysky Monastery in the 16th – 17th Centuries]. Autoabstract of Dissertation for the Degree of Candidate of History. Leningrad, 1951. 17, [1] p.

Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col., 1 l. of facs.

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ON THE STRUGGLE OF THE NORTHERN PEASANTS FOR LAND IN THE 16th CENTURY

The article presents an analysis of three documents from the collection of the Antoniev-Siya Monastery in the Archive of the St. Petersburg Institute of History (Russian Academy of Sciences) related to the monastery's lawsuit against the peasants of the Morzhegorskaya volost (judgment list, otstupnaja gramota and otvodnaja gramota). Some peasants of the volost renounced the claims of the monastery and retreated from the disputed land during the trial, while the others insisted on their rights. As a result, the dispute was resolved peacefully; the monastery refused the monetary claim and, perhaps, the peasants managed to defend some part of the land, although the sources do not allow be absolutely sure of it.

Keywords: Anthoniev-Siya Monastery, Morzhegorsk volost, judgment list (sudnyj spisok), otpis, otvodnaja gramota

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.006

А. А. Гиппиус

НИУ ВШЭ, Москва, Россия. agippius@mail.ru

К ИСТОРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.

В статье вводится в научный оборот ранее не привлекавшее внимания исследователей летописное известие 1422 г. о начале чеканки в Новгороде «четвертей» – монет достоинством в ¼ деньги, известных как четверетцы. «Лобцы» и «векши», на смену которым пришли «четверти», трактуются как низшие номиналы кунной системы, сохранившиеся после отмены в 1410 г. собственно кун как ее главного номинала.

Ключевые слова: средневековый Новгород, денежные реформы, кунная система

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

Денежные реформы 1410 и 1420 гг., полностью преобразовавшие финансовую систему Великого Новгорода, известны исследователям в первую очередь по двум сообщениям Новгородской I летописи (далее – НПЛ) младшего извода (цитируется Комиссионный список, в квадратных скобках – вариант из Академического):

«В лѣто 6918 (1410). ... Того же лѣта начаша новгородци торговати промежи себе лопыци [лобцы] и гроши литовьскими и артуги нѣмечкыми, а куны отложиша, при посадничествѣ Григорья Богдановича и при тысячомъ Васильи Есифовичѣ»¹.

«В лѣто 6928 (1420). Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша нѣмцом, а торговалѣ имы 9 лѣт»².

Относительно содержания этих сообщений в нумизматической литературе существует консенсус, сводящийся к следующему. В 1410 г. Новгород, отказавшись от архаичной «кунной системы», перешел к использованию иностранной монеты трех разновидностей: 1) любецких пфеннигов, названных «лобцами»; 2) пражских грошей, ходивших и в Литовской Руси и потому упомянутых как «литовские гроши», и 3) чеканившихся Ливонским орденом артигов («артуги»). В 1420 г. на смену иностранным монетам пришла собственная – денга-новгородка.

Н. П. Бауер, расширяя круг летописных источников, дополняет набор введенных в 1410 г. валют еще одной: «В Новгородской IV летописи и в летописи Авраамки... указывается еще на четвертую монету, на белки. Так, мы читаем в Новгородской IV летописи: “Сего же лета начаша Новгородци торговати белками, лобци и гроши Литовскими, и артуги Немецкими”. Белка – точный перевод немецкого слова виттен в его нижненемецкой форме, или Wiessen в более привычной нам средненемецкой. Виттен был двусторонней монетой, и на него шло по счету 4 лобца или любецких пфеннигов. Проба же его была значительно выше последнего» [Бауер, с. 429].

Задаваясь вопросом, почему в качестве альтернативы кунам были выбраны иностранные платежные знаки, а не московская денга, существовавшая к тому времени свыше 20 лет, тот же Н. П. Бауер писал: «О причине такого странного решения мы можем лишь догадываться. Их могло быть две – чисто политическая, нежелание подпадать под влияние Москвы в монетном отношении, и чисто финансовая. По новейшим наблюдениям еще до 1410 г. московская монетная политика покатила по отлогой плоскости: великий князь Василий Дмитриевич несколько снизил стопу своих денег не иначе как из корыстных фискальных целей. Торговый центр, как Новгород, подобные мероприятия никак не могли устраивать, и руководители новгородской политики обратились к монетам своих соседей» [Бауер, с. 428].

Сомнения в том, что московская валюта была полностью проигнорирована новгородцами в 1410 г., вызывают чтения Голицынского и Толстовского списков Новгородской IV летописи, принадлежащих, что существенно, к разным ее редакциям – старшей и младшей (ниже дополнения, взятые из этих списков, даны в квадратных скобках): «В лѣто 6918 (1410). <...> Сего же лѣта начаша новгородци торговати [промежь собою] бѣлками, лобци и гроши литовскими, [и денги московскими], и артуги немецкими, а куны отложиша...»³. Особенно важно, что эти варианты присутствуют и в первой подборке Новгородской Карамзинской летописи, отражающей, как теперь установлено, первоначальный вид (возможно, черновик) «Новгородско-Софийского» летописного свода, дошедшего до нас в Новгородской IV летописи (см. из последних работ: [Шибяев, 2015]). Здесь известие читается и с более аутентичной формой творительного падежа множественного числа существительного *денга*: «Сего же лѣта начаша новгородци торговати промеже себе бѣлками, лобци и гроши литовскими, и денгами московскими, и артуги немецкими...»⁴. Скорее всего, слова «и денгами московскими» читались уже в общем протографе летописей Новгородско-Софийской группы. Отсутствие их в части списков Новгородской IV летописи может рассматриваться как «прозападная» редакция, независимо (?) произведенная несколькими книжниками. Той же редакции (наряду с устранением «белок») исходный текст известия подвергся и в протографе Комиссионного и Академического списков НПЛ. Допущение первичности версии НПЛ означало бы,

² Там же. С. 412.

³ ПСРА. Л., 1925. Т. 4. Вып. 2. С. 410.

⁴ ПСРА. СПб., 2002. Т. 42. С. 97.

что упоминание московских денег было сначала вставлено в протографе Новгородско-Софийского свода, а затем изъято в части списков Новгородской IV летописи, что неоправданно усложняет реконструкцию.

Если известие 1410 г. изначально включало упоминание московских денег, то говорить об исключительно западном направлении «монетизации» на первом этапе новгородской денежной реформы не приходится: имело место использование иностранного монетного фонда в целом, представленного как «литовским» грошем и ливонским артигом, так и московской деньгой. Прямым свидетельством того, что последняя имела хождение в Новгороде уже в конце XIV в., является упоминание деньга в датируемой этим временем берестяной грамоте № 536: «го(во)з(а)[ь]човъ на деньгу сапожьныхъ».

Что же касается «лобцов», традиционно отождествляемых с любекскими пфеннигами, а также «белок», в которых Н. П. Бауер предложил видеть виттены, то от этих отождествлений следует, на наш взгляд, отказаться. В отличие от собственно нумизматических терминов *грошь*, *деньга* и *артугъ*, слово *лобець* (< *льбѣць*) не связано по происхождению с денежной сферой, представляя собой диминутив от *лобъ* (< *льбѣ*) 'головка'. Любекский пфенниг в русских источниках фигурирует как *любецкий*⁵. Именование его еще и «лобцом» может быть понято только как прозвище, данное по изображенной на монетах человеческой голове, на что и указывает Н. П. Бауер. Но здесь возникает следующая проблема. Значение 'головка' сближает термин *лобець* с названием такой денежной единицы, как *мордка*. Последнюю Н. П. Бауер, как и многие из его предшественников и последователей, также считал монетой. И. Леймус, исходя из метрологических соображений, допускает, что «на рубеже XIV–XV вв. мордками в Новгороде могли называть ливонские артиги»; при этом в качестве возможной мотивировки названия указывается, что в Ливонии «чеканились монеты с головой (мордкой) епископа» [Леймус, с. 186]. Однако слово *морда* (древне- и старорусскими памятниками не засвидетельствованное) обозначает в русском языке переднюю часть головы животного и применительно к человеческому лицу употребляется только в бранном смысле, что в данном случае предполагать нет никаких оснований. С другой стороны, указанное толкование едва ли приложимо к ранним фиксациям термина, в особенности к упоминанию в берестяной грамоте № 108 (начала XIII в.) «гривен коротких мордок».

Выход из положения – в принципе далеко не новый – заключается в признании мордок и лобцов элементами кунной системы, материальным носителем номиналов которой были не имевшие товарной ценности и функционировавшие как своего рода «ассигнации» вытертые шкурки пушных зверей, подробно описанные в известном рассказе Абу Хамида ал-Гарнати⁶ и упоминаемые как «драницы» в киевском графито о покупке Бояновой земли [Высоцкий, с. 61, № 25]; см. отождествление тех и других в работах А. В. Назаренко [Назаренко, с. 205–206] и П. С. Стефановича [Стефанович, с. 30]. В том, что лобцы и мордки были частями шкурок, не сомневались московские летописцы XVI в., писавшие об использовании новгородцами в качестве денег «лобков белых» и «мордок кунных»⁷. Так полагали и представители возникшей в XVIII в. теории древнерусских «кожаных денег» (см. подробный историографический обзор: [Бауер, с. 6–20]). Сделавшись в XIX в. объектом язвительной критики М. Т. Каченовского [Каченовский], «кожаная теория» была в дальнейшем оставлена большинством нумизматов как наивное заблуждение; в их числе был и Н. П. Бауер, в книге которого «металлическая» концепция древнерусских финансов получила наиболее последовательное воплощение.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 325.

⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. А. Монгайт. М., 1971. С. 35–36.

⁷ ПСРА. СПб., 1897. Т. 11. С. 218.

Введение в научный оборот свидетельства ал-Гарнати и киевского граффито, по сути дела, реабилитировало это, казалось бы, навсегда отвергнутое построение. В свете открывшихся данных следует с доверием отнестись и к показанию Жильбера де Ланнуа (1413 г.), согласно которому «их [новгородцев] мелкая монета – головки белок и куниц»⁸. Н. П. Бауер, рассматривая это свидетельство как изолированное, мог объяснить его только «каким-то недоразумением».

Неприемлемо и отождествление «белок» с виттенами – не только потому, что слово *бълка* отнюдь не является точным переводом немецкого названия монеты, но и потому, что в основной массе новгородских источников им называется беличий мех, используемый, в частности, и в торговых расчетах (см.: [Бассальго, с. 230]). Полагаем, что беличьи шкурки имеются в виду и в известии 1410 г.

Не вступает ли предлагаемая трактовка «лобцов» и «белок» в противоречие с летописной формулировкой «начаша торговати...», предполагающей как будто, что и те и другие были введены в обращение впервые? Думается, что нет. Упоминание белок как раз и показывает, на наш взгляд, что эти слова подразумевают не начало использования всех перечисленных средств платежа (которые в большем или меньшем объеме могли использоваться и ранее), а переход к их новому набору в целом, исключившему собственно куны как основной номинал кунной системы. Названы три типа платежных средств: 1) мех – беличьи шкурки, 2) кожаные «ассигнации» мелкого номинала – лобцы, 3, 4, 5) иностранные монеты крупного номинала – гроши, деньги и артиги. Порядок, в котором перечислены монеты, неслучаен: сначала названы валюты ближайших соседей – «литовский» грош и московская деньга, а затем – ливонская валюта («артуги»). Упоминание «артугов» последними выражает, как можно думать, акцент, сделанный на ливонской монете как главном из платежных знаков, пришедшем на смену выведенной из обращения куне. Думать так позволяет то, что в известии о втором этапе реформы из упомянутых под 1410 г. иноземных монет фигурируют только «артуги», замененные деньгой новгородского чекана.

В отличие от первого сообщения, известие 1420 г. дошло без разночтений в части состава упомянутых денежных единиц. Но одно существенное расхождение все же имеется: в Новгородской IV летописи сохранилась отсутствующая в НПЛ дата: «В лѣто 6928 (1420). Мѣсяця маа [26]⁹ начаша новгородци торговати денгами сребряными, а артуги попродаваша Нѣмцемъ, а торговалѣ ими 9 год»¹⁰. Из писавших о новгородской денежной реформе, как кажется, только Н. П. Бауер обратил внимание на эту дату, отметив, что в Никоновской летописи сообщение датировано октябрём (без указания числа). Оговорив малую достоверность этого варианта, он заметил все же, что «летописцы могли расходиться в своих свидетельствах уже потому, что один зафиксировал постановление веча, другой окончательный момент, выпуск самих знаков» [Бауер, с. 429]. Это допущение выглядит излишним, между тем сама дата 26 мая далеко не случайна: в 1420 г. на этот день пришлась Троица, и объявление денежной реформы было, несомненно, специально приурочено к празднику.

С упоминанием даты, то есть в своем первоначальном виде, известие 1420 г. представлено и в Новгородской Карамзинской летописи, но не в первой подборке, заканчивающейся статьей 6919 г., а во второй, доведенной до 6936 (1428) г. Двумя годами позже в той же подборке читается известие, до сих пор не привлекавшее внимания исследователей и потому представляющее

⁸ «Et est leur menue mannoye de testes de gris et de martres» (*Lannoy G. de. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy voyageur, diplomate et moraliste / Recueillies et publiées par Ch. Potvin. Avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 33*), цит. по: [Бауер, с. 325].

⁹ Число отсутствует в Строевском списке, но имеется в пяти других привлеченных к изданию рукописях.

¹⁰ ПСРА. Т. 4. Вып. 2. С. 427.

особый интерес: «В лѣто 6930. <...> Того же лѣта сковаша новгородци четверти, а лобци и вѣкши отложиша»¹¹.

Неудивительно, что это сообщение осталось незамеченным в специальной литературе. В отличие от Новгородской I и Новгородской IV летописей, Новгородская Карамзинская летопись до недавнего времени не входила в «канон» источников по политической и социально-экономической истории Новгорода: ее значение для истории новгородского летописания было раскрыто лишь в конце XX в.; текстологов же содержание данного известия не привлекало. Между тем значение его велико: перед нами аутентичное свидетельство ранее неизвестного эпизода новгородской денежной реформы начала 1420-х гг. Упомянутые здесь «четверти» – хорошо знакомые нумизматам новгородские «четвертцы» или «четверетцы», монеты достоинством в четвертую часть деньги (см. специально о них: [Гайдуков, с. 92–102]). О времени начала их чеканки до сих пор ничего известно не было. Теперь же мы узнаём, что она началась через два года после начала чеканки деньги, как следующая стадия введения монеты собственного производства. Деньга-новгородка пришла на смену ливонскому артигу, «четверти» сменили выведенные из обращения «лобцы и векши».

Упоминание лобцов вместе с векшами, несомненно принадлежащими кунной системе, говорит, на наш взгляд, в пользу их трактовки как низшего номинала этой системы, в которую входили также «отложенная» в 1410 г. куна и мордка, о судьбе которой летописи ничего не сообщают. Поскольку векша как денежная единица существовала издревле, то же следует предполагать и относительно лобца. С этимологической точки зрения *куна*, *вѣкша*, *мордка* и *лобець* составляют четверку терминов, противопоставленных по двум признакам: как названия целых шкурок (*куна*, *вѣкша*) и их головных частей (*мордка*, *лобець*) и как названия шкурок куницы (*куна*) и белки (*вѣкша*). Полагая, что по второму признаку были противопоставлены также *мордка* и *лобець*, мордку, как более крупную единицу, следует сопоставлять с куницей, а лобец – с белкой. Схематично это соотношение отражает таблица:

	<i>куница</i>	<i>белка</i>
<i>целая шкурка</i>	<i>куна</i>	<i>вѣкша</i>
<i>головка</i>	<i>мордка</i>	<i>лобець</i>

Реконструкция стоимостного соотношения этих номиналов требует подробной аргументации, и здесь мы лишь пунктирно наметим ее. Как известно, гривна Русской Правды Краткой редакции подразделялась на 25 кун и на 20 ногат. В Новгороде этот счет сохранялся и в XII–XIII вв. (см.: [Гиппиус, 2017, с. 27]), и нет причин думать, что он был изменен под занавес существования кунной системы. Подразделение гривны на мордки было, очевидно, третьим способом ее организации, также существовавшим с древности. Из записи кенигсбергского грощшаффера 1402–1404 гг. известно, что гривна (*marcschin*) подразделялась на 28 *marthou̇bte* (букв. ‘кунных головок’)¹². В последних есть все основания видеть мордки, упоминаемые в проекте торгового договора Новгорода с Любеком и Готландом как *capita martarorum*¹³. Таким образом, гривна = 20 ногат = 25 кун = 28 мордок.

¹¹ ПСРА. Т. 42. С. 177.

¹² Schuldbücher und Rechnungen der Großschäffer und Lieger des Deutschen Ordens in Preußen 2: Großschäfferei Königsberg II (Ordensfolianten 142–149 und Zusatzmaterial) / Hrsg. von J. Laczny und J. Sarnowsky unter Mitarbeit von C. Heß. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. N. F. Bd. 59, 2). Köln; Weimar; Wien, 2013. S. 30.

¹³ С *marthou̇bte* кенигсбергской записи *capita martarorum* отождествляют авторы последней публикации договора 1268/1269 г., переводя это сочетание как ‘куньи мордки’ и справедливо противопоставляя его кунам как другой денежной единице [Хрусталева, Бондарь, с. 466, примеч. 67]. Противопоставляет эти понятия и И. Леймус [Леймус, с. 186, примеч. 20]. Позицию В. А. Янина, видевшего в *marthou̇bte* куны [Янин, с. 325], следует признать ошибочной.

Семеричное в своей основе членение гривны на 28 мордок отразилось в дальнейшем членении новгородской монетной гривны на 14 денег. Можно сказать, что метрологическим прототипом новгородской деньги послужила удвоенная мордка. После совершившегося в 1410 г. отказа от кун мордка, по-видимому, осталась в обращении наряду с векшей и лобцом: именно так можно понять уже процитированное свидетельство де Ланнуа об использовании новгородцами в 1413 г. в качестве мелкой монеты головок белок (лобцов?) и куниц (мордок?). Как заметил Л. А. Бассалыго, соответствие деньги двум мордкам подтверждается известной «Памятью о том, как торговали доселе новгородцы», сохранившейся в виде записи в минее Соловецкого монастыря 1494 г. [Бассалыго, с. 225]. Первая часть записи гласит: «Пя(т) лобцо(в) четверетца; адеся(т) лобцо(в) двѣ четвертци, ино то мротка; а ногата полторы мротки, три четверетци; а двѣ вѣкши лбець; а лбецо(в) пя(т) за четвере(д)тцу» (ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 518/537. Л. 200 об.)¹⁴. Поскольку четверетца – это четвертая часть деньги и при этом две четверетцы эквивалентны мордке (в записи она фигурирует как *мротка*, с отражением диалектного рефлекса сочетания *tʏrt), одной деньге соответствуют две мордки.

С другой стороны, мордка «Памяти» соответствует десяти лобцам; следовательно, гривна заключает в себе 280 лобцов. Эта норма ближайшим образом напоминает стандарт «280 (семь сороков) беличьих шкурок на гривну серебра», выводимый из берестяных грамот № 1021 и 1072 (конец XII в.) [Гиппиус, 2017, с. 30]. Можно думать, что отношение мордки к лобцу в рамках кунной системы (10 : 1) есть не что иное, как проекция соотношения стоимостей стандартных шкурок куницы и белки. Такой же проекцией другого варианта этого соотношения является отношение 12 : 1, связывавшее куну и веверицу, стоимость которой, согласно нашим выкладкам, составляла 1/2 стоимости векши (см.: [Гиппиус, 2019, с. 133]). Получаем, таким образом, следующие формулы:

гривна = 20 ногат;

гривна = 25 кун = 150 векш = 300 вевериц;

гривна = 28 мордок = 280 лобцов.

Отметим и следующее частное противоречие. Исходя из приведенных соотношений мы ожидали бы в «Памяти» условного приравнивания векши к двум лобцам (с аналогичным округлением ногата приравнена к полутора мордкам). Но запись утверждает обратное («двѣ вѣкши лбець»). В этом единственном пункте мы склонны предполагать искажение исходного чтения *«два лобца вѣкша», естественное для книжника, оперировавшего уже не актуальными в его время денежными единицами. В остальном приведенная часть «Памяти» предстает как вполне точное описание номиналов кунной системы через их отношение к наименьшему номиналу новой, монетной денежной системы – «четверти», выпуск которой в 1422 г. стал, как мы теперь знаем, финальным эпизодом реформирования новгородской денежной системы в первой четверти XV в.

Литература

Бассалыго Л. А. О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв. // НИС. Великий Новгород, 2020. Вып. 19 (29). С. 218–233.

Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем. IX в. – 1535 г. М., 2014. СХХIII, [I], 683 с., [8] с., [1] л. портр.

¹⁴ Цитируется по фотовоспроизведению [Шибяев, 2017, с. 46]. Вторая часть записи, оформленная в рукописи как отдельный абзац с собственным инициалом, представляет собой самостоятельный расчет, оперирующий особыми денежными единицами. Так, ногата, равная во второй части семи деньгам, не может быть тождественна ногате первой части, размер которой определен в три четверетцы. Считать, как это иногда делается, что под четверетцами в «Памяти» имеются в виду не новгородские монеты, а какие-то другие неизвестные единицы [Янин, с. 352; Кистерев, с. 77], мы оснований не видим.

- Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. Вып. 1. XI–XIV вв. 239 с.
- Гайдук П. Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки. М., 2006. 406 с.
- Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород; СПб., 2017. С. 25–36.
- Гиппиус А. А. Векша и веверица как фракции древнерусской гривны // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 130–133.
- Каченовский М. Т. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849. IV, 202 с.
- Кистерев С. Н. Деньги в Новгороде на рубеже XIV–XV вв. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М., 1994. С. 59–84.
- Леймус И. О некоторых русских денежных понятиях, употребляемых среди ганзейского купечества в Ливонии и Новгороде // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1 (17). С. 182–191.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. 780 с.
- Стефанович П. С. Гривна как денежная единица: к спору «меховистов» и «металлистов» // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород; СПб., 2017. С. 19–24.
- Хрусталева Д. Г., Бондарь Л. Д. Проект торгового соглашения Новгорода с Любеком и Готландом 1268/1269 гг. (латинская грамота) // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 453–480.
- Шибанов М. А. Новгородско-Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 127–134.
- Шибанов М. А. Палеографические и кодикологические наблюдения над записью «Память, как торговали доселе новгородцы» в Минее из Соловецкого собрания РНБ // Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной нумизматической конференции. Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. Великий Новгород; СПб., 2017. С. 44–49.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. 415 с.

References

- Bassalygo, L. A. O sootnoshenii grivny serebra i grivny kun v Velikom Novgorode v XII–XV vv. [About the Ratio of the Grivna of Silver and the Grivna of Kuna in Veliky Novgorod in the 12th – 15th Centuries]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, 2020. Issue 19 (29). Pp. 218–233.
- Bauer, N. P. Istoriya drevnerusskikh denezhnykh sistem. IX v. – 1535 g. [The History of Old Russian Monetary Systems. 9th Century – 1535]. Moscow, 2014. CXXIII, [I], 683 [8] p., [1] l. of portr.
- Gaidukov, P. G. Russkie poludengi, chetverettsy i polushki [Russian Poludengas, Chetverettsas and Polushkas]. Moscow, 2006. 406 p.
- Gippius, A. A. Berestyanaya gramota No. 1072 i denezhno-vesovye sistemy srednevekovogo Novgoroda [Birch Bark Letter No. 1072 and Monetary and Weight Systems of Medieval Novgorod]. In *Rossiiskii rubl'. 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii. Velikii Novgorod. 25–27 aprelya 2016 g.* Velikii Novgorod; Saint Petersburg, 2017. Pp. 25–36.
- Gippius, A. A. Veksha i veveritsa kak fraktsii drevnerusskoi grivny [Veksha and Veveritsa as Fractions of the Old Russian Grivna]. In *Dvadtsataya Vserossiiskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Velikii Novgorod, 16–20 aprelya 2019 g. Tezisy dokladov i soobshchenii*. Moscow, 2019. Pp. 130–133.
- Kachenovskii, M. T. Dva rassuzhdeniya o kozhanykh den'gakh i o Russkoi Pravde [Two Arguments about Leather Money and about the Russian Truth]. Moscow, 1849. IV, 202 p.
- Khrustalev, D. G., Bondar', L. D. Proekt trgovogo soglasheniya Novgoroda s Lyubekom i Gotlandom 1268/1269 gg. (latinskaya gramota) [Draft Trade Agreement of Novgorod with Lubeck and Gotland 1268/1269 (Latin Letter)]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Moscow; Saint Petersburg, 2011. Issue 12 (22). Pp. 453–480.
- Kisterev, S. N. Den'gi v Novgorode na rubezhe XIV–XV vv. [Money in Novgorod at the Turn of the 14th – 15th Century]. In *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noi Rossii. K yubileyu professora russkoi istorii Niny Borisovny Golikovoi*. Moscow, 1994. Pp. 59–84.

- Leimus, I. O nekotorykh russkikh denezhnykh ponyatiyakh, upotrebyaemykh sredi ganzeiskogo kupechestva v Livonii i Novgorode [About Some Russian Monetary Terms used among Hanseatic Merchants in Livonia and Novgorod]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. No. 1 (17). Pp. 182–191.
- Nazarenko, A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Old Rus on International Routes. Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Relations of the 9th – 12th Centuries]. Moscow, 2001. 780 p.
- Shibaev, M. A. Novgorodsko-Sofiiskii svod i protoskriptorii Evfimiya II [The Novgorod-Sofia Corpus and the Protoscriptorium of Euphemius II]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, 2015. Issue 15 (25). Pp. 127–134.
- Shibaev, M. A. Paleograficheskie i kodikologicheskie nablyudeniya nad zapis'yu "Pamyat', kak torgovali dosele novgorodtsy" v Minee iz Solovetskogo sobraniya RNB [Paleographic and Codicological Observations on the Record "Memory, How the Novgorodians Traded Hitherto" in the Minea from the Solovetsky Collection of the Russian National Library]. In *Rossiiskii rubl'. 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii. Velikii Novgorod. 25–27 aprelya 2016 g.* Velikii Novgorod; Saint Petersburg, 2017. Pp. 44–49.
- Stefanovich, P. S. Grivna kak denezhnaya edinita: k sporu "mekhovistov" i "metallistov" [Grivna as a Monetary Unit: To the Dispute of "Mechovists" and "Metallists"]. In *Rossiiskii rubl'. 700 let istorii. Materialy Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii. Velikii Novgorod. 25–27 aprelya 2016 g.* Velikii Novgorod; Saint Petersburg, 2017. Pp. 19–24.
- Vysotskii, S. A. Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi [Old Russian Inscriptions of St. Sophia of Kiev]. Kiev, 1966. Issue 1. XI–XIV vv. [11th – 14th Centuries]. 239 p.
- Yanin, V. L. Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoi Rusi i ocherki istorii denezhnoi sistemy srednevekovogo Novgoroda [Monetary and Weight Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod]. Moscow, 2009. 415 p.

Aleksey A. Gippius

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

TOWARDS THE HISTORY OF NOVGOROD MONETARY REFORMS OF THE FIRST QUARTER OF THE 15th CENTURY

The article introduces into scientific discourse the so far neglected 1422 chronicle entry reporting the start of minting Novgorod "quarter" coins worth ¼ denga. "Lobets" and "veksha", which were replaced by the "quarter", are interpreted as the lower denominations of the kuna system, which survived after kuna itself was cancelled in 1410.

Keywords: medieval Novgorod, monetary reforms, kuna system

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.007

А. А. Горский

ИРИ РАН, Москва, Россия. gor-ks@yandex.ru

ДОПОЛНЕНИЯ К ИСТОРИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМУ СПРАВОЧНИКУ

Статья содержит справочную информацию об употреблении на Руси до XV в. терминов *думец*, *конюший*, *починок* и *пустошь*.

Ключевые слова: Русь, Средневековье, думец, конюший, починок, пустошь

В изданном в 2019 г. автором этих строк при участии коллег историко-терминологическом справочнике «Русское средневековое общество» [Горский], включающем в себя имена существительные, имеющие отношение к общественному (политическому и социальному) устройству и встречающиеся в источниках ранее XV столетия, несколько терминов оказались обойдены вниманием. Настоящая работа призвана восполнить данное упущение.

Думец (др.-русс. *доумьць, доумьца*)

Значение слова «думец» – ‘советчик’¹; но со второй половины XII в. встречаются случаи, когда оно обозначает явно четко очерченную группу лиц при том или ином князе.

Лаврентьевская летопись под 1177 г.: «и дружину его всю изымаша и думци его извеза всѣ»². Речь идет о поражении, понесенном князем Мстиславом Ростиславичем от владимирского князя Всеволода Юрьевича. «Думцы» отделены от «дружины»: имеются в виду постоянные ближние советники князя.

Лаврентьевская летопись под 1207 г.: «повелѣ (Всеволод Юрьевич «Великое Гнездо». – А. Г.) изымати ихъ (рязанских князей. – А. Г.) с своими думцами и вести ихъ в Володимерь»³.

Повесть о походе Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев 1185 г. Ипатьевской летописи: «И рекоша Игореву доумци его»⁴. По смыслу рассказа к «думцам» относятся сын тысяцкого и «конюший», советовавшие князю бежать из плена (см. ниже о конюшем).

Встречается термин «думцы» в значении ближнего окружения князя и в ордынскую эпоху: так, в Рогожском летописце говорится, что, узнав о победе Дмитрия Донского на Куликовом поле, рязанский князь Олег Иванович «повергъ свою землю, да самъ побѣжалъ и со княгиней и з дѣтми и съ бояры и з думцами своими»⁵.

Таким образом, «думцами» назывались участники постоянного совета («думы») при князе⁶. В их числе могли быть, судя по известию о «думцах» Игоря, не только бояре, так как «конюшие» на Руси относились к княжеским управителям – тиунам (см. ниже).

Конюший (др.-русс. *конюшии*)

Первое упоминание такого позднее широко распространенного придворного чина, как *конюший* – управляющий конским хозяйством князя, содержится в Повести о походе Игоря на половцев 1185 г. Ипатьевской летописи. Ранее это слово употреблялось как прилагательное к существительному «тиун» – *тиун конюшии*⁷. Но в данном летописном рассказе оно выступает как субстантивированное, причем несколько раз: «С нимъ (Игорем в половецком плену. – А. Г.) бо бяшетъ тысяцкого сынъ и конюшии его, и тоу ноудяста и, глаголюща: “Поиди, княже, в землю Роускою, аще восхошетъ Богъ, избавить тя”»⁸; «И посла Игорь к Лаврови конюшого своего»⁹; «... пришедъ конюшии повѣда князю своему Игореву, яко ждеть его Лаворъ»¹⁰.

Починок (др.-русс. *починокъ*)

Самое раннее упоминание «починка» фиксируется в первой духовной грамоте Дмитрия Донского (1370-е гг.): «А что буд(е) прикупилъ [сель, или] примыслилъ, или починковъ, или которая буд(у)тъ села о(т)ца моего великомъ княженьѣ купля, или моя села купленая, или брат(а) моего села, княжи Ивановы, тѣ села и починки с(ы)ну моему, князю Василью, и моеи княгини, и моимъ дѣтемъ»¹¹.

¹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 99. Яркая характеристика роли «думцев»-советчиков присутствует в «Слове Даниила Заточника»: «...князь не самъ впадаетъ въ вещь, но думци вводятъ. С добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая, меншего лишенъ будеть» (ПЛАДР. XII век. М., 1980. С. 394).

² ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 384.

³ Там же. Стб. 431.

⁴ ПСРА. М., 2001. Т. 2. Стб. 650.

⁵ ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 140.

⁶ О «думе» и «совете» см.: [Горский, с. 139, 311–312].

⁷ Так, в ст. 12 Русской Правды Пространной редакции говорится: «А за тивунъ за огнищныи и за конюшии, то 80 гривенъ» (Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 105).

⁸ ПСРА. Т. 2. Стб. 650 и примеч. 68, 69.

⁹ Там же. Стб. 651.

¹⁰ Там же.

¹¹ ДДГ. № 8. С. 24–25.

Во второй духовной великого князя (1389 г.) починки упоминаются неоднократно: «А изъ Юрьевских сел даю с(ы)ну своему, князю Василью: Митин починок, Малаховское, Костянтиновское, Жырошкины деревни, Островское, Орининское, Копотеньское, Хвостовское, у города лугъ за рекою»; «А изъ Юрьевских сел ему (сыну Юрию. – А. Г.): прикупа моего село Кузмыдемьянское, да Красного села починок за Везкою придал есмъ къ Кузмыдемьянскому, да село Бо(го)род(и)цкое в Ростовѣ»; «А се даю с(ы)ну своему, князю Ивану: Раменеице з бортники и что к нему потягло, да Звѣрковское село съ Сохоньским починомъ»; «А се даю своеи княгинѣ: свои примыслъ Скирменовскую слободку с Шепковым, Смоляныѣ с Митяевским почином...»; «А на Коломнѣ мои примыслъ Самоилцевъ починокъ з деревнями, Савельевский починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское, а то княгини моеи»¹².

Починки называются в ряду сельских поселений – сел, слободок, деревень¹³. Этим понятием, впоследствии широко распространенным, именовались новые, недавно основанные поселения¹⁴.

Пустошь/пустошка (др.-русс. поустошь, поустошька)

«Пустошь» как вид земельного владения начинает упоминаться с конца XIV столетия.

Грамота белозерской княгини Феодосьи (1380–1390-е гг.): «Се язъ, княгини Федорова Феодосья, продала есмъ Ондръю Захарыиничю пустошьку Кичивиньскую и зымями и с водами и с пожнями с путикомом, што было за Кузьмокою на Шешѣ, а пожни на Словѣнокѣ с обѣ стороны рѣки»¹⁵.

Новгородская купчая рубежа XIV–XV вв. (не позднее 1409 г.): «Се купиша Михаило Федорович(ъ) своим с(ы)ном с-Ываном оу Юрья у Вонцифорова с(ы)на село Мидно з деревнями и с пустошми... И даша на том сели на Мидни з деревнями, и с пу[сто]шми, и с лесом, и со всяким угодием, и с лугом за Тферцею девяносто рублев навгородцкую»¹⁶.

Пустошами именовались участки земли, где ранее существовало сельское поселение, затем заброшенное¹⁷.

Литература

- Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019. 416 с.
Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.; Л., 1965. 462 с., 4 л. ил.
Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. 899 с.
Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. 381, [2] с.

References

- Cherepnin, L. V. Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv. [Formation of the Russian Centralized State in the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 1960. 899 p.
Gorskii, A. A. Russkoe srednevekovoe obshchestvo: istoriko-terminologicheskii spravochnik [Russian Medieval Society: Historical and Terminological Reference Book]. Saint Petersburg, 2019. 416 p.
Kochin, G. E. Sel'skoe khozyaistvo na Rusi kontsa XIII – nachala XVI v. [Agriculture in Russia of the Late 13th – the Early 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1965. 462 p., 4 l. of il.
Yanin, V. L. Novgorodskie akty XII–XV vv.: Khronologicheskii kommentarii [Novgorod Acts of the 12th – 15th Centuries: Chronological Commentary]. Moscow, 1991. 381, [2] p.

¹² Там же. № 12. С. 33–35.

¹³ О данных терминах см.: [Горский, с. 116, 297, 300].

¹⁴ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2004. Т. 7. С. 399.

¹⁵ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 1. С. 15.

¹⁶ АСЭИ. М.; Л., 1952. Т. 1. № 2. С. 26. О дате грамоты см.: [Янин, с. 216–217].

¹⁷ [Черепнин, с. 161, 166; Кочин, с. 112–116]; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2012. Т. 9. С. 304–305.

ADDITIONS TO THE HISTORICAL AND TERMINOLOGICAL REFERENCE BOOK

The article provides information on the usage of terms such as *dumets*, *konjushii*, *pochinok* and *pustosh'* in Rus until the 15th century.

Keywords: Rus, Middle Ages, *dumets*, *konjushii*, *pochinok*, *pustosh'*

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.008

А. Г. Гуськов

ИРИ РАН, Москва, Россия. *guskov-andrei@mail.ru*

К. А. Кочегаров

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. *kirill-kochegarow@yandex.ru*

С. М. Шамин

ИРИ РАН, Москва, Россия. *shaminy@yandex.ru*

**СЕЙМЕНЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА
В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1686–1700 гг.**

В статье рассматривается история элитного подразделения крымских ханов – сейменов в период Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Появление и развитие данных формирований у одного из вассалов Османской империи в течение XVII в. свидетельствовало о возрастании роли вооруженной огнестрельным оружием мобильной пехоты в текущих конфликтах. В научный оборот вводятся новые данные о численности, денежном довольствии и порядке комплектования корпуса сейменов.

Ключевые слова: сеймены, секбаны, Русско-турецкая война 1686–1700 гг., Крымское ханство

В ходе так называемой Долгой войны (1593–1606 гг.) Османской империи против Габсбургов для противодействия огневой мощи пехоты противника турки должны были, во-первых, увеличивать численность янычарского корпуса, а во-вторых, создавать дополнительные отряды пеших стрелков. Последние формирования получили название сеймены или секбаны. Они набирались за денежное жалованье в провинциях империи из представителей податных сословий (райя), в значительной степени из безземельных крестьян. Сеймены сводились в отряды – бёлюки (по 50–100 человек) во главе с бёлюкбаши, передвигались как в конном, так и в пешем строю, но на поле боя выступали как пехота. Современные европейские наблюдатели определяли их как некое подобие драгун. Общий принцип вооружения этих отрядов – наличие кремневого ружья и сабли. Во второй половине XVII – начале XVIII в. общая численность турецких сейменов составляла несколько тысяч человек, а в отдельные периоды достигала 10–15 тысяч [Inalcik, p. 283–303; Великанов, Нечитайлов, с. 167–175].

Необходимость увеличения численности пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, привела к появлению подобных формирований и у османских вассалов, где они носили более элитарный характер. В Молдавии и Валахии с 1620-х гг., а чуть позднее в Трансильвании возникли отряды конных и пеших стрелков (от нескольких сотен до 1 тысячи человек), составлявших своего рода придворную гвардию местных правителей. Их стали называть сейменами, так же как и молдавские и валахские отряды легкой пехоты или драгун, несшие как гарнизонную, так и полевую службу. Все они были обмундированы и вооружены по османскому образцу и набирались из свободных людей разных этнических групп. Во второй половине

XVII в. сеймены входили в придворные войска румынских бояр и венгерских магнатов [Wagner, s. 111–115].

Появились сеймены и в Крымском ханстве. Здесь формирование сейменского корпуса происходило, как показал в своей монографии А. А. Шейхумеров, в первой половине XVII в. Предшественниками сейменов в XVI в. были стрелки тюфенкджи, набиравшиеся из подвластного хану населения, в том числе немусульманского. Сеймены присутствовали в крымской армии вплоть до упадка ханства, представляя собой одновременно и своеобразную гвардию хана, выполнявшую парадные и церемониальные функции, и стрелков, несших службу в гарнизонах, и использовавшуюся на поле боя пехоту (передвигавшуюся при этом в конном строю). Численность сейменов в целом была невелика: до 1680-х гг. их отряды насчитывали от 500 до 1 тысячи человек, а в XVIII в. – 3–3,5 тысячи человек. Содержание воинов оплачивалось из султанской казны. Крымские сеймены набирались из представителей проживавших в Крыму различных этносов, в том числе немусульманских, как правило, на принципе добровольного найма. В качестве оружия крымские сеймены использовали ружья, луки и сабли [Шейхумеров, 2019а, с. 38–56]¹.

При всей фундированности монографии А. А. Шейхумерова нельзя не отметить, что данные о сейменах Крымского ханства весьма скудны и разрозненны, из-за чего многие выводы автора касательно эволюции, структуры сейменского корпуса, возлагавшихся на него военно-административных задач носят гипотетический характер, а отдельные свидетельства источников порой необоснованно экстраполируются на широкий хронологический отрезок времени. Учитывая возросшее внимание исследователей к военному делу крымских татар, одной из важных задач стало введение в оборот новых данных, позволяющих представить тот или иной аспект указанной проблематики на более солидной источниковой основе в рамках конкретного временного отрезка – в период Русско-турецкой войны 1686–1700 гг.

Ряд данных указывает на то, что численность сейменского корпуса ханства была увеличена при подготовке к обороне Крымского полуострова, в том числе Перекопа, перед возможным наступлением русских войск. Пленные крымцы среди прочего сообщали, что только для обороны Перекопа Селим-Гирей планировал собрать 9 тысяч пехоты «с мушкеты» [Гуськов, Кочегаров, Шамин, с. 67]. Цифра эта кратно преувеличена, однако какие-то реалии о росте численности ханских сейменов она, безусловно, отражает. Так, на допросе 11 июля 1687 г. (в Каменном Затоне) вернувшийся из плена житель Каменца-Подольского Ивашко Васильевич сообщил, что в ханском войске, вышедшем из Перекопа навстречу наступавшей на Крым армии Голицына, находилось «семеней старых и новоприборных полшесты тысячи», то есть 5,5 тысячи человек². Данная цифра также сильно завышена. Для нас в этом сообщении важно упоминание «новоприборных» сейменов. Наконец, приехавший из крымского стана русский гонец толмач Петр Хивинец, опрошенный 7 июля 1687 г. в лагере Л. Р. Неплюева возле Каменного Затона, утверждал, что «семеней де при хане старых и новоприборных тысячи с две»³. Последняя цифра наиболее близка к реальности; при этом особенно важно то, что Хивинец также говорил о «новоприборных» сейменах. Это позволяет заключить, что речь идет не о рутинной ротации состава сейменского корпуса, а о единовременном мобилизационном акте по набору кандидатов для службы в рядах ханской пехоты конца 1686 – начала 1687 г., привлечшем внимание современников.

Известие Хивинца почти совпадает с более поздней информацией, которую удалось собрать находившемуся в Крыму в 1692–1695 гг. русскому гонцу подьячему В. Айтемирьеву.

¹ Раздел монографии о сейменах опубликован также в виде статьи: [Шейхумеров, 2019б].

² РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. Д. 185. Л. 62–63.

³ Там же. Л. 54.

Он сообщал об итогах произведенного в апреле 1693 г. смотра сейменов, связанного с их предстоящей отправкой на султанскую службу. Подьячий утверждал, что всего в Крыму имеется 34 бёлюка сейменов, в том числе 24 ханских бёлюка, 6 – калги и 4 – нураддина. Каждый бёлюк состоял из бёлюкбаши, одабаши, байрактара, чауша и 46 рядовых сейменов. В поход на помощь султану должно было отправиться 20 бёлюков с ханом и 4 – с калгой. При отправке на эту службу бёлюкбаши и одабаши получили по 96 левков, а остальные – по 40 левков⁴. Поскольку русскому дипломату удалось добыть полные данные вплоть до размеров жалованья, именно это известие следует рассматривать как наиболее точное, когда речь заходит о численности сейменского контингента. Из сообщения видно, что на весну 1693 г. в Крыму имелось 1700 сейменов, из которых 1200 служили хану, 300 – калге и 200 – нураддину. При этом в поход 1693 г. отправлялась лишь их часть – 1200 человек.

Численность сейменов ограничивалась тем, что они содержались на жалованье, которое султаны посылали ханам [Смирнов, с. 414]. По крайней мере в период войны деньги выплачивались достаточно регулярно. Об этом свидетельствует сводная ведомость выплат ханам за участие в военных действиях Османской империи в 1687–1736 гг. В соответствии с ней с 1099 г. (7 ноября 1687 – 26 октября 1688 г.) ежегодные выплаты составляли 15 000 акче, а с 1104 г. (12 сентября 1692 – 2 сентября 1693 г.) они выросли в четыре раза – до 60 000 акче и оставались такими до 1108 г. (31 июля 1696 – 20 июля 1697 г.). Следующая выплата зафиксирована уже в 1124 г. (9 февраля 1712 – 28 января 1713 г.) [Desaive, Gökbilgin, p. 110–114]. Между 1697 и 1712 гг. деньги в Крым не отправлялись.

А. А. Шейхумеров, обративший внимание и на статейный список В. Айтемирьева, и на приведенные выше данные о выплате жалованья, делает вывод о резком увеличении численности сейменов с 1692 г. [Шейхумеров, 2019а, с. 47]. Однако Айтемирьев сообщает именно об увеличении султанского жалованья («прислано к прежнему в прибавку на жалованье капыкулом и сейменям несколько червонных золотых (человеку. – А. Г., К. К., С. III.), но тех червонных в народ не объявлено»)⁵, а не о росте количества сейменов. Учитывая сведения источников, логично предположить, что численность сейменского корпуса выросла ранее, в связи с началом войны, но лишь к 1693 г. Селим-Гирею удалось добиться соответствующего увеличения платы из султанской казны.

Русские источники не фиксируют резкого роста численности сейменских отрядов и после 1692 г. Летом 1696 г. посланный И. С. Мазепой на разведку казачий отряд столкнулся с ханским войском, при котором находилось 20 знамен (бёлюков) сейменов⁶. В 1697 г. хан посылал в Кабарду к калге 3 знамени сейменов, а в поход с ханом вновь отправлялось 20 знамен. В последнем случае подчеркивалось, что в каждом знамени по 50 человек, а всего 1000 человек⁷.

В 1697 г. хан Селим-Гирей попытался не только вновь увеличить количество сейменских войск, но и изменить их традиционный способ комплектования. Это известие содержится в расспросных речах татарина, взятого в плен в июне того же года: «На венгерскую войну Сабас-Гирея-салтана не значено, которому хан приказал было со всякой мечети по одному человеку с янычанками конно поставить в готовности, но в том деле Шишин-бей и иные хану отговорили и не допустили, говоря, что в Крыму прежде сего того не бывало, чтоб волных людей неволею в семени вписывать, а ныне уже с подлинною частию татар того салтана без семенев имеют опустить»⁸.

⁴ Статейный список подьячего Василия Айтемирьева в Крым, 1692–1695 гг. Одесса, 1896. С. 69.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 146–147.

⁷ Там же. Л. 152 об., 569 об.

⁸ Там же. Л. 566–566 об.

Принудительный набор в сеймены, по-видимому, и ранее имел место в исключительных случаях, когда ханскому двору необходимо было срочно увеличить численность пехоты для конкретных военных надобностей⁹. В 1697 г. Селим-Гирей принял решение набрать на службу по одному сеймену с обмундированием и вооружением от каждой мусульманской общины Крыма. Поводом для этого стало выполнение распоряжения османских властей – отправка в Венгрию войск во главе с Шахбас-Гиреем. Однако из-за сопротивления крымской знати провести подобный набор не удалось. Тем не менее какое-то число сейменов мобилизовали. Об этом рассказал татарин, попавший в плен в июле 1697 г. Он утверждал, что «на венгерскую войну» с Шахбас-Гиреем отправилось «ево, салтанских, 6 знамен сейменев»¹⁰. Появление собственных сейменов при царевиче, не являвшемся калгой или нураддином, нарушало существовавшую практику. Однако в данном случае Шахбас-Гирей представлял Крым при войске султана, который оплачивал содержание сейменов.

В результате значительного увеличения численности сейменов все же не произошло. Упомянутый выше татарин утверждал, что с выступившим в поход ханом находится «24 знамени сейменев, а под всяким знаменем по 50 человек (то есть всего 1200 человек. – А. Г., К. К., С. Ш.), а болши того в Крыму ево, ханских, сейменей нет»¹¹. То, что при Селим-Гирее находились все его сеймены, стоит объяснить, видимо, тем, что ханскому войску предстояло совместно с турками штурмовать занятую российскими войсками Тавань. Имеющие огнестрельное оружие и привычные к пешему бою, они были необходимы для подобных операций. Надо полагать, что именно поэтому и московские власти уделяли сейменам столь же исключительное внимание в расспросах пленных. В августе того же 1697 г. в Тавань перебежали волошане, которые утверждали, что при хане «лутчих людей» сейменов с «огненным боем» 4000 человек¹². Эти данные противоречат предшествующему сообщению. Возможно, информатор смешивал крымских сейменов с прибывшими на «восточный фронт» турками. Число, указанное пленным татарин, представляется более достоверным.

Имеющиеся в нашем распоряжении на сегодняшний день источники никак не выделяют участие сейменов в главных сражениях кампаний 1687–1689 гг. Более того, характер ранений людей армии Голицына в боях с армией Крымского ханства 15–17 мая 1689 г. (раны, нанесенные саблями либо стрелами, при почти полном отсутствии огнестрельных ранений) скорее свидетельствуют, что сеймены в них не участвовали [Гуськов, Кочегаров, Шамин, с. 212–226]. Ряд новых данных об участии сейменов в боях относится ко второй половине 1690-х гг. В июне 1696 г. Мазепа послал 160 человек «выборных городовых казаков кампанейщиков» с целью разведки и захвата пленных. Отряд обнаружил татар в верховьях реки Молочной и напал на них. Во время погони казаки столкнулись с превосходящими силами ханского войска и укрылись в терновнике. Конница пробиться к ним не смогла. Тогда тартары «привели на них дватцать знамен семенев, которые, спешив с лошадей, бились с ними многое время... И частою из ныченок (ружей «янычарок». – А. Г., К. К., С. Ш.) стрельбою листвие и ветвие на терну збили». Потеряв 40 человек, казаки вынуждены были сдаться¹³. Другой случай применения сейменов в боях 1696 г. связан с нападением отряда калмыков на калгу Девлет-Гирея. Сеймены выпалили из мушкетов по нападавшим, а затем бросились на них с саблями [Шейхумеров, 2019а, с. 53].

⁹ В 1658 г. попавший в русский плен татарин Тай, живший в Синопе «гулящим человеком», рассказал, что он, переехав в Бахчисарай, был по приказу «крымского царя» записан «в службу в семени» (см.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1892. Т. 15. 1658–1659. Стб. 97).

¹⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 643.

¹¹ Там же. Л. 642.

¹² РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 12. Ч. 3. Д. 1644. Л. 1173–1177.

¹³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Кн. 77. Л. 145–146.

В обоих случаях сеймены сражались в пешем строю, используя огнестрельное оружие (хотя и передвигались на лошадях). Однако в том же 1696 г., когда 10 июня на обоз пришедшего под Азов Большого полка А. С. Шеина напала конница нураддина Шахин-Гирея, его сеймены действовали иначе. Об этом мы узнаём благодаря тому, что сеймен Кадыр Дунакаев попал в плен. Он в составе отряда нураддина «подбегал» под московский обоз, а затем отступал до реки Кагальника, где некий «русской человек» сбил его с лошади выстрелом¹⁴. Этот редкий факт захвата сеймена связан с тем, что в данном сражении нураддин сам был ранен и чудом избежал пленения. Действия Дунакаева показывают, что при случае сеймены могли использоваться и как легкая кавалерия.

Остававшиеся в Крыму во время ханских походов сеймены служили своего рода «силами быстрого реагирования» в случае опасности. Так, 3 марта 1693 г. в Крым пришла весть о том, что московские войска идут к Казы-Кермену. Узнав об этом, крымские царевичи взяли тех людей, которые при них служили, а также небольшое число сейменов и «побежали к Перекопи»¹⁵.

Источники, касающиеся указанного периода, содержат ряд данных о полицейских (включая борьбу с дезертирством) и парадно-церемониальных функциях сейменов. В 1689 г. в ожидании похода российской армии на Крым калга и нураддин «послали от себя семеней да писарей в Крым для высылки ис тридцати из дву городовых и волостных уездов всех воинских татар, а в каждой по писарю да по семеню и приказали им, чтоб они выслали их тотчас, а хто будет выслан, тех бы имена те писари записывали»¹⁶. В июне 1692 г. хан отправил к калге четырех сейменских бёлюкбашей с требованием послать татарских мурз в поход под угрозой смерти. Виновным приказали отрубать головы для последующего предъявления султану. Несколько человек казнили. Однако эти «мобилизационные мероприятия» скоро прекратились из-за того, что бёлюкбаши, заехав в дом одного из мурз рода Ширинских, изнасиловали его дочь, после чего бежали¹⁷. В 1696 г. во время осады Азова сейменов использовали в качестве заставы, которая не позволяла татарам разбежаться со службы¹⁸. В 1699 г. ханские сеймены занимались розыском ширинского бека Он-Тимура, нанесшего оскорбление родственнику хана Девлет-Гирея и бежавшего из Крыма. При этом был разграблен дом беглеца [Смирнов, с. 655].

В обязанности сейменов входили охрана, сопровождение или конвоирование дипломатов. Как свидетельствовал летом 1687 г. П. Хивинец, после приезда в ставку хана его «отдали за короул семенем»¹⁹. В 1692 г. по приезде В. Айтемирьева в Крым перекопский ага отправил с ним сеймена в качестве провожатого. Этот сеймен следил за тем, чтобы не было общения между русским дипломатом и местными жителями. Позднее сеймены караулили Айтемирьева в Чуфут-Кале, сопровождали к нему официальных лиц и провожали до Перекопа²⁰. Судя по наблюдениям Айтемирьева, сейменов нередко отправляли с различными поручениями.

Важную роль играли сеймены в парадных церемониях. 1 мая 1693 г. они участвовали в торжественном «выходе» хана «на венгерскую войну»²¹. В мае 1694 г. в Крыму принимали приехавшего от султана «конюшего». К нему на встречу выезжали бёлюкбаши всех бёлюков, а сами сеймены стояли с пищалами по обе стороны дороги у въезда в Бахчисарай. Когда к городу подвезли присланную султаном казну, сеймены дали салют из пищалей²².

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 142.

¹⁵ Статейный список подьячего Василия Айтемирева в Крым, 1692–1695 гг. С. 68.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии). Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 169–170.

¹⁷ Статейный список подьячего Василия Айтемирева в Крым, 1692–1695 гг. С. 39. См. также: [Шейхумеров, 2019а, с. 55].

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 3. Д. 1466. Л. 253.

¹⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 51–52.

²⁰ Статейный список подьячего Василия Айтемирева в Крым, 1692–1695 гг. С. 13–14, 39, 110, 134.

²¹ Там же. С. 78.

²² Там же. С. 107–108.

Для характеристики сейменов важно то, что их нередко выделяли в документах в качестве особых, близких крымским властителям воинов. Так, 20 июля 1687 г. черниговский полковник Г. Самойлович сообщал Л. Р. Неплюеву, что хан Селим-Гирей якобы хочет атаковать их «со всеми своими силами и что есть при нем семеней»²³. Сеймены тут специально выделяются как подразделение, отправка которого в поход должна была подчеркнуть его особое значение. Сеймены отделены от всего остального войска в 1695 г. в письме Селим-Гирея турецкому султану по поводу потери Казы-Кермена и осады Азова. Хан пишет: «на все наши войска, до наших солдат (сейменов) включительно, напало смущение» [Смирнов, с. 655]. В прославляющей Б. П. Шереметева поэме Петра Терлецкого говорится, что разбитому российским полководцем нураддину не помогли «ani odważne semeni, ani bitne ordińce, ani ogniste janczarowie» («ни храбрые сеймены, ни воинственные ордынцы, ни стрелки-янычары»)²⁴.

Появление и развитие типологически схожих сейменских формирований у Порты и ее вассалов в течение XVII в. свидетельствовало о возрастании роли вооруженной огнестрельным оружием и мобильной (в том числе благодаря передвижению на конях) пехоты в конфликтах Османской империи с государствами Центральной и Восточной Европы. Для крымских ханов, при дворе которых сеймены возникли первоначально под османским влиянием как разновидность ханской гвардии, одним из таких конфликтов, стимулировавших развитие имеющих огнестрельное оружие войск, стала Русско-турецкая война 1686–1700 гг. Она продемонстрировала потенциальную уязвимость ханства перед армией Русского государства. В этих условиях Селим-Гирей предпринял меры по увеличению численности сейменов, вербуя новых «мушкетеров» («новоприборные» сеймены в 1687 г.), добиваясь у Стамбула увеличения финансирования (1693 г.) и даже попытавшись ввести принцип принудительного набора ханских стрелков в 1697 г. Нужда в сейменах становилась особенно острой при организации обороны Перекопа от наступающих войск Голицына в 1687 и 1689 гг. и при попытке возвращения захваченной Россией Тавани в 1697 г. В это время источники отмечают систематическое участие сейменов в ряде сражений и походов, при том, что за ними сохранялись полицейские и «гвардейские» (парадно-церемониальные) функции. В ходе войны Селим-Гирей, по-видимому, удалось добиться роста сейменского корпуса до 1,7–2 тысяч человек, однако дальнейшие попытки его увеличения прекратились. Основных причин этого было три: слабость ханской казны, ее зависимость от субсидий Стамбула, а также узость социальной базы для формирования имеющей огнестрельное оружие пехоты. Чтобы переломить ситуацию, Селим-Гирей попытаться провести принудительный набор в сеймены, однако столкнулся с нежеланием крымской знати способствовать формированию отрядов, усиливавших политические позиции хана.

Литература

- Великанов В. С., Нечитайлов М. В. Щит и меч султана: Армия Османского государства в конце XVI – начале XVIII в. М., 2020. 632 с.
- Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022. 528 с.
- Селищев А. М. Слава Б. П. Шеремете (польский панегирик XVII века) // Русский библиофил. 1915. Кн. 5. С. 83–103.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 772 с.
- Шейхумеров А. А. Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань; Симферополь, 2019. 304 с. [Шейхумеров, 2019а]

²³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 185. Л. 77–78.

²⁴ *Terlecki P. Slawa heroiczných dzieł jasnie wielmożnego jmc pana Borysa Petrowicza Szeremety...* [Чернигов], 1695. [S. 7] (пагинация в книге отсутствует). См. также: [Селищев, с. 91].

Шейхумеров А. А. Крымские сеймены: регулярная пехота Гиреев // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума, Казань, 26–28 июня 2019 года. Казань, 2019. С. 260–266. [Шейхумеров, 2019б]

Desaive D., Gökbilgin Ö. Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVII – début du XVIII siècle, 1687–1736 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1970. Vol. 11. № 1. P. 110–117.

Inalcik H. Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire, 1600–1700 // Archivum Ottomanicum. 1980. Vol. 6. P. 283–337.

Wagner M. Semen. Z dziejów europejskich formacji zbrojnych w XVII w. // Do szarży marsz, marsz... Studia z dziejów kawalerii. Toruń, 2018. T. 7 / Pod red. A. Smolińskiego. S. 109–126.

References

Desaive, D., Gökbilgin, Ö. Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVII – début du XVIII siècle, 1687–1736. In *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1970. Vol. 11. No. 1. Pp. 110–117.

Gus'kov, A. G., Kochegarov, K. A., Shamin, S. M. Russko-turetskaya voyna 1686–1700 godov [Russian-Turkish War of 1686–1700]. Moscow, 2022. 528 p.

Inalcik, H. Military and Fiscal Transformation in the Ottoman Empire, 1600–1700. In *Archivum Ottomanicum*. 1980. Vol. 6. Pp. 283–337.

Selishchev, A. M. Slava B. P. Sheremete (pol'skii panegirik XVII veka) [Glory to B. P. Sheremet (Polish Panegyric of the 17th Century)]. In *Russkii bibliofil*. 1915. Book 5. Pp. 83–103.

Sheikhumerov, A. A. Armiya Krymskogo khanstva: organizatsiya i taktika (XV–XVIII vv.) [The Army of the Crimean Khanate: Organization and Tactics (15th – 18th Centuries)]. Kazan; Simferopol, 2019. 304 p. [Sheikhumerov, 2019a]

Sheikhumerov, A. A. Krymskie seimeny: reguljarnaya pekhota Gireev [Crimean Seymens: Geray's Regular Infantry]. In *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma, Kazan', 26–28 iyunya 2019 goda*. Kazan, 2019. Pp. 260–266. [Sheikhumerov, 2019b]

Smirnov, V. D. Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty do nachala XVIII veka [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte until the Beginning of the 18th Century]. Odessa, 1889. 252 p.

Velikanov, V. S., Nechitailov, M. V. Shchit i mech sultana: Armiya Osmanskogo gosudarstva v kontse XVI – nachale XVIII v. [Shield and Sword of the Sultan: The Army of the Ottoman State in the Late 16th – the Early 18th Century]. Moscow, 2020. 632 p.

Wagner, M. Semen. Z dziejów europejskich formacji zbrojnych w XVII w. In *Do szarży marsz, marsz... Studia z dziejów kawalerii*. Toruń, 2018. T. 7. Pod red. A. Smolińskiego. S. 109–126.

Andrej G. Gus'kov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Kirill A. Kochegarov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Stepan M. Shamin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE SEIMENI OF THE CRIMEAN KHANATE DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1686–1700

The article discusses the history of the elite unit of the Crimean khans – Seimeni during the Russian-Turkish War of 1686–1700. The emergence and development of these units in the Crimean Khanate, one of the vassals of the Ottoman Empire during the 17th century, testified to the increasing role of mobile infantry armed with firearms in current conflicts. Some new facts concerning the number, the monetary allowance, recruitment and military organization of Seimeni are introduced into scientific circulation.

Keywords: *Seimeni, Sekbans, the Russian-Turkish War of 1686–1700, the Crimean Khanate*

Н. В. Евстафьев

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. *nikichan1@yandex.ru***ХРИСТИАНЕ И ПРОСТЫЕ МУСУЛЬМАНЕ В СЛАВЯНСКИХ ЖИТИЯХ XVI В.**

В статье рассматривается отражение межконфессиональных и межэтнических отношений между христианами и рядовыми мусульманами в славянских житиях XVI в. Простые мусульмане в агиографических сочинениях чаще всего представлены в виде обобщенной толпы религиозных фанатиков, которые стремятся навредить христианам. Этот образ гораздо более негативный, чем даже образ представителей османской власти (кадиев, городских стражей). Вместе с тем в житиях присутствуют некоторые детали городской жизни Османской империи XVI в. и примеры относительно мирного взаимодействия христиан и мусульман. Некоторые мусульмане и вовсе показаны в качестве нейтральных, а иногда и положительных персонажей, что отчасти выходит за рамки, установленные жанром.

Ключевые слова: Османская империя, славянские жития XVI в., христианские мученики, межконфессиональные отношения, св. Георгий Новый Софийский, св. Николай Новый Софийский, св. Антоний Супрасльский

В XVI в. на балканских землях Османской империи пострадали за веру несколько христианских мучеников: Иоанн Серрский (+ 1507), Антоний Супрасльский (+ 1507 или 1508), Георгий Новый Кратовец (Софийский) (+ 1515) и Николай Новый Софийский (+ 1555), – им посвящены соответствующие жития [История, с. 700–706]. Несмотря на свою принадлежность к религиозной литературе, не всегда точно отражающей действительность, эти сочинения выступают одним из немногих источников, проливающих свет на положение подвластного Османской империи христианского населения и на его отношения с обычными мусульманами.

На первый взгляд кажется, что простые мусульмане в житиях изображаются в однозначно негативном ключе. Разъяренная толпа «агарян» нередко сравнивается со стаей диких зверей, которые «зубы своими скрѣжещуще»²⁵, в отдельных случаях обвиняемого христианина убивают еще до казни, как св. Николая Нового²⁶. Именно представители мусульманской общины выступают главными обвинителями²⁷, провоцируют столкновение с будущим мучеником и всячески способствуют его гибели. Даже османские власти (кадий и городские стражи) в житиях показаны лучше: они оберегают христианина от растерзания толпой, иногда открыто сочувствуют ему [Градева, 2001, с. 125; Евстафьев, с. 63]. Однако нет ли в житиях примеров взаимодействия, по характеру нейтральных или даже положительных?

Для начала подчеркнем важное обстоятельство: главные герои большинства житий – люди, искусные в ремесле. Георгий Новый был кузнецом (знал «хытроси кузничьские») и ювелиром («искуснь в художестве») ²⁸ [Турилов, Темелски, с. 69], Николай Новый – сапожником, который позже учил других своему ремеслу²⁹. Нарочитое указание на род

²⁵ Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности / Одељење језика и књижевности САНУ. Београд, 1976. Књ. 10. С. 249.

²⁶ В статье используются два варианта Жития: оригинал в издании П. А. Сырку и вышедший позднее перевод на болгарский язык: Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик // Стара българска литература / Съст.: Кл. Иванова. София, 1986. Т. 4. Житиписни творби. С. 308–376; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 81. № 2). С. 27–143.

²⁷ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 368–369; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 127–128.

²⁸ Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца. С. 236, 240.

²⁹ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 332, 335; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 60, 66.

деятельности святых может быть отсылкой к библейскому образу апостола Павла. Но ремесло играет важную роль и в сюжете житий – именно искусность христиан привлекает внимание «агарян», а затем приводит к конфликту [Цибранска-Костова, 2019, с. 16–17].

Задумавшие обратить св. Георгия Нового в ислам мусульмане воспользовались «хитростью» и пригласили Георгия выполнять для них работу кузнеца. Георгий согласился, потому что был «незлобиви» и верил «въсакому словеси»³⁰. Но он вполне мог и раньше выполнять заказы османских властей.

Еще более интересен пример из Жития Николая Нового Софийского, составленного Матеем Грамматиком, дьяком и лампадарием Софийской церкви [Цибранска-Костова, 2016]. Николай был хорошим сапожником³¹, и некоторые люди (причем не только христиане) шли к нему в ученики. Группа таких учеников-мусульман однажды позвала Николая на празднование, напоила до беспамятства и сделала ему обрезание, обратив в ислам³². Примечательна высокая степень доверия христианина к своим ученикам-мусульманам: он согласился участвовать в пиршестве с ними и, вероятно, не видел в этом чего-то невозможного.

Когда Николай пробудился, мусульмане безуспешно пытались развеселить учителя («много труд показующе еже обвеселити его»)³³. Николай не признал своего перехода в ислам, но, боясь за жизнь, не объявлял об этом открыто. Целый год он усердно молился, не выходя из дома и не участвуя в церковных обрядах, за что его ругали даже родственники («различные досады и укоризны елика от съродникъ»)³⁴. Такое поведение не могло остаться и без внимания мусульман. Однажды к Николаю явился представитель мусульманской общины («хулы ревнителя от чина измайлътскы силна въ словеси и остро умы»). «Варварин» обвинил Николая в том, что тот не участвовал в мусульманских обрядах, но готов был простить его за неопытность («ты простию примеши яко вънове пришьдшути»). Куда большее осуждение вызвало то, что Николай жил с христианской женой. Такое обвинение разозлило Николая: он открыто объявил себя христианином. Мусульманский посланник на время умолк от ужаса («яко рыба хуеиша»), но затем предупредил Николая о недопустимости отказа от ислама. Тогда Николай в присутствии собравшихся мусульман окончательно отверг ислам. Тотчас толпа («богомръснаго сънна людые») набросилась на Николая и повела его к кадию³⁵.

Так какое-то время Николай был «своим» и для христианской, и для мусульманской общин. И тех, и других смущало неучастие Николая в религиозной жизни, но целый год ему удавалось уклоняться от обвинений. Больше всего претензий мусульман вызывало сожительство Николая с иноверной супругой – нужно было развестись с ней либо обратить ее в ислам. Эта претензия возникла также не сразу, целый год мусульманская община считала семью Николая смешанной, что для османских городов не было чем-то невозможным [Градева, 1995, с. 52]. На религиозные различия родственников в этом Житии указывает еще один пример: во время судебного заседания на Николая с ножом напал некий мусульманин, названный родственником Николая («съродник по пльты»)³⁶.

³⁰ Богдановић Д. Житије Георгија Краговца. С. 240.

³¹ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 325; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 52.

³² Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 335–337; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 67–72.

³³ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 337; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 72.

³⁴ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 338–340; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 73–82.

³⁵ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 342–343; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 86–87.

³⁶ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 352–353; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 102.

Сам Николай был знаком с мусульманскими писаниями и хорошо знал язык иноверцев («глаголания их добре ведаше»), на суде он даже указывал на то, что по мусульманскому закону нельзя принудительно обращать в ислам³⁷. Очевидно, Николай часто имел дело с мусульманами, например со своими подмастерьями, хотя они могли быть из числа новообращенных мусульман – в XVI в. активно шел процесс исламизации Софии [Градева, 1996, с. 149]. С новообращенными мусульманами Николай, похоже, столкнулся и в османской темнице, куда его поместил судья. Когда в тюрьму к нему пришли несколько посетителей-христиан, в общении им пришлось перейти на греческий язык, потому что другие заключенные (мусульмане) могли использовать этот разговор во вред христианам³⁸. Очень вероятно, что перед этим Николай и посетители общались на славянском языке. Определенное знание мусульманского закона и языка характерно и для других святых. Например, св. Георгий Новый Софийский на равных ведет религиозный диспут с самим кадием³⁹.

Обратимся теперь к теме провокации. Свв. Георгия и Николая Софийских провоцируют сами мусульмане: Георгия заманивают предложением работы, а затем втягивают в опасный религиозный диспут. Николая обманом обращают в мусульманина, а затем требуют от него избавиться от жены. Причина гибели другого святого, Иоанна Серрского, пострадавшего в 1507 г., кроется в зависти мусульман к богатству и красоте христианского юноши⁴⁰. Иной случай представлен в Житии св. Антония Супрасльского. Св. Антоний был для Балкан пришельцем: он явился из Супрасльского монастыря в Западной Белоруссии. В отличие от остальных упомянутых святых, Антоний сам хотел пострадать за веру. Особенно его вдохновил подвиг св. Иоанна Серрского, о котором Антоний слышал на Афоне. Несмотря на увещания настоятеля Супрасльского монастыря Пафнутия и афонских старцев, Антоний отправился в фессалоникийскую церковь Св. Богородицы Ахииропоитиссы, обращенную в мечеть. Там Антоний и совершил задуманную «провокацию»: начал читать христианскую молитву, за что был немедленно схвачен и представлен перед местным градоначальником («епархом»). Антоний решительно отказался переходить в ислам, и «епарх» в конце концов отправил его на костер [Турилов, S. 274–275]. Сильное желание погибнуть за веру, реализованное наперекор мнению авторитетных христианских иерархов, нетрудно сравнить с самоубийством. Возможно, именно поэтому св. Антоний так долго оставался в забвении, а Житие его лишь недавно было открыто А. А. Туриловым [Турилов, S. 271; Лосева]. Так или иначе, гибель Антония не выглядит предопределенной. Не мусульмане втягивают христианина в религиозный конфликт, а он сам сознательно провоцирует их на жестокий ответ.

Впрочем, «агрессивным» в отстаивании своей веры представляется и св. Георгий Новый Софийский, но только в русской версии Жития. В этом варианте рассказа, появившемся в конце 1530-х гг., Георгий резко хулит иноверие, говоря о «лживых законах» ислама, и совершенно не боится смерти, тогда как для его южнославянского образа характерны страх и мучительная духовная борьба⁴¹. Можно заметить, что восточнославянским образам балканских мучеников (св. Антония Супрасльского и св. Георгия Нового) свойственно большее рвение в сопротивлении иноверию.

³⁷ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 348–349; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 96–97.

³⁸ Мъчение на Никола Нови Софийски от Матей Граматик. С. 361; Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. С. 118.

³⁹ Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца. С. 236–243.

⁴⁰ Одесская национальная научная библиотека. № 1/119. Сборник смешанного содержания («Сборник А. Кухарского»). Л. 367 об.–368, 374 (последняя четверть XVI в.). Благодарим А. А. Турилова за предоставленный текст Жития.

⁴¹ Калиганов И. И. Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 209–218.

Итак, простые мусульмане представлены в житиях в резко отрицательном ключе: они обманывают христианина, провоцируют его, насильно обращают в ислам. Даже совершившего провокацию св. Антония Супрасльского мусульмане подвергли неоправданно жестокому наказанию, хотя кадий не нашел вины Антония [Турилов, S. 275]. И все-таки в южнославянском Житии св. Георгия Нового есть примеры иного характера.

После казни Георгия мусульмане пообещали сжечь его мощи, а пепел развеять по ветру. Христиане во главе со священником Пейо решились на подкуп, который, однако, не дал нужного результата⁴². Тогда один христианин вызвался украсть тело. Поразителен мотив этого человека – он готов сделать это «мзды ради», что контрастирует с отказом мусульманских стражей брать взятку. Кроме того, этот христианин жил неподалеку от места казни в доме «у агаренина некоего»⁴³. Можно допустить, что некоторое время вор укрывал мощи святого в доме у знакомого мусульманина, а затем перенес их в софийскую церковь. На следующее утро христиане сообщили кадию, что «посреди церкви обрели Георгия». Судья удивился, но разрешил похоронить юношу подобающим образом⁴⁴. Этот пример показывает, что в рамках Жития не все христиане находились в конфронтации с мусульманами: один даже жил в доме у «агарянина». Возможно, он работал там слугой – в османских источниках встречаются такие примеры [Леонтьева, с. 177].

Второй пример относится к моменту казни Георгия. Мусульманская толпа прогнала священника Пейо с места казни, но он «имеше единого срацинина...», который «в срьдци же велику любовь имее о христианьскеи вере, страха же ради не смеаше исповедати». Этот мусульманин действовал по указанию Пейо и стал свидетелем гибели мученика⁴⁵. Данный «сарацин», должно быть, самый положительный персонаж-мусульманин в рассмотренных житиях. И он, скорее всего, даже был тайным христианином.

Итак, простые мусульмане в славянских житиях XVI в. редко наделены положительными качествами, что объясняется сюжетом агиографических сочинений и теми целями, с которыми они составлялись. В то же время краткое упоминание бытовых ситуаций с участием христиан и мусульман, описание повседневной жизни османских городов отчасти нарушает концепцию авторов житий и показывает, что межконфессиональные отношения не сводились к одним конфликтам. Христиане и мусульмане взаимодействовали на общем ремесленном поприще, христианин мог быть учителем мусульманским подмастерьям и участвовать в совместных с ними пиршествах. Есть в житиях и примеры открытого сотрудничества, как в случае с «сарацином», помощником Пейо, и мусульманским хозяином, в доме которого жил христианин, похитивший тело св. Георгия.

Литература

- Градева Р. Българи и турци XV–XVIII в. // Представата за «другия» на Балканите. София, 1995. С. 47–54.
- Градева Р. Към въпроса за религиозната атмосфера в Османската империя: София в средата на XVI век // Българският шестнадесети век. София, 1996. С. 149–185.
- Градева Р. Турците в българската книжнина XV–XVIII в. // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха. София, 2001. Т. 1. С. 112–134.
- Евстафьев Н. В. Образ мусульманского судьи (кадия) в славянской агиографии XVI века // Славяноведение. 2022. № 4. С. 56–66. DOI 10.31857/S0869544X0021052-0
- История на българската средновековна литература. София, 2008. 775 с.

⁴² Богдановић Д. Житије Георгија Краговца. С. 256–257.

⁴³ Там же. С. 258.

⁴⁴ Там же. С. 259.

⁴⁵ Там же. С. 252.

- Леонтьева А. А. Процессы этнокультурной интеграции в болгарском обществе конца XVII – XVIII вв. (по данным документов кадийского суда г. Софии). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2021. 243 с.
- Лосева О. В. Первые новомученики-«автоклиты» – греческие и славянские монахи-святогорцы // Афон и славянский мир. Святая Гора Афон, 2014. Сб. 1. Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Белград, 16–18 мая 2013 г. С. 28–34.
- Турилов А. А. Житие преподобномученика Антония Супрасльского и славянские жития балканских мучеников XVI в.: К постановке проблемы // Wiener Slawistischer Almanach. 2013. Bd. 12. S. 265–275.
- Турилов А. А., Темелски Хр. Георгий Новый Кратовский // ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 69–71.
- Цибранска-Костова М. Матей Грамматик // ПЭ. М., 2016. Т. 44. С. 210–211.
- Цибранска-Костова М. Святой и общество: конфликты и ценности («Житие святого Николая Нового Софийского» Матвея Грамматика, XVI в.) // Взгляд на славянскую аксиологию. М., 2019. С. 9–35. DOI 10.31168/0428-2.1

References

- Evstaf'ev, N. V. Obraz musul'manskogo sud'i (kadiya) v slavyanskoi agiografii XVI veka [The Image of a Muslim Judge (Kadi) in the Slavic Hagiography of the 16th Century]. In *Slavyanovedenie*. 2022. No. 4. Pp. 56–66. DOI 10.31857/S0869544X0021052-0
- Gradeva, R. B'lgari i turtsi XV–XVIII v. [Bulgarians and Turks in 15th – 18th Centuries]. In *Predstavata za "drugiya" na Balkanite*. Sofia, 1995. Pp. 47–54.
- Gradeva, R. K'm v'prosa za religioznata atmosfera v Osmanskata imperiya: Sofiya v sredata na XVI vek [To the Question of the Religious Atmosphere in the Ottoman Empire: Sofia in the Middle of the 16th Century]. In *B'lgarskiyat shestnadeseti vek*. Sofia, 1996. Pp. 149–185.
- Gradeva, R. Turtsite v b'lgarskata knizhnina XV–XVIII v. [Turks in the Bulgarian Literature of the 15th – 18th Centuries]. In *Balkanski identichnosti v b'lgarskata kultura ot modernata epokha*. Sofia, 2001. Vol. 1. Pp. 112–134.
- Istoriya na b'lgarskata srednovekovna literatura [History of Bulgarian Medieval Literature]. Sofia, 2008. 775 p.
- Leont'eva, A. A. Protsessy etnokul'turnoi integratsii v bolgarskom obshchestve kontsa XVII – XVIII vv. (po dannym dokumentov kadiiskogo suda g. Sofii) [The Processes of Ethno-Cultural Integration in the Bulgarian Society of the late 17th – 18th Centuries (According to the Documents of the Kadi Court of Sofia)]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2021. 243 p.
- Loseva, O. V. Pervye novomucheniki-“avtoklity” – grecheskie i slavyanskije monakhi-svyatogortsy [The Greek and the Slave Athonite Monks as the Earliest Autocletoi New Martyrs]. In *Afon i slavyanskii mir*. Svyataya Gora Afon, 2014. Issue 1. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 1000-letiyu prisutstviya russkikh na Svyatoi Gore. Belgrad, 16–18 maya 2013 g. Pp. 28–34.
- Tsibranska-Kostova, M. Matei Grammatik [Matthew the Grammarian]. In *Pravoslavnaia entsiklopediya*. Moscow, 2016. Vol. 44. Pp. 210–211.
- Tsibranska-Kostova, M. Svyatoi i obshchestvo: konflikty i tsennosti (“Zhitie svyatogo Nikolaya Novogo Sofiiskogo” Matveya Grammatika, XVI v.) [Saint and Society: Conflicts and Values (“The Life of St. Nicholas the New of Sofia” by Matthew the Grammarian, 16th Century)]. In *Vzglyad na slavyanskuyu aksiologiyu*. Moscow, 2019. Pp. 9–35. DOI 10.31168/0428-2.1
- Turilov, A. A. Zhitie prepodobnomuchenika Antoniya Suprasl'skogo i slavyanskije zhiitiya balkanskikh muchenikov XVI v.: K postanovke problemy [The Life of the Venerable Martyr Anthony of Suprasl and the Slavic Vitae of the Balkan Martyrs of the 16th Century: Towards the Formulation of the Problem]. In *Wiener Slawistischer Almanach*. 2013. Bd. 12. S. 265–275.
- Turilov, A. A., Temelski, Khr. Georgii Novyi Kratovskii [George the New of Kratovo]. In *Pravoslavnaia entsiklopediya*. Moscow, 2006. Vol. 11. Pp. 69–71.

CHRISTIANS AND ORDINARY MUSLIMS IN THE SLAVIC VITAE OF THE 16th CENTURY

The article deals with the issue of how the interfaith and interethnic relations between Christians and ordinary Muslims were reflected in the Slavic vitae of the 16th century. Ordinary Muslims in hagiographic writings are most often represented as a generalized crowd of religious fanatics who strive to harm Christians. This image is much more negative than the image of the Ottoman authorities (Kadi, city guards). At the same time, the vitae contains some details of the urban life of the 16th century Ottoman Empire and examples of relatively peaceful interaction between Christians and Muslims. A number of Muslims are shown as neutral, and sometimes positive characters, which somewhat goes beyond the frames set by the genre.

Keywords: Ottoman Empire, Slavic vitae of the 16th century, Christian martyrs, interfaith relations, St. George the New of Sofia, St. Nicholas the New of Sofia, St. Anthony of Suprasl

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.010

В. Д. Жуков
РГАДА, Москва, Россия. zhvd@list.ru

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОДДАНСТВА И ВЕРЫ
В РУССКО-КРЫМСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В XVII В.**

В статье разбирается фрагмент наказа русскому посольству Степана Тарбеева в Крымское ханство 1626 г., в котором обсуждается спорный вопрос о подданстве перебежавшего к русским члена предыдущего крымского посольства в Москву, русского пленника по происхождению, несколько раз менявшего веру. Этот документ характеризует взгляд русского правительства на соотношение подданства и веры и являет собой редчайший пример рассуждения русских людей XVII в. об этих предметах. В приложении к статье представлена его публикация.

Ключевые слова: выкуп пленных, вера и подданство, Крымское ханство, валуйская размена

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00496
«Московское государство, Османская империя и Крымское ханство в XVII в.: дипломатия и война
на южном пограничье».

Вопрос о соотношении веры и подданства в практике дипломатических сношений Московского государства и Крымского ханства в последние годы стал предметом обсуждения среди специалистов. Как известно, между этими странами в XVI–XVII вв. происходил постоянный обмен населением – как за счет пленных, так и за счет перебежчиков. Эта ситуация еще в XVI в. привела к формированию масштабной, не имеющей аналогов в посольской практике Московского государства системы выкупа и обмена пленных [Бережков; Шмидт; Тарасов; Жуков, 2012; Жуков, 2017; Жуков, 2019а; Жуков, 2019б; Жуков, 2020; Жуков, 2021]. Важнейшие акты, определившие ее очертания: Стоглав и Соборное Уложение, – трактуют выкуп как «общую милостыню», которую платят, прежде всего, исходя из религиозных соображений. В главе 8 Соборного Уложения 1649 г. сказано: «...такое искупление общая милостыня нарицается, и благочестивому царю и всем православным христианом за то великая мзда от Бога будет...»¹. Здесь, как мы видим, понятия «вера» и «подданство» определенно отождествлены.

Однако оба государства, идентифицируя себя на дипломатическом уровне со своими религиями, одновременно были поликонфессиональными. Московскому государю, как известно, служило множество мусульман [Беляков], причем многие из них занимали важные посты. В Крыму также существовало множество других конфессий, которые были представлены,

¹ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. С. 89.

помимо татар, караимами, крымчаками, армянами, греками, турками и др. Крымский социум, жизнь в котором регулировалась нормами шариата, в том числе и в отношении немусульман [Зайцев, 2016, с. 63], отличался относительной религиозной толерантностью [Зайцев, 2015, с. 112] и давал идеальные условия для «сохранения своей собственной культурной идентичности», будучи, по определению А. С. Лаврова, «“закрытым обществом” с нулевым интегративным потенциалом, интегрироваться в которое было чрезвычайно трудно, если не невозможно» [Лавров, п. 8].

Можно считать установленным, что при выкупе или обмене пленных подданство не идентифицировалось с верой, и московское правительство стремилось вернуть как христиан, так и мусульман. А. С. Лавров убедительно говорит о формировании в условиях степного пограничья «политической идентичности», сообщества «подданных царя», которые, оказавшись в плену, могли при удачном стечении обстоятельств рассчитывать на выкуп.

В то же время очевидно, что вопрос о вере не был совершенно отделен от вопроса о подданстве – сам факт принятия полоняником ислама непременно отмечается в русских документах и явно не рассматривается как предмет сугубо частного религиозного выбора. А. С. Лавров разрешает это противоречие, выдвигая гипотезу о том, что большинство переходов в другую веру совершалось на территориях, подконтрольных османам, а не крымским властям [Лавров, п. 9]. Однако нельзя не заметить, что известен целый ряд случаев, когда выходцы из Московского государства, приняв ислам, занимали впоследствии определенное положение в Крымском ханстве, и далеко не все из них укладываются в предложенную схему.

В делопроизводстве Посольского приказа за 1626 г. нам удалось обнаружить документ, который позволяет пролить дополнительный свет на понимание русской стороной соотношения веры и подданства.

В 1621/1622 г. между Крымским ханством и Московским государством возникла конфликтная ситуация. На Валууйку в качестве посла от «калгины Девлет Гиреевы царевичевы меньшей царицы» был послан русский полоняник по имени Дейко². В Крымское ханство он попал в 10-летнем возрасте вместе со своим отцом и братом, «ныне тому семнатцать лет», и «обасурманился» там, приняв татарское имя Сефер³.

Прибыв на валуйскую размену и оказавшись на русской территории, Дейко-Сефер неожиданно покинул крымское посольство и появился в Москве в Посольском приказе. Здесь он обратился к государю с просьбой о возвращении в русское подданство: «И бил челом тот Дейко великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца отцу, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси, чтоб его великий патриарх велел дать под начало и в православной христьянской вере его учинить по прежнему»⁴.

В ходе расспросов он достаточно подробно рассказал о своем происхождении, родственниках и обстоятельствах, в результате которых он оказался в Крыму. Однако спустя некоторое время Дейко-Сефер разочаровался в своем решении, он внезапно «своровал, побежал был и объявился на крымском дворе у послов»⁵, то есть снова вернулся к татарам.

Выяснилось, однако, что русское правительство было не готово согласиться с таким развитием событий, и по указу государя беглец был силой возвращен в Посольский приказ. Послы, которые, возможно, даже не знали о приключениях Дейки во время его отсутствия,

² РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии). Оп. 1. 1626 г. Стб. 4. Л. 178.

³ Там же. Л. 181.

⁴ Там же. Л. 183.

⁵ Там же. Л. 178.

заявили решительный протест против ареста члена посольства: «И по государеву указу от послов взят, а послы за него стояли, дать не хотели, и взят у них по неволе»⁶. О его дальнейшей судьбе мы не знаем: многозначительно сообщается только, что бояре «за его воровство, что он своровал, велели ему указ учинить»⁷.

Эти события разворачивались на фоне относительного затишья на русско-крымском пограничье. Московское государство постепенно восстанавливалось после разорения Смутного времени, а хан Магмет Гирей III с 1624 г. вступил в конфликт с султаном и вынужден был бороться за престол. Ни одна из сторон не была, таким образом, заинтересована в конфронтации [Новосельский, с. 122].

Дейко, однако, не был возвращен, и крымское посольство вернулось без него; следовало ожидать, что посол Мустофа мурза доложит об этом хану. Посольскому приказу представлялось вероятным, что хан, восприняв эту ситуацию как нарушение неприкосновенности крымских дипломатов, ответит зеркально, поступив подобным образом со следующим русским посольством в Крым, которое должно было отправиться в сентябре-октябре 1628 г. во главе с посланником Л. Кологривовым и подьячим А. Дуровым.

В посольском наказе этому сюжету был посвящен специальный обширный раздел, который публикуется ниже: он содержит подробное объяснение московской позиции по данному вопросу. Перед нами – редчайший пример рассуждения русских людей XVII в. о происхождении и подданстве, вере и свободе совести.

Послу следовало подробно объяснить, что Московское государство отнюдь не считает всех русских по происхождению жителей ханства своими подданными: «... в крымских послех от цариц и от ближних людей приезжают русские люди: Ромашком зовут, а татарское имя ему Сефер. А приезжает всегда от царевы четвертые царицы и ведает про него давно, что родом он русак боярской холоп, да коли обусурманился и к Москве не хочет, и его не неволить и силою не оставляют, и вам, ближним людем, за него говорить непригож»⁸. Даже оказываясь на русской территории, такие люди оставались, с точки зрения русского правительства, подданными хана – принятие ислама разрывало их связи с русским обществом и Московским государством.

С Дейкой ситуация была иной: наказ подчеркивает добровольность его возвращения. Пройдя церковное «исправление», он снова стал «государевым человеком», и поэтому, должен был настаивать русский посол, «зеркальный» арест одного из членов русского посольства был бы «взятием государева человека за государева человека же».

В этой системе координат насильственное «взятие» Дейки от крымских послов было логичным: после церковного «исправления» он был русским подданным на русской территории (представление об экстерриториальности посольского двора в дипломатической практике XVII в. отсутствовало), «своровавшим» и замыслившим измену государю и вере. Решительно невозможно было и отдать его по требованию крымской стороны – это «вере... было бы ругательно».

Ситуация, таким образом, внешне выглядит так, словно для московской стороны подданство определялось верой: перейдя в ислам, Дейко перестал быть русским подданным, а вернувшись в православие, стал им вновь.

Такой трактовке, однако, явно противоречат многочисленные и хорошо известные в литературе случаи выкупа русскими властями своих мусульманских подданных (не говоря уже о частых приездах в Московское государство православных греков и валахов из Порты и Крыма, которых, конечно, никто не считал русскими подданными и не пытался на этом основании задержать).

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 184.

⁸ Там же. Л. 184–185.

Противоречие разрешается при более внимательном прочтении рассказа о появлении Дейки в Посольском приказе. Если бы вопрос о его «репатриации» сводился к возвращению в православие, потребовалось бы только провести его «исправление». Посольские дьяки, однако, осуществили довольно длительное и затратное мероприятие: было проведено расследование о его происхождении, из Крапивны были вызваны родственники, мать Проскурница и дядя, родной брат отца Дейки. Было выявлено, что его отца звали Михеем, он был есаулом у крапивенских казаков. С Крапивны Михей был отправлен с семьей в Борисов, откуда впоследствии они «ездили за Донец к Торцу для соленого промыслу», где их взяли в плен крымцы⁹. Отец Дейки «жил в Крыму восемь лет и умер»¹⁰. В Борисове остались только мать и младший брат Дейки Ивашко, которые через какое-то время перебрались в Валулку. Во время «сыска» родные Дейки вспомнили, «что у него было примет природных и где что испорчено с мала на теле»; сопоставление лиц Дейки и его брата Ивашки показало, что «рожем тот Дейко с меньшим братом своим с Ывашком один в один, по всему знать, что ему родной брат»¹¹.

К тому же, после того как родственники опознали в нем сына давно пропавшего Михея, судя по всему, предполагалось возвращение Дейки в Крапивну и поступление на военную службу – хотя понятно, что человека, много лет проведенного при ханском дворе и приехавшего в качестве посла одной из цариц, было бы логичнее использовать в самом Посольском приказе, где весьма ценились знавшие язык и крымские реалии переводчики [Беляков и др.].

Стоит отметить и еще один момент: если бы ключевым критерием в определении подданства была вера, именно стремление вернуться в православие должно было быть названо в качестве основного мотива возвращения Дейки. Это, однако, не так: по русской версии, он прибежал в Посольский приказ прежде всего 1) «помня свою природу» – и лишь затем 2) «не хотя отбыть православные христьянские веры» и 3) «похотя служить государю»¹². Понимание Дейкой «своей природы» указывает на осознание им своей этнической идентичности как русского человека. Сами посольские дьяки в рамках сыска сразу подчеркнули эти три побуждения как основания для возвращения Дейки на государеву службу.

Как представляется, все это дает возможность сформулировать следующую гипотезу. Вопрос о подданстве был для русских людей XVII в. вопросом о принадлежности к определенному сообществу – и в этой модели были вполне логичны служилый татарин-мусульманин, подданный царя, или православный грек, служащий султану.

Крапивенский сын боярский Дейко, перейдя в плену в ислам, разорвал связь с Московским государством именно потому, что при этом была разорвана его связь с родными и своей православной служилой корпорацией. Изъявив желание вернуться, он после «исправления» возвращался, таким образом, не просто в Московское государство, на царскую службу, а в состав того сообщества, из которого выбыл ранее.

Судя по всему, для самого Дейки эти нюансы были не понятны, предстоявшая отправка на тяжелую службу в Крапивну энтузиазма не вызвала, чем и объясняются его дальнейшие действия. Однако крымская сторона услышала аргументы Москвы и согласилась с ее видением ситуации, удовлетворившись денежной компенсацией¹³, то есть признав Дейку русским подданным, выкупленным московским правительством, хоть и в неординарной ситуации и против воли.

⁹ Там же. Л. 181.

¹⁰ Там же. Л. 182.

¹¹ Там же. Л. 183.

¹² Там же. Л. 182.

¹³ Там же. Л. 185–186.

Приложение

Посольский наказ посланникам С. Тарбееву и И. Басову о полонянике Дейке-Сефере, который прибыл на валуйскую размену в качестве посла крымского посольства, но затем ушел от татар и появился в Посольском приказе.

Л. 178

¹⁴Да в прошлом¹⁵ во 130-м году на розмене на Волуйке отстал¹⁶ от крымских послов от Сулемши мурзы Сулешева с товарищи русской полоненик волуйсково казака сын Дейко Михеев сын Щурова. А приходил от калгины Девлет Гиреевы царевичевы меншой царицы в послех. А тотарское имя ему Сефер. А отец де его да брат взяты были с ним в полон в Крым на Торце на соляном промыслу¹⁷, и отца иво в Крыму не стало. А мать иво родная на Волуйке Проскурница, да брат родной меншой в казаках на Волуйке ж. А дядя ему родной, отцу иво родной брат, на Елце сын боярской Василей Щуров. А на Москве тот бусурман Дейко был под началом и по правилом святых отец молитва ему была. А после того своровал, побежал был и объявился на крымском дворе у послов. И по государеву указу от послов взят, а послы за него стояли, отдать не хотели, и взят у них по неволе. А в прошлом во // Л. 179 132 году писал ко государю Магмет Гирей царь в грамоте своей, что будто того бусурмана у Сол аталыка взяли неволею, да с ним же взяли саблю, да два коня, и государь бы велел к нему того малово и саблю, и кони прислать с послы его вместе. А ныне об нем посол Сол аталык, будучи на Москве, не говорил ничего. //

Л. 180

И нечто в Крыме учнут о том бусурмане говорить царь, или калга, или царевы и калгины ближние люди, что пропал у них на Волуйке на розмене калгины царицы посол Сефер, а объявился на Москве и пришол был на двор к царевым послом к Девлет Казыю мурзе с товарищи и его от послов взяли силно и тем послов обесчестили, и учнут его называть татаринном или волошенином, и учнут говорить, что то зделано неправда, человека их взяли с посолского двора силно и царь об нем ко государю писал. И государь того человека с ними по цареву писму прислал ли, или будет похотят в то место взяти которого государева человека, // Л. 181 и Степану и подьячему Ивану говорити, про то они ведают подлинно¹⁸, что прибежал с Волуйки к Москве русской человек крымской полоненик. А сказался в Посолском приказе дьяком, что зовут его Дейком. А отстал от крымских послов на речке на Ураиве после розмены. И про то сыскано подлинно, что он человек русской, крапивенской уроженец, отец у него был на Кропивне у казаков ясаул, Михеем звали Щуров. А оттуды с Кропивны послан был в Борисов город, и из Борисова города отец иво Михей, да он, Дейко, да брат Куземко ездили за Донец к Торцу для соленого промыслу соль варить и к соляному варенью запас готовить. И их на Торце всех трех взяли в полон крымские тотаровя, ныне тому семнатцать лет. А он, Дейко, в те поры был десети лет, а брат его Куземка осми лет, и свели в Крым. А мать де // Л. 182 ево да меншой брат Ивашко остались в Борисове городе. А ныне мать иво и брат Ивашко живут на Волуйке, и отец де иво жил в Крыму восемь лет и умер. А он, Дейко, с братом своим Куземкою жили у Казы Гирейвы царевы дочери у Девлет ханеи царевны, и как де учили ис Крыму посылать послов Сулемшу мурзу с товарищи, и он де, Дейко, помня свою природу, и не хотя отбыть нашия православные христианские веры, и похотя служить государю, отпросился от калгины царицы в

¹⁴ Сверху в левом поле зачеркнуто: «Чает не надобно. Сол аталык сам на Москве об нем ничего не говорил».

¹⁵ Над строкой написано: «надоти» или «надобно».

¹⁶ В рукописи буква «т» пропущена, написано: «остал».

¹⁷ Река Торец – приток Северского Донца – и Торские озера издавна были средоточием соляного промысла в этом регионе (см.: [Багалей, с. 19]).

¹⁸ Зачеркнуто: «они ведают подлинно». Между строк написан нечитаемый текст.

послех, а имя ему татарское Сефер. А брат де иво Куземка с ним же был в послех от Сефер Газыя князя Куликова, а татарское имя брату его Девлет.

И по государеву указу посылаю на Волуйку по того Дейкову мать по Проскурницу, да по брата меншово, да на Елец по дядю иво родново, отца¹⁹ его по брата, по Василья Щурова нарочно, и ставлены с ним для свидетельства с очей на очи. И для прямого // Л. 183 сыску в том Дейке мать иво и дядя расспрашиваны при крымских послех при Девлет Казы мурзе, знают ли они²⁰ его, и сколько ему лет, и где он взят в полон.

И мать и дядя его сказали про него против его речей слово в слово, и приметы мать²¹ его, что у него было примет природных и где что испорчено с мала на теле, все сказали подлинно, и то все смотрено и все ссталось по их речем. И рожаем тот Дейко с меньшим братом своим с Ывашком один в один, по всему знать, что ему родной брат.

И бил челом тот Дейко великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца отцу, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси, чтоб его великий государь патриарх велел дать под начало и в православной христьянской вере его учинить по прежнему, и по правилом святых отец по нашей христьянской вере тот Дейко под началом был. // Л. 184 И в православной христьянской вере учинен по прежнему. А после того своровал, объявился на Крымском дворе, и по царского величества указу царского величества бояре того Дейка с Крымского двора велели взять и за его воровство, что он своровал, велели ему указ учинить. А отдати того полоненика русского человека не доведетца никоими мерами, а только его отдать, и то нашей православной христьянской вере противно и ругательно²², и от Бога за то грех велик. А такой страдник ни в Крыме, ни на Москве не надобен, и только б он не сам пришел и к христьянской вере пристал, и до него б дела не было, царское величество не неволить на Москве никою; есть и иные в крымских послех от цариц и от ближних людей приезжают русские люди: Ромашком зовут, а татарское имя ему Сефер. А приезжает всегда от царевы четвертые царицы и ведает про него давно, что родом он русак боярской холоп, да коли обусурманился // Л. 185 и к Москве не хочет, и его не неволить и силою не оставливают, и вам, ближним людям, за него говорить непригож. Только царское величество для брата своего Магмет Гирея царя братские дружбы и любви пожаловал, хотя тот полоненик и прямой русской человек и приехал в Московское государство сам, велел за него дать цареву послу Мустофе мурзе тридцать рублей. А вперед бы таких воров-бусурманов в послех не присылали потому, что в них кроме ссоры не будет никакого добра.

А будет учнут о том говорити накрепко и похотят за то оставить государева человека кого ни буди, и Степану и подьячему Ивану говорити ближним людям и Ибреим паше князю, то они делают не гораздо, что за государева человека хотят государева ж человека оставить. А царское величество и сверх того, что он человек Московского государства, для царевы любви пожаловал, велел за того полоненика дать цареву послу // Л. 186 Мустофе мурзе из своей государевы казны тридцать рублей. А они ныне делают не делом, государева человека оставливают неведомо за что, и они б царю о том говорили, чтоб царскому величеству нелюбовью своею не оказывался, государевых людей оставливать не велел. И стоять²³ и говорить о том накрепко, чтоб государева человека не оставить и выговаривать царева правда и шерт, что царь царскому величеству перед посланники перед Яковом Дашковым да перед

¹⁹ Между словами «родново» и «отца» зачеркнуто «по».

²⁰ Слово «они» написано между строк.

²¹ Слово «мать» написано между строк.

²² Слова «и ругательно» написаны между строк.

²³ В рукописи: «стоять».

подъячим Васильем Волковым правду дал, на куране шерть учинил по записи. А в той записи написано имянно, что в Крыме над государевыми послы, и посланники, и гонцы никоторого насиства и тесноты не чинити. А что учинят в Крыме над государевыми послы и гонцы, и на Москве над царевыми послы и над гонцы тож учинить, и только ныне что над ними учинят и то уж цареву шерть²⁴ нарушат, и будет то на цареве душе. А толко царское величество по цареве // Л. 187 шерти на Москве над царевыми послы велит тож учинить, и то будет²⁵ на цареве ж душе, а меж государей то будет к нелюбью и дружбе их и любви государской помешка. И они б через цареву правду шерть того не всчинали и тем меж государей их государской дружбе и любви нарушенья не чинили.

А как ныне на Москве был царев посол Сол аталык, и он о том бусурмане не говорили²⁶ ничего потому, что уж то дело поминовалося.

А будет конечно упрямятца, похотят оставить или измут²⁷ за того бусурмана²⁸ государева // Л. 188 человека, и Степану и подъячому Ивану по конечной неволе дать от того от себя, что пригож из запасного, рублей на десять и на дватцать или и болши, толко б однолично государева человека в Крыме за то не оставить и в неволе не учинить. Отдаючи, выговорить о том имянно, что то делаетца неправда мимо царевы шерти и они б вперед таких в послех и в гонцах не посылали²⁹ и тем меж государей ссоры не чинили. А учнут³⁰ ездить ино и вперед, без-соры от них не будет³¹.

Литература

- Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. 2, II, XVI, 614 с., [1] л. карт.
- Беляков А. В. Чингизиды в России в XVI–XVII вв. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. 510, [1] с.
- Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в. Материалы к словарю. М., 2021. 303 с.
- Бережков М. Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса, 1888. [2], 31 с.
- Жуков В. Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: К истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 4. С. 31–43.
- Жуков В. Д. «Памяти о полоняниках» как источник по истории государственного выкупа из Крыма (1620–1630-е гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. V Чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2017. С. 207–213.
- Жуков В. Д. Сравнительный анализ расходных документов о выкупе пленных на валуйской размене (1640-е – 1650-е гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. VI Чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2019. С. 689–695. [Жуков, 2019а]
- Жуков В. Д. Выкуп пленных на валуйской размене в 1640 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 82–89. [Жуков, 2019б] DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.004
- Жуков В. Д. Выкуп пленных на валуйской размене в 1643 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 49–59. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.006
- Жуков В. Д. Выкуп пленных на валуйской размене в 1657 г. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников Международной научно-

²⁴ Между словами «цареву» и «шерть» есть черта (начатая буква?), зачеркнутая двумя линиями.

²⁵ Слово «будет» написано между строк.

²⁶ В рукописи: «говаривали».

²⁷ «оставить или измут» написано между строк.

²⁸ Между словами «бусурмана» и «государева» зачеркнуто слово «оставить».

²⁹ В рукописи: «посыляли». Исправлено на «посылали».

³⁰ Между строк написано и зачеркнуто: «А не по самой».

³¹ Далее приписано: «А не по самой конечной неволе отнюдь не давать ничего». Внизу в левом поле: «надобно для прочтих», затем там же зачеркнуто: нечитаема буква и «... ота не надобно».

- практической школы-конференции молодых ученых (11–14 октября 2021 г.). М., 2021. С. 19–27.
- Зайцев И. В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII веках // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 103–128.
- Зайцев И. В. О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. М., 2016. С. 63–82.
- Лавров А. С. Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в XVII – начале XVIII в. // ГИИМ: Доклады по истории XVIII века – DHI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert [электронный ресурс]. 2010. № 5. URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/lavrov_kriegsgefangenschaft (дата обращения: 12.11.2022).
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. 448 с., 1 л. табл.
- Тарасов А. Е. «Всех пленных окупати...». История законодательного закрепления выкупа пленных в России // Русь, Россия: Средневековье, Новое время. Чтения памяти академика Л. В. Милова. Москва, 19–20 сентября 2009 г. Материалы к конференции. М., 2009. С. 43–45.
- Шмидт С. О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 30–34.

References

- Bagalei, D. I. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva [Essays on the History of Colonization of the Steppe Outskirts of the Muscovite State]. Moscow, 1887. 2, II, XVI, 614 p., [1] l. of maps.
- Belyakov, A. V. Chingizidy v Rossii v XVI–XVII vv. Prosopograficheskoe issledovanie [Genghisids in Russia in the 16th – 17th Centuries. Prosopographic Research]. Ryazan, 2011. 510, [1] p.
- Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v. Materialy k slovaryu [Translators of the Ambassadorial Chancery in the 17th Century. Materials for the Dictionary]. Moscow, 2021. 303 p.
- Berezhkov, M. N. Russkie plenniki i nevol'niki v Krymu [Russian Captives and Slaves in Crimea]. Odessa, 1888. [2], 31 p.
- Lavrov, A. S. Voennyi plen i rabstvo na granitsakh Osmanskoi imperii i Rossiiskogo gosudarstva v XVII – nachale XVIII v. [Military Captivity and Slavery on the Frontiers of the Ottoman Empire and the Russian State in the 17th – Early 18th Century]. In *GIIM: Doklady po istorii XVIII veka – DHI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert* [Electronic resource]. 2010. No. 5. URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/lavrov_kriegsgefangenschaft (Accessed November 12, 2022).
- [Lavrov A. S. Military captivity and slavery on the frontiers of the Ottoman Empire and Tsardom of Russia in the 17th–early 18th cc. GIIM: Doklady po istorii 18 i 19 vv. – DHI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert. 2010. No. 5.] Available at: http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraegemoskau/lavrov_kriegsgefangenschaft.
- Novosel'skii, A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII v. [The Struggle of the Muscovite State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow; Leningrad, 1948. 448 p., 1 l. of tabl.
- Shmidt, S. O. Russkie polonyaniki v Krymu i sistema ikh vykupa v seredine XVI v. [Russian Captives in Crimea and the System of Their Redemption in the Middle of the 16th Century]. In *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii*. Moscow, 1961. Pp. 30–34.
- Tarasov, A. E. "Vsekh plennykh okupati...". Istoriya zakonodatel'nogo zakrepleniya vykupa plennykh v Rossii ["Pay off All the Captives...". The History of the Legislative Consolidation of the Redemption of Captives in Russia]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e, Novoe vremya. Chteniya pamyati akademika L. V. Milova. Moskva, 19–20 sentyabrya 2009 g. Materialy k konferentsii*. Moscow, 2009. Pp. 43–45.
- Zaitsev, I. V. Islam v Krymu v XIV–XVIII vekakh [Islam in Crimea in the 14th – 18th Centuries]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2015. No. 2. Pp. 103–128.
- Zaitsev, I. V. O pravakh khristian v Krymskom khanstve. Yarlyk khana Sakhlib-Gireya krymskim khristianam (1772 g.) [On the Rights of Christians in the Crimean Khanate. The Label of Khan Sahib-Giray to the Crimean Christians (1772)]. In *Krym: problemy istorii*. Moscow, 2016. Pp. 63–82.
- Zhukov, V. D. "Krymskie polonyaniki" i ikh vykup v 50-kh gg. XVII v.: K istorii kolonizatsii yuzhnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva ["Crimean Polonyaniki" and Their Redemption in the 50s of the 17th Century: On the History of Colonization of the Moscow State Southern Outskirts]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 2012. No. 4. Pp. 31–43.

Zhukov, V. D. "Pamyati o polonyanikakh" kak istochnik po istorii gosudarstvennogo vykupa iz Kryma (1620–1630-e gg.) ["Pamyati o polonyanikakh" as a Source for the History of the State Redemption from the Crimea (1620s – 1630s)]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. V Chteniya pamyati akademika L. V. Milova*. Moscow, 2017. Pp. 207–213.

Zhukov, V. D. Sravnitel'nyi analiz raskhodnykh dokumentov o vykype plennykh na valuiskoi razmene (1640-e – 1650-e gg.) [Comparative Analysis of Expenditure Documents on the Redemption of Captives on the Valuyskaya Exchange (1640s – 1650s)]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. VI Chteniya pamyati akademika L. V. Milova*. Moscow, 2019. Pp. 689–695. [Zhukov, 2019a]

Zhukov, V. D. Vykup plennykh na valuiskoi razmene v 1640 g. [Redemption of Captives on the Valuyskaya Exchange in 1640]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 82–89. [Zhukov, 2019b] DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.004

Zhukov, V. D. Vykup plennykh na valuiskoi razmene v 1643 g. [Redemption of Captives on the Valuyskaya Exchange in 1643]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 49–59. DOI 10.25986/IRI.2020.82.4.006

Zhukov, V. D. Vykup plennykh na valuiskoi razmene v 1657 g. [Redemption of Captives on the Valuyskaya Exchange in 1657]. In *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Sbornik statei uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (11–14 oktyabrya 2021 g.)*. Moscow, 2021. Pp. 19–27.

Vecheslav D. Zhukov
Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russia

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN CITIZENSHIP AND FAITH IN RUSSIAN-CRIMEAN DIPLOMACY IN THE 17th CENTURY

The article discusses the document of the Ambassadorial Department. The document vividly presents the story of a Russian captive who spent many years in the Crimean Khanate and returned to his homeland, which led to a conflict between the Crimean Khanate and the Moscow State. The narrative of the document characterizes the view of the Russian society regarding the relationship between citizenship and faith. Its publication is presented at the Appendix to the article.

Keywords: redemption of captives, faith and citizenship, Crimean Khanate, Valuyskaya exchange

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.011

Е. А. Конявская
ИРИ РАН, Москва, Россия. ekonyavskaya@gmail.com

ПЕРВЫЕ ТВЕРСКИЕ ЕПИСКОПЫ И ПЕРВЫЕ ТВЕРСКИЕ МОНАСТЫРИ

Цель статьи – исследовать процесс появления и развития первых тверских монастырей, возникших во время владычества двух первых тверских епископов – Симеона и Андрея.

Ключевые слова: Тверь в конце XIII – начале XIV в., Тверская епархия, тверские монастыри, тверские епископы

Основание Тверской епархии принято связывать с 1271 г., поскольку под этим годом в летописях впервые как тверской епископ упоминается владыка Симеон. Он принял решение о захоронении великого князя Ярослава Ярославича в Твери, в главном тверском храме Космы и Дамиана, хотя его отец Ярослав Всеволодович и старший брат Александр Невский, закончившие, как и Ярослав, жизнь владимирскими великими князьями, были похоронены во Владимире. Неслучайно в известии о похоронах князя в Твери не упоминаются его вдова и бояре. Ярослав уезжал в Орду из Владимира¹, во Владимире, очевидно, и оставалась великая

¹ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 89.

княгиня Ксения и главный боярский состав. Принимая и осуществляя свое решение, Симеон закладывал основу для дальнейшего развития Твери как теперь уже церковного центра со своим некрополем правителей.

Очевидно, что епископия была учреждена несколько ранее – не позднее второй половины 1270 г., в конце которого Ярослав уехал в Орду, и едва ли ранее 1264 г., когда тверской князь получил великокняжеский владимирский стол, поскольку основать в Твери епископию и призвать епископа Ярослав Ярославич мог именно в статусе великого князя. Митрополит Кирилл поддерживал Ярослава (например, в конфликте с новгородцами, которые в 1269 г. хотели видеть на своем столе не Ярослава, а Дмитрия Александровича), и это позволяет думать, что Кирилл пошел навстречу князю и одновременно оказавшемуся из-за военных действий в неловком положении полоцкому епископу, каковым был Симеон до переезда в Тверь.

Вместе с юным новым князем Михаилом Ярославичем и его матерью Ксенией владыка Симеон заложил кафедральный Спасо-Преображенский собор, который стал первым каменным храмом в Северо-Восточной Руси после нашествия Батыя. Через два года Симеон «святцалъ малымъ священіемъ» еще не оконченную церковь, служил в ней в то время, когда строители продолжали свою работу². Храм стал символом Твери, которую называли «Домом Святого Спаса».

Другим важным направлением деятельности Симеона и пришедшего ему на смену в 1289 г. владыки Андрея стало способствование возникновению и развитию на Тверской земле монастырей.

В сообщении под 1289 г. о преставлении Симеона Симеоновской (и Троицкой) летописи помещается краткий некролог, где сказано, что он был «учителень и силенъ книгами, князя не стыдѣся прѣся, ни велможъ, излише чтяше чинъ ерѣискийи и мнишьскыи, нищя же и сироты, и вдовицы жаловаша»³. Эта характеристика соответствует тому облику, который мы можем дорисовать на основании сохранившегося «Наказания» Симеона полоцкому князю и Поучения, приписанного Симеону в прологе тверского происхождения: «Слово епископа Тверскаго Семиона» – и читающееся также в ряде других рукописных прологов [Конявская, 2017, с. 22–23].

Поучение, приписываемое тверскому епископу Симеону, обращено к монастырской братии. «Слово» является наставлением инокам избегать пустых бесед, общения с женщинами, не судить других, творить милостыню и т. п. Его анализ показал, что оригинальными являются начальная и заключительная части Поучения, центральная же встречается и в других проложных статьях с другой атрибуцией (приписывается св. Стефану или св. Ефрему). Видимо, добавив оригинальную начальную и заключительную части к известному поучению, Симеон адресовал этот текст братии одного из тверских монастырей. Очевидно, что потребность в поучении к монастырской братии была актуальной стороной духовного наставничества Симеона.

Были ли в Твери монастыри до установления епархии или старейший из известных – Отроч – возник уже с приходом Симеона и пришедших с ним? Известно, что его игуменом был будущий тверской владыка, преемник Симеона, – Андрей.

Летописи сообщают, что в 1289 г. великая княгиня Ксения с сыном, с боярами, с «ыгумены, и съ попы, и крилошаны... выведоша» игумена Отроча монастыря Андрея, послав его на поставление к митрополиту Максиму в Киев⁴. Андрей был сыном литовского князя Герденя. В детские годы он пережил пленение: в 1266 г. враг его отца Довмонт с псковичами захватил в плен жену и двоих сыновей Герденя, и лишь после того, как литовский князь «совкупи около

² ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 81.

³ Там же. С. 81–82.

⁴ Там же. С. 82.

себе силу Литовскую» и погнался за врагами, псковичи «отслаша полонъ»⁵. После гибели в 1267 г. отца Андрей, видимо, с другими литовцами этой партии бежал в Тверь, возможно, одновременно или даже вместе с владыкой Симеоном. А то, что великая княгиня с сыном оказываются инициаторами возведения на тверскую кафедру Андрея, игумена монастыря, говорит о том, что в это время он пребывал в Твери уже не как спасшийся в спокойной, принимающей всех земле эмигрант, а как влиятельная фигура.

Время основания Успенского Отроча монастыря неизвестно. Чаще всего можно встретить отнесение его создания к последней трети XIII в. или указание на 1265 г., которое происходит из Повести о Тверском Отроче монастыре. Недостоверность этой даты доказывается наличием большого количества анахронизмов и несообразностей в этой поздней Повести [Семячко, с. 197, Конявская, 2020, с. 86–87]. В частности, в заглавии Повести в качестве даты основания монастыря указан 1265 г., а далее говорится, что это случилось на четвертое лето после заключения брака Ярослава и Ксении. Но 1265 г., по летописным данным, и есть год заключения второго брака великого князя. Вместе с тем если иметь в виду дату – через четыре года после заключения брака, то это будет 1269 г., что весьма близко ко времени возможного появления в Твери бежавших от воюющих литовцев Симеона и Андрея. Согласно поздней легенде, отразившейся в Повести, отрок Ярослава Ярославича Георгий на почве несчастной любви удалился от мира и при содействии князя устроил эту обитель. При всем баснословии сюжета памятника некая реальная основа легенды допустима, по крайней мере, она не противоречит княжеской инициативе основания обители, тесной связи ее с тверским княжеским домом и аристократическому составу его иноков. Возведение же в Отроче монастыре каменного Успенского собора предположительно относят к концу XIII – началу XIV в.⁶

Само название «Отроч» указывает на особый характер обители: по-видимому, здесь принимали постриг представители элиты, по разным причинам ушедшие с политической арены или княжеской службы. Собственно, таковым был и игуменствовавший там Андрей, происходивший из княжеского рода. Высокий статус монастыря уже в ранний период подтверждает ссылка на «Михайловы грамоты» (то есть грамоты Михаила Ярославича) в жалованной тарханной несудимой грамоте монастырю Василия Михайловича и других членов тверского княжеского дома (1362–1364 г.), подтверждавшей широкие финансово-экономические полномочия его архимандрита. В грамоте указаны 6 монастырей, которые «тягнут» к Отрочу. Среди них Успения Пресвятой Богородицы на реке Шоше (ныне затоплен Иваньковским водохранилищем), который был основан владыкой Андреем.

Хотя в тексте грамоты упоминается архимандрит, указывается, что определенные льготы монастырю были даны еще Михаилом Ярославичем, очевидно, что статус архимандритии обитель получила позже. Как показано В. А. Кучкиным, духовник Михаила Ярославича, игумен Александр, был, видимо, настоятелем Отроча монастыря («лавры светые Богородицы») [Кучкин, 1974, с. 230–232]. Он сопровождал Михаила Ярославича в Орде, составил его Житие и способствовал установлению почитания князя в Твери. Но при этом в Житии Михаила о духовниках князя говорится как об игуменах, а не об архимандритах.

Вскоре такого рода монастырь, но женский будет основан сестрой Михаила Ярославича Софьей. В Симеоновской летописи, отразившей тверское владычное летописание за эти годы [Конявская, 2011], монастырь назван «девичим». Из Жития Софьи известно, что сначала она постриглась в мужском Архангельском монастыре и лишь затем начала строить женский монастырь святого Афанасия «на поли». В ее пострижении участвовал и епископ Андрей.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 85.

⁶ См. об этом: [Конявская, 2020, с. 87].

Видимо, он поддерживал начинание Софьи в создании такого «парного» по отношению к Отрочу монастыря.

В летописях Отрочь монастырь назван «общим». Имел ли в виду летописец, что монастырь был общежительным, или хотел сказать, что в нем могли пребывать монахи обоих полов? История пострижения Софьи склоняет ко второму варианту.

Замысел владыки Андрея и Софьи был успешно реализован. Судя по данным Жития Софьи, созданный ею монастырь стал такой же аристократической обителью, куда уходили для подвизания девы и на покой – вдовы. Известно, что в Софьином Афанасьевском монастыре пребывала вдова Михаила Ярославича Анна (в иночестве Софья).

Из Жития Софьи известно, что в конце XIII в. существовал Архангельский монастырь, в котором игуменствовал Юрий Явидович. Как показано В. А. Кучкиным, названный мирским именем настоятель монастыря происходил из семьи бояр, его отец служил еще Ярославу Всеволодовичу [Кучкин, 2002, с. 113]. Можно думать, что Юрий Явидович был уже в преклонных летах. О монастыре Архангела Михаила данных немного. Видимо, об этой обители идет речь, когда в Житии Михаила Ярославича повествуется о встрече тела убитого князя «оу святого Михаила на березѣ»⁷. А. Н. Хохлов определил, что монастырь располагался за пределами града, на Загородском посаде на мысу у Волги. Исследователь обратил внимание на то, что там же встречали и убитых в Орде сына Михаила и Анны Александра и внука Федора [Хохлов, с. 83–87]. Можно думать, что монастырь был основан в период княжения Михаила Ярославича, поскольку посвящен имени его небесного патрона⁸.

Важно отметить, что первые тверские монастыри, основанные в конце XIII в., возглавлялись представителями аристократии. Видимо, слой церковной элиты в кругу тверского духовенства не был еще сформирован.

Иная картина предстает в созданном, по-видимому, несколько позже Феодоровском монастыре. Обитель располагалась на острове в устье Тьмаки. Известно, что здесь в 1323 г. начали строить каменную церковь Св. Федора, завершенную, согласно тверским летописям, в 1325 г. В Симеоновской и Никоновской летописях «свершение» и освящение церкви отнесено к 1323 г. и говорится, что ее «сверши и украси игумень нѣкий Иванъ Царегородецъ»⁹. В. А. Кучкин аргументировал отождествление этого игумена Ивана Царегородца с игуменом Иваном, о котором в Житии Михаила говорится как о духовнике князя (другим его духовником, как уже отмечалось, назван игумен Александр) [Кучкин, 1974, с. 230–231]. Возможно, тем не менее, что речь могла идти о разных игуменах Иванах, поскольку Иван Царегородец обозначен как «некий игумен». Вместе с тем греческое присутствие в монастыре подтверждено и тем фактом, что в этой обители в начале второго десятилетия XIV в. был переписан Иерусалимский церковный устав на греческом языке, хранящийся ныне в библиотеке Ватикана¹⁰. Этот монастырь Феодора Тирона и Феодора Стратилата станет впоследствии архимандритией [Конявская, 2023].

На Переяславском соборе, где, по свидетельству Жития митрополита Петра, Андрей выступил против митрополита с обвинениями в симонии и благословении неканонических

⁷ В вариантах: «на брезѣ Волги рѣки» (Кучкин В. А. Пространная редакция повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 161); см. также: ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 395; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 166.

⁸ Михаил архангел как небесный покровитель постоянно присутствовал в жизни Михаила Ярославича. 8 ноября 1294 г. на Собор архангела Михаила он венчался. Неоднократно упоминаются архангел Михаил и его чудесная помощь в Житии Михаила Ярославича, в том числе его автор подчеркивает, что 6 сентября, на память Чуда архангела Михаила в Хонех, Михаил прибывает в Орду и в такой же день его останки погребают в Спасо-Преображенском соборе.

⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 89; СПб., 1885. Т. 10. С. 189.

¹⁰ Biblioteca Apostolica Vaticana. Vat. Grec. 784.

браков, в конечном счете был достигнут определенный компромисс. Петр остался на кафедре, а тверской епископ получил некий особый статус, согласно которому он, в частности, принимал участие в хиротониях епископов, причем они проходили в Твери. Так, в тверских летописях сообщается о поставлении в Твери епископов митрополитом Петром «съ епископом Андреомъ»: в 1311 г. 20 марта был поставлен Харлампий (на какую епископию – неизвестно), а «на оутриа въ недѣлю»¹¹ был хиротонисан Прохор на Ростовскую кафедру.

Через 5 лет Андрей покинул кафедру. 28 марта 1316 г. «въ день недѣльный»¹² владыка Андрей уходит в свой монастырь на р. Шоше, где примет кончину лишь через 8 лет. Едва ли целесообразно связывать этот шаг тверского владыки со столь удаленным по времени конфликтом с митрополитом. Обращает на себя внимание такой момент. Уходу владыки с кафедры предшествуют акции Михаила Ярославича против Торжка и новгородцев, а после сообщения об оставлении владыкой кафедры в летописи следует рассказ о неудачном походе Михаила к Новгороду, когда его полки заблудились, зашли в болота и понесли потери в конях и людях. С юных лет владыка Андрей сталкивался с трагическими последствиями военных действий, вражды между правителями, пережил пленение и мог иметь свою позицию в политической обстановке того времени, которая не совпадала с позицией великого князя.

Почему бывший настоятель Отроча монастыря Андрей, став тверским владыкой, создает новый монастырь? Владыка Андрей имел твердые убеждения и не отличался склонностью к компромиссам. По-видимому, Успенский монастырь на Шоше он создал, воплотив в нем свои представления об идеальной обители. Ктиторовский Отроч монастырь, столь близкий тверскому княжескому дому, развивался, видимо, иначе.

Вместе с тем, и перестав быть епископом, владыка Андрей оставался духовным авторитетом для тверичей. В Рогожском летописце говорится, что Ксения, вдова Михаила Ярославича, имела любовь, печалование и проявляла добродетель «ко владыцѣ къ Андрею»¹³. А в 1321 г. именно Андрей «доконча миръ» между Дмитрием и Александром Михайловичами и Юрием Московским¹⁴.

Как уже говорилось, в грамоте 1362–1364 гг. называются 6 монастырей, которые «тягнут» к Отрочу – архимандритии¹⁵. Это обители в честь Воскресения Господня «за Волгою»; в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Бору; в честь Преображения Господня на реке Сози; Воскресения Господня на реке Шоше; Астраганский в честь Успения Пресвятой Богородицы на реке Шоше; в честь Покрова Пресвятой Богородицы «на Гостомле». Все они, кроме монастыря на Шоше, основанного Андреем, ранее этой грамоты не упоминаются. Связь же их с Отрочим монастырем дает основание предполагать существенную роль этой обители в становлении новых монастырей – возможно, их создавали и возглавляли выходцы из тверской «Лавры светей Богородицы», которая достигла расцвета стараниями двух первых тверских владык. Их вклад в становление епархии и развитие монастырей был ценен современниками и ближайшими потомками: епископы Симеон и Андрей в тверских летописях называются преподобными, что свидетельствует о раннем складывании их местного почитания. В отношении Андрея сохранилась приписка на полях Пролога первой трети XIV в. под 14 февраля о поминании владыки Андрея: «и преставленъ Андрѣя епископа Тѣфѣрського, а по немъ братья годину правѣтъ» (РГАДА. Ф. 381 (Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии (коллекция)). № 157. Л. 136).

¹¹ ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36.

¹² Это уточнение читается в Музейском фрагменте Тверской летописи: ОР ГИМ. Музейское собрание. № 1473. Л. 149 об.

¹³ ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 72.

¹⁴ Там же. Стб. 41.

¹⁵ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 152–153, 493–494. См. также: [Конявская, 2020, с. 88–89].

Литература

- Конявская Е. Л. Тверское владычное летописание конца XIII – XIV в. // Средневековая Русь. М., 2011. Вып. 9. С. 139–152.
- Конявская Е. Л. «Симеон из Полотска» – первый тверской епископ // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 17–24.
- Конявская Е. Л. Тверской Отроч монастырь: проблема интерпретации письменных источников и археологических данных // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара. Тверь, 2020. Вып. 13. С. 86–92.
- Конявская Е. Л. Архимандритии Твери XIV–XV вв. // Московская Русь: археология, архитектура, история. К 75-летию члена-корреспондента РАН Л. А. Беляева. М., 2023. С. 51–58.
- Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. 292 с.
- Кучкин В. А. Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 106–116.
- Семьячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре // СККАР. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 194–201.
- Хохлов А. Н. Последний путь первого великого князя всея Руси (к вопросу о возникновении традиции) // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 80–88.

References

- Khokhlov, A. N. Poslednii put' pervogo velikogo knyazya vseya Rusi (k voprosu o vzniknovenii traditsii) [The Last Way of the First Grand Duke of All Rus (On the Question of the Origin of Tradition)]. In *Mikhail Yaroslavich Tverskoi – velikii knyaz' vseya Rusi*. Tver, 2008. Pp. 80–88.
- Konyavskaya, E. L. Tverskoe vladychnoe letopisanie kontsa XIII – XIV v. [Tver Lord Chronicles of the End of the 13th – 14th Centuries]. In *Srednevekovaia Rus'*. Moscow, 2011. Issue 9. Pp. 139–152.
- Konyavskaya, E. L. "Simeon iz Polotska" – pervyi tverskoi episkop ["Simeon of Polotsk" – the First Tver Bishop]. In *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya. Materialy nauchnogo seminara*. Tver, 2017. Issue 10. Pp. 17–24.
- Konyavskaya, E. L. Tverskoi Otroch monastyr': problema interpretatsii pis'mennykh istochnikov i arkheologicheskikh dannykh [Tverskoy Otroch Monastery: The Problem of Interpretation of Written Sources and Archaeological Data]. In *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya. Materialy nauchnogo seminara*. Tver, 2020. Issue 13. Pp. 86–92.
- Konyavskaya, E. L. Arkhimandritii Tveri XIV–XV vv. [Archimandrite Monasteries of Tver in the 14th – 15th Centuries]. In *Moskovskaya Rus': arkheologiya, arkhitektura, istoriya. K 75-letiyu chlena-korrespondenta RAN L. A. Belyaeva*. Moscow, 2023. Pp. 51–58.
- Kuchkin, V. A. Povesti o Mikhaile Tverskom [The Stories of Mikhail Tversky]. Moscow, 1974. 292 p.
- Kuchkin, V. A. Kogda bylo napisano Zhitie Sof'i Yaroslavny Tverskoi? [When was the Life of Sophia Yaroslavna Tverskaya Written?]. In *Mir zhitii*. Moscow, 2002. Pp. 106–116.
- Semyachko, S. A. Povest' o Tverskom Otroche monastyre [The Story of the Tver Monastery]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1998. Issue 3. Part 3. Pp. 194–201.

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE FIRST TVER BISHOPS AND THE FIRST TVER MONASTERIES

The purpose of the article is to investigate the process of the emergence and development of the first Tver monasteries that arose during the reign of the first two Tver bishops – Simeon and Andrew.

Keywords: Tver at the end of the XIII – beginning of the XIV centuries, Tver diocese, Tver monasteries, Tver bishops

М. В. Корогодина

Библиотека РАН, Санкт-Петербург, Россия. mvkorogod@gmail.com

ПОУЧЕНИЯ И ПОСТАВЛЕНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – XVI в.

Разделение Киевской митрополии на две части способствовало регламентации управления деятельностью приходского духовенства в Великом княжестве Литовском. Как было ранее показано исследователями, не позже начала XVI в. формируется обширный комплекс поучений Киевского митрополита епархиальному духовенству, описывающих устройство жизни прихода. Находка неизвестных ранее списков поучений позволяет связать их с комплексом текстов, регламентирующих хиротонию духовенства, включая ставленные грамоты и «Указ» об избрании клириков. Сохранившиеся в разных списках упоминания архиереев позволяют предположить, что как поучения, так и тексты, регламентирующие хиротонию, были сформированы при митрополите Григории Болгарине и дополнены при епископе Смоленском Иосифе Болгариниче.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, хиротония, поучения, славянские рукописи

Церковное управление в Киевской митрополии после ее разделения на две части постоянно вызывает интерес исследователей. Избрание будущих клириков, их хиротония, организация приходской жизни и управление епархиальным духовенством – в этих важнейших вопросах церковной жизни Великого княжества Литовского многое восходило к традициям единой Киевской митрополии. В то же время с приходом в киевские земли митрополита Григория Болгарина и последующих архиереев появился ряд новых текстов, регламентировавших церковное управление в землях Великого княжества Литовского и Королевства Польского.

По предположению Л. В. Мошковой, при митрополите Григории Болгарине (+ 1472/1473) была сформирована Западнорусская редакция Кормчей книги, в которую в первой четверти XVI в. был включен комплекс поучений епархиальному духовенству Киевского митрополита. Исследовательница выявила поучения в трех списках РГАДА, из которых два датируются второй половиной XVI в., а один относится к XVII столетию [Каталог, с. 443–455]. К той же редакции относится еще пять рукописей последней четверти XV – XVI в., но ни в одной из них комплекс поучений обнаружен не был [Корогодина, 2017, с. 374–378]. В полной мере поучения были исследованы Е. В. Беяковой в серии статей, одна из которых была посвящена юбилею Б. Н. Флори. Исследовательница разделила тексты на четыре цикла, определив этапы составления и ключевые источники каждой группы; подготовила критическое издание важнейших текстов и обнаружила в собрании Е. В. Барсова (ГИМ) еще один список XIX в. [Беякова, 2015а; Беякова, 2015б; Беякова, 2016; Беякова, 2018; Беякова, 2019]. Как было отмечено Е. В. Беяковой, барсовский список отличается многочисленными погрешностями и поновлениями языка, однако он сохранил окончание авторского текста, утраченное в списках РГАДА. Вслед за Л. В. Мошковой исследовательница предположила, что циклы поучений окончательно сформировались при митрополите Киевском Иосифе Солтане (1509–1521 гг.) [Каталог, с. 454; Беякова, 2016, р. 189; Беякова, 2018, с. 376–377].

Эти наблюдения можно дополнить новыми находками. Среди списков Западнорусской редакции Кормчей, давно известных исследователям, находится рукопись ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 236 (далее – Рум. 236), созданная в третьей четверти XVI в. Кодекс привлекает внимание своим оформлением: пропорциональный полуустав свидетельствует о мастерстве писца, который охотно украшал рукопись узкими плетеными косичками, отмечавшими начало текста, картушами и виньетками. Последняя статья Кормчей,

соответствующая обычному составу Западнорусской редакции, завершается воронкой, после которой оборот листа оставлен чистым, так что ничто не заставляет заподозрить, что последние листы изъяты из кодекса.

Между тем Кормчая имела дополнительные статьи – циклы поучений Киевского митрополита, которые столь редки в рукописной традиции. Почти сто листов были выплетены из рукописи еще до поступления основной части кодекса к Н. П. Румянцеву и сохранились в рукописи из Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – СПбИИ РАН)¹. Изъятые листы были сплетены вместе с фрагментом другой рукописи XVII в., содержащим сочинения Максима Грека, причем владелец оставил записи о том, откуда взял те или иные листы². Очевидно, владелец Кормчей был вхож в круг московских букинистов и систематически изымал из книг наиболее интересные тексты в конце XVIII в.³ Тожество почерка, оформления и филигранных не оставляют сомнений в том, что в конволюте конца XVIII в. сохранился фрагмент Кормчей из собрания Н. П. Румянцева. Умелое обращение с оригиналом позволило владельцу незаметно изъять из Кормчей два блока текстов: несколько сочинений из последних глав Кормчей и весь конец кодекса⁴. После изготовления в конце XVIII или начале XIX в. роскошного переплета из красного сафьяна с тиснением золотом для основной части Кормчей книги стало невозможно заподозрить, что в ней не хватает окончания. Фолиация конца XVIII в., сохранившаяся в разъединенных частях Кормчей, показывает, что цикл поучений был расположен непосредственно вслед за последней главой Кормчей, как в списках РГАДА.

Этот список третьей четверти XVI в. содержит все циклы поучений Киевских митрополитов полностью, без каких-либо утрат. Исправный и ранний по датировке список позволяет уверенно решить вопрос о тех лакунах и утратах, которыми грешат другие копии XVI в. и которые при публикации реконструировались Е. В. Беляковой по существенно более поздней рукописи XVII в. Новонайденный список оканчивается так же, как цикл поучений в обнаруженной Е. В. Беляковой барсовской рукописи, но без порчи текста и поновлений языка, предпринятых копиистом XIX в. Возможно, в начале XIX в. именно этот фрагмент, принадлежавший неизвестному московскому ценителю книжных редкостей, был скопирован и сохранился в собрании Е. В. Барсова.

Рукопись из Архива СПбИИ РАН – не единственный новонайденный список циклов поучений Киевского митрополита. В архиерейском Требнике, переписанном в Луцке в 1560 г.⁵, выписана значительная часть поучений: полностью цикл II и начало цикла III⁶. Сюда вошли важнейшие для епархиального управления и наставления новопоставленных священников

¹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115 (Собрание рукописных книг). № 127 (далее – Рукоп. 127). Сердечно благодарю Ж. Л. Левшину, обратившую мое внимание на эту рукопись. Н. П. Румянцев приобрел Кормчую, уже не имевшую части листов, в Москве в 1822 г. [Козлов, с. 21].

² «От сего листа сия главизни из книги Максима Грека» (Рукоп. 127. Л. 4); «Сия тетрати от сего листа вынеты из-тарописменной кормчии» (Там же. Л. 93).

³ Переплетные листы кодекса имеют «белую» дату 1795 г. На обложке нижней крышки переплета запись полууставом XVIII в.: «Спросить в Москве у Каменнова мосту на Волхон[ке] в лавке московскаго купца Стефана Васильева».

⁴ Из рукописи Рум. 236 после л. 412 изъятые листы, охватывающие окончание Беседы епископа Фотикийского Диадокха (со слов «ре быти им, тем же образом превыше на небесех...») и далее до статьи «Как подобает писанием проклинать свою ересь» (до слов «...ни бысть же подобень кто реченаа»). Эти тексты находятся в рукописи Рукоп. 127. Л. 93–129. В конце рукописи Рум. 236 после л. 423 ранее находилась часть рукописи Рукоп. 127. Л. 131–189.

⁵ ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 929 (далее – Егор. 929). Л. 406 об., писцовая запись: «В лѣто 7069 месяца октября 18 на память святого апостола евангелиста Луку, при дръжавѣ великого короля Жикгимонта Августа, въ Богом спасаемом граде Луцку, в лавре пресвятыя Богородици монастыри Луцком за Глушцем, при епископѣ Луцком Ионѣ, повелением и накладомъ раба Божия архимандрита Феодосия пречистьского луцкого написана бысть сия книга глаголемая Потребникъ ку чти и ку хвале милостивому Богу, въ Троици единому, ему же слава въ вѣки, аминь. Рукою многогрѣшного раба Божия дьякономъ Лукою» (дата подтерта).

⁶ Егор. 929. Л. 102 об.–116 об. Тексты соответствуют изданию: [Белякова, 2016, р. 213–235].

поучения: «Повчение священником от святителя на собор», «Харитония же святительская и богоносных отец, како им пребывати», переводы на «простую мову» святоотеческих поучений. Далее в Требнике находится подборка поучений святых отцов на церковнославянском языке с редкими вкраплениями русскомоновых слов⁷. Эти наставления, часто переписывавшиеся в сборниках смешанного состава, не имеют соответствия в устойчивом корпусе поучений епархиальному духовенству из Кормчей книги.

Завершается комплекс поучением «о душевном спасении и о преступлении Адама» в переводе на «простую мову»⁸, за которым следуют пастырские наставления Киевского митрополита и описание общей исповеди⁹. Эти тексты представляют собой поучения на «простой мове», написанные от имени митрополита, с вкраплениями молитв и цитат из Священного Писания на церковнославянском языке, и неизвестны по другим спискам, включающим циклы поучений¹⁰. Следуя пастырской обязанности учить словесное стадо, митрополит призывает слушателей к покаянию и исполнению Христовых заповедей и цитирует Евангелие. После совместного чтения вслух Символа веры собравшиеся вслед за святителем произносят покаянные слова исповедной молитвы. Архиерей напоминает кающимся о падении Вавилона и, прочитав «Отче наш», отпускает грехи и благословляет присутствующих.

Находка двух новых списков с циклами поучений Киевских митрополитов заставляет предполагать, что в дальнейшем могут быть обнаружены неизвестные списки поучений среди сборников смешанного состава и Требников. Составленная в Луцке рукопись показывает, что в XVI в. поучения теряют тесную связь с Кормчей, входят в виде выписок в иные книги, дополняются новыми текстами. Поучения в архиерейском Требнике свидетельствуют о том, что эти тексты не были принадлежностью лишь книжной культуры, а использовались для наставления епархиального духовенства, причем дополнялись новыми проповедями архиереев Киевской митрополии.

Как было отмечено Е. В. Беляковой, цикл поучений был предназначен для ежегодного епархиального собрания и катехизации недавно рукоположенных священников. В текстах регламентируется административное устройство приходской жизни и упоминаются документы, необходимые для службы в епархии: ставленая или отпускная грамота и список наставления, выдававшийся при рукоположении («схиротонии наука») [Белякова, 2016, р. 209, 223–224]; при этом сами документы, необходимые для хиротонии, в цикле отсутствуют.

Формуляры документов, подтверждавших хиротонию, появляются в восточнославянской традиции относительно поздно. До начала XV в. указания, касавшиеся хиротонии, ограничивались молитвами, включенными в состав литургии. Активные контакты с Константинополем и Афоном привели к появлению на Руси сербских чинов поставления клириков, регламентировавших богослужебную часть хиротонии, но не включавших наставления будущему клирику или формуляры выдаваемых документов и не описывающих требования к кандидату. Лишь при митрополите Фотии был выработан особый текст «исповедания» претендента на епископскую кафедру, в котором будущий архиерей давал обещания следовать определенным правилам [Корогодина, 2021]. Эти тексты, сформировавшиеся до середины XV в., после раскола Киевской митрополии оставались общими для обеих ее частей, хотя продолжали непрестанно редактироваться и дополняться.

⁷ Егор. 929. Л. 116 об.–125 об.

⁸ Там же. Л. 125 об.–127 об.

⁹ «Тут святитель весь люд ма напомним. Я, грѣшныи и богомолец и пастырь ваш... мое епископское благословение и прощение да будет на всѣх вас, нынѣ и всегда и въ вѣкы вѣкомъ, аминь» (Егор. 929. Л. 127 об.–130).

¹⁰ Язык поучений соответствует наблюдениям С. Ю. Темчина, который показал, что «проста мова» использовалась первоначально для текстов, обращенных к пастве. В текстах, обращенных к Богу, и в Священном Писании вплоть до середины XVI в. сохранялся церковнославянский язык [Темчин].

Очевидно, уже после разделения митрополии в Литовской Руси был подготовлен особый комплекс текстов, дополнявший общие чины поставления клириков. В архиерейских Служебниках и сборниках, происходящих из Великого княжества Литовского, с первой четверти XVI в. встречается ряд ставленных грамот для разных степеней священства, а также «Указ како избирать годных на священство», написанный на «простой мове»¹¹. Этот комплекс не имеет аналогий в рукописной традиции Московского государства, куда его списки, несущие черты вторичности, попадают не ранее второй половины XVI в.¹²

«Указ како избирать годных на священство» подробно описывает процесс выбора кандидата, его испытаний, проверки грамотности, поручительства со стороны духовника, необходимого обучения и наставлений со стороны архиерея. Именно этот текст, написанный на «простой мове», имеет наибольшие параллели с поучениями духовенству из Кормчей книги. Так, в «Указе» новопоставленному священнику повелевается являться на ежегодный собор духовенства – тот самый, на котором читаются поучения Киевского митрополита¹³. В «Указе» и в первом цикле поучений встречаем текстуально близкие фрагменты:

«Указ како избирать годных на священство» ¹⁴	Поучение Киевского митрополита ¹⁵
... даст ему от руки свое хиротонии свиток, по чему он мает учиться исправляти ряд церковный...	Схеретонии наука. Поведаю и приказую вам, о ряд церковный, как ся маете у церкви справляти...

При этом «Указ» содержит первичные чтения: «ряд церковный» в нем означает церковный *порядок*, а не *собор духовенства* (как в поучении); наставление священнику называется «хиротонии свитком» (что ближе к указанному Е. В. Беяковой источнику – «Свитку законному» из Кормчей книги) [Беякова, 2016, р. 189], а не «схеретонии наукой», как в поучении. В обоих текстах говорится об обязанности архиерея «осматривать» новопоставленных священников и их приходы; в поучении Киевского митрополита идет речь о подготовке особого документа: «осмотривального списка» [Беякова, 2016, р. 225–229; Беякова, 2018, с. 373–374].

Как и поучения Киевского митрополита, «Указ» не содержит формуляров документов, а дает общие предписания записывать все «ставленья» в «реистр»¹⁶. Формуляры ставленных грамот епископам, протопопам, священникам, протодьяконам и дьяконам составляли вторую часть комплекса, сопровождающую «Указ». Эти официальные документы были написаны на церковнославянском языке и включали указание на то, кто, кем и в какую церковь был рукоположен.

Комплекс текстов из ставленных грамот и «Указа» сохранился в списках не ранее первой четверти XVI в.¹⁷ Списки содержат разный набор ставленных грамот, что свидетельствует о том, что комплекс дополнялся на протяжении длительного времени. Изучавший поставление

¹¹ ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 310 (далее – Син. 310), № 558 (далее – Син. 558), № 271; Ватиканская библиотека. Spec. Borg. Illir. 15 (далее – Vat. Spec. Borg. Illir. 15); БАН. 21.4.13; ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 929, № 1646; Ф. 711 (Собрание А. П. Гранкова). № 29; Вильнюс. Библиотека им. Врублевских Литовской академии наук. F 19-206; ОР РНБ. Собрание новгородского Софийского собора. № 725.

¹² «Устав како избирать годных на священство» вошел в русские архиерейские Служебники конца XVI в., сохранив следы «простой мовы»: ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 680. Л. 89–99 об.; № 909. Л. 79–87 об. Особый интерес представляет русский список того же времени ОР РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 27/1104, в котором на л. 1–105 об. сохранился наиболее полный комплекс текстов из литовской митрополии.

¹³ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 905; [Беякова, 2016, р. 193].

¹⁴ РИБ. Т. 6. Стб. 905.

¹⁵ [Беякова, 2016, р. 209].

¹⁶ РИБ. Т. 6. Стб. 905–906.

¹⁷ Наиболее ранним является список Син. 310.

клириков в Литовской Руси о. Михайло Ваврик обратил внимание на то, что в двух списках с текстами о хиротонии соседствует описание митрополичьей службы с ектеньей, на которой возглашаются молитвы о здравии восточных патриархов: «Григорию всесвятѣишему и вселенскому патриарху Константинополя Новаго Рима, Дорофею Александрѣискому, Михаилу Антиохѣискому, Иоакиму Иерусалимскому», а также Киевского митрополита, имя которого опущено¹⁸. Перечень имен указывает на 1454–1459 гг., когда в Риме встретились бежавший из Константинополя патриарх Григорий Мамма, отошедший от дел митрополит Исидор и готовый сменить его на митрополичьей кафедре Григорий Болгарин. М. Ваврик полагал, что возношение ектеньи было связано с митрополитом Исидором [Ваврик, 1963а, с. 334–343], однако последнему так и не довелось более служить среди своей паствы, поэтому неясно, зачем митрополиту Исидору нужна была бы ектенья на церковнославянском языке и как она могла бы проникнуть в рукописную традицию украинских и белорусских Служебников. Скорее появление ектеньи следует связывать с преемником Исидора, митрополитом Григорием Болгарином, который, будучи рукоположен патриархом Григорием Маммой в 1458 г., на следующий год отправился в киевские земли.

Как было отмечено о. М. Вавриком, в тех же списках в составе текстов, посвященных хиротониям, сохранился формуляр ставленной грамоты епископам. Документ открывался обоснованием законности действий митрополита, рукополагающего епископа: «По благодати, даннѣи ми от пресвятого и живоначального Духа от святыя рукоположения патриарха вселенскаго и чудотворца Григория и вселенскаго его собора...»¹⁹. Обращает на себя внимание наименование патриарха «чудотворцем», которое свидетельствует о необычайном почитании патриарха, хиротонисавшего Киевского митрополита. Ставленная грамота с упоминанием патриарха Григория сохранилась еще в нескольких списках XVI в.²⁰ Поскольку такая форма ставленной грамоты начинает использоваться в Русской церкви лишь с XV в., за именем «чудотворца» может скрываться только патриарх Григорий Мамма, который поставил на Киевскую кафедру единственного митрополита – Григория Болгарина. Несомненно, Григорий Болгарин должен был особенно чтить рукоположившего его патриарха даже после того, как сам отошел от унии с Римской церковью, поскольку именно благодаря архиерейской хиротонии, совершенной патриархом Григорием Маммой, литовская часть Киевской митрополии обрела цельность и самостоятельность, а Григорий Болгарин – всю полноту митрополичьей власти.

Таким образом, несколько списков, происходящих из Великого княжества Литовского, содержат два текста, указывающих на митрополита Григория Болгарина: архиерейскую ектенью и ставленную грамоту епископу. Это позволяет полагать, что сохранившийся в этих рукописях комплекс текстов о хиротонии, включающий ставленные грамоты и «Указ како избирать годных на священство», был изначально сформирован при митрополите Григории Болгарине.

Учитывая неустойчивость набора текстов о хиротониях в разных рукописях²¹, можно полагать, что тексты пересматривались и дополнялись уже после смерти митрополита Григория Болгарина. На это указывает дублирование ставленной грамоты священникам, которая в ряде списков содержится в двух и даже в трех близких вариантах. В тех же списках в составе комплекса текстов о хиротониях сохранилось указание на еще одного архиерея литовской

¹⁸ Vat. Spec. Borg. Illir. 15. A. 166–167; Син. 558. A. 237 об.; [Ваврик, 1963а, с. 332–333].

¹⁹ Vat. Spec. Borg. Illir. 15. A. 211 об.–212; [Ваврик, 1963а, с. 343–346].

²⁰ Вильнюс. Библиотека им. Врублевских Литовской академии наук. F 19-206. A. 159 об.; ОР РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 27/1104. A. 100 об. В рукописи Син. 558 сохранилась та же грамота с упоминанием патриарха-чудотворца без указания имени (A. 194).

²¹ В разных списках содержится от трех до семи текстов, включающих «Указ како избирать годных на священство» и ставленные грамоты в различных сочетаниях.

Киевской митрополии – Иосифа, епископа Смоленского. Его имя находится в кодексе Син. 558 в епископской присяге («Исповедании»), данной патриарху Константинопольскому Нифонту: «Я, И[о]сиф, Божьею милостью епископ Смоленский»²². В этом упоминании о М. Ваврик справедливо увидел Иосифа Болгариновича, возведенного на Киевскую кафедру в 1498 г. и пользовавшегося покровительством патриарха Нифонта [Ваврик, 1963б, с. 379–380; Флоря, 2007, с. 226–232].

Это не единственное упоминание Смоленской епархии и Иосифа Болгариновича. В той же рукописи Син. 558 в ставленной грамоте протодьякону сохранилось указание, что он рукополагается в «божественны великия соборныя церкви пречистое Богоматере честнаго ея Успѣния наше епископы Смоленское»²³. Аналогичная грамота протодьякону с упоминанием Успенской церкви, но заменой названия епископии на «имярек», сохранилась в списке третьей четверти XVI в.²⁴ Наконец, наиболее ранний известный архиерейский Служебник с текстами о хиротонии, происхождение которого связано с Пинском, содержит списки епископов Смоленских и митрополитов Киевских; оба перечня доведены до Иосифа Болгариновича²⁵.

Таким образом, ряд независимых свидетельств указывают на связь комплекса текстов о хиротонии со Смоленской кафедрой времен Иосифа Болгариновича. Возможно, именно этот архиерей способствовал редактированию и дополнению текстов о хиротонии: созданию ставленной грамоты протодьякону, включающей указание на Смоленского епископа, а также появлению краткого варианта ставленной грамоты священникам.

Это позволяет предположить, что циклы поучений Киевского митрополита и комплекс текстов, относящихся к хиротониям, имели сходную судьбу. Они дополняли друг друга, в совокупности позволяя организовать выбор кандидатов на священство, их обучение, хиротонию, первоначальное наставление о церковном порядке, ежегодную проверку знаний с осмотром прихода и проведение ежегодных епархиальных соборов. Хотя поучения митрополита и тексты о хиротониях предназначались для разного типа книг – Кормчих и Служебников, – в некоторых архиерейских сборниках они непосредственно примыкали друг к другу²⁶.

Появление обоих комплексов можно связать с окончательным разделением Киевской митрополии на две части и деятельностью первого Киевского митрополита в литовских землях – Григория Болгарина. Оба комплекса продолжали формироваться, редактироваться и дополняться на протяжении длительного времени и особенно активно – в конце XV – начале XVI в. Окончательное оформление циклов поучений Киевского митрополита относилось Л. В. Мошковой и Е. В. Беляковой ко времени Иосифа Солтана как последнего митрополита, титул которого не включал Галицкие земли. Эта верхняя граница указывает на период, не позже которого были сформированы поучения, однако работа над ними могла вестись и в более раннее время. Указания в ставленных грамотах на епископа Смоленского Иосифа Болгариновича, на короткое время ставшего Киевским митрополитом, позволяет предположить, что именно при нем мог редактироваться и дополняться весь комплекс текстов, касающийся организации епархиального управления в Киевской митрополии.

²² Син. 558. Л. 181 об.–182; [Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / Сост. А. И. Плигузов, коммент. подгот. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко; под ред. В. И. Буганова. М., 1992. Вып. 5. С. 1070–1071. № 58].

²³ Син. 558. Л. 197 об.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 711 (Собрание А. П. Гранкова). № 29. Л. 383 об.–384.

²⁵ Син. 310. Л. 226 об.

²⁶ Егор. 929. Л. 98–130.

Литература

- Белякова Е. В. Поучения киевских митрополитов как источник по истории образования духовенства // *Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2015. № 6. Р. 133–153. [Белякова, 2015a]
- Белякова Е. В. Поучения новопоставленному священнику в восточнославянской традиции // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 3 (61). С. 14–15. [Белякова, 2015b]
- Белякова Е. В. Циклы поучений священникам в Кормчих Западнорусской редакции // *Slavistica Vilnensis*. 2016. Vol. 61. Р. 187–255. DOI 10.15388/SlavViln.2016.61.10651
- Белякова Е. В. Дисциплинирование духовенства и прихожан в XVI в. (по материалам поучений Кормчих Западнорусской редакции) // *Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 369–380.*
- Белякова Е. В. Неизвестный список поучений киевских митрополитов // *Slavistica Vilnensis*. 2019. Vol. 64. № 1. Р. 59–71. DOI 10.15388/SlavViln.2019.64(1).05
- Ваврик М., о. ЧСВВ. Флорентійські унійні традиції в Київській митрополії 1450–60 pp. // *Analecta OSBM. Series II. Sectio II. Romae*, 1963. Vol. 4 (10). Fasc. 3–4. Miscellanea in honorem cardinalis Isidori (1463–1963). Р. 329–362. [Ваврик, 1963a]
- Ваврик М., о. ЧСВВ. До історії єпископської присяги в XV–XVI вв. // *Analecta OSBM. Series II. Sectio II. Romae*, 1963. Vol. 4 (10). Fasc. 3–4. Miscellanea in honorem cardinalis Isidori (1463–1963). Р. 363–390. [Ваврик, 1963b]
- Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в РГАДА. М., 2006. Вып. 1. 590 с.
- Козлов В. П. К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина*. М., 1980. Вып. 41. С. 4–29.
- Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. М.; СПб, 2017. Т. 2. Описание редакций. 647 с.
- Корогодина М. В. Архиерейская хиротония и «исповедания» епископов в первой трети XV века // *Российская история*. 2021. № 5. С. 3–9. DOI 10.31857/S086956870016611-3
- Темчин С. Ю. Функционирование русской мовы и иерархия церковных текстов // *Studia Russica*. Budapest, 2009. Vol. 23. Р. 226–234.
- Флоря Б. Н. Исследования по истории церкви: Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. 436 с.

References

- Belyakova, E. V. Poucheniya kievskikh mitropolitov kak istochnik po istorii obrazovaniya dukhovenstva [The Teachings of the Kiev Metropolitans as a Source on the History of the Education of the Clergy]. In *Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*. 2015. No. 6. Pp. 133–153. [Belyakova, 2015a]
- Belyakova, E. V. Poucheniya novopostavlennomu svyashchenniku v vostochnoslavjanskoi traditsii [Teaching to the Newly Ordained Priest in the East Slavic Tradition]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2015. No. 3 (61). Pp. 14–15. [Belyakova, 2015b]
- Belyakova, E. V. Tsikly pouchenii svyashchennikam v Kormchikh Zapadnorusskoi redaktsii [The Cycles of Homilies by the Metropolitans of Kiev in the Kormchaja of Ruthenian Redaction]. In *Slavistica Vilnensis*. 2016. Vol. 61. Pp. 187–255. DOI 10.15388/SlavViln.2016.61.10651
- Belyakova, E. V. Distsiplinirovanie dukhovenstva i prikhozhan v XVI v. (po materialam pouchenii Kormchikh Zapadnorusskoi redaktsii) [Discipline of the Clergy and Parishioners in the 16th Century (Based on the Teachings of the Kormchaja of Ruthenian Redaction)]. In *Vertograd mnogotsvetnyi. Sbornik k 80-letiyu Borisa Nikolaevicha Flori*. Moscow, 2018. Pp. 369–380.
- Belyakova, E. V. Neizvestnyi spisok pouchenii kievskikh mitropolitov [An Unknown Copy of the Homilies by Kiev Metropolitans]. In *Slavistica Vilnensis*. 2019. Vol. 64. No. 1. Pp. 59–71. DOI 10.15388/SlavViln.2019.64(1).05
- Florya, B. N. Issledovaniya po istorii tserkvi: Drevnerusskoe i slavyanskoe Srednevekov'e [Studies on the History of the Church: The Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moscow, 2007. 436 p.
- Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig XVI veka, khranyashchikhsya v RGADA [Catalog of Russian-Slavonic Manuscripts of the 16th Century, Stored in the Russian State Archive of Ancient Acts]. Moscow, 2006. Issue 1. 590 p.
- Korogodina, M. V. Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka [Kormchaya Books (Nomocanons)]

of the 14th – the First Half of the 17th Century]. Moscow; Saint Petersburg, 2017. Vol. 2. Opisanie redaktsii [Description of Redactions]. 647 p.

Korogodina, M. V. Arkhiereiskaya khirotoniya i "ispovedaniya" episkopov v pervoi treti XV veka [Consecration of Bishops and "Lists of Creed" in the First Third of the 15th Century]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2021. No. 5. Pp. 3–9. DOI 10.31857/S086956870016611-3

Kozlov, V. P. K istorii komplektovaniya Rummyantsevskogo sobraniya russkikh i slavyanskikh rukopisei [To the History of Acquisition of the Rummyantsev's Collection of Russian and Slavic Manuscripts]. In *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina*. Moscow, 1980. Issue 41. Pp. 4–29.

Temchin, S. Yu. Funktsionirovanie rus'koi movy i ierarkhiya tserkovnykh tekstov [The Functioning the Rus'ka Mova and the Hierarchy of Church Texts]. In *Studia Russica*. Budapest, 2009. Vol. 23. Pp. 226–234.

Vavrik, M., o. ChSVV. Florentiis'ki uniini traditsii v Kiivs'kii mitropolii 1450–60 rr. [Florentine Union Traditions in the Kiev Metropolitanate in 1450–60]. In *Analecta OSBM. Series II. Sectio II*. Romae, 1963. Vol. 4 (10). Fasc. 3–4. Miscellanea in honorem cardinalis Isidori (1463–1963). Pp. 329–362. [Vavrik, 1963a]

Vavrik, M., o. ChSVV. Do istorii episkops'koi prisvyagi v XV–XVI vv. [To the History of the Episcopal Oath in the 15th – 16th Centuries]. In *Analecta OSBM. Series II. Sectio II*. Romae, 1963. Vol. 4 (10). Fasc. 3–4. Miscellanea in honorem cardinalis Isidori (1463–1963). Pp. 363–390. [Vavrik, 1963b]

Maria V. Korogodina

Library of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

HOMILIES AND ORDINATION OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE 15th – 16th CENTURIES

The division of the Kyiv Metropolis into two parts contributed to the regulation of the management of the activities of the parish clergy in the Grand Duchy of Lithuania. It is known that the extensive cycles of the homilies of the Kyiv Metropolitan to the diocesan clergy were formed no later than at the beginning of the 16th century. These homilies described the structure of the parish life. The discovery of previously unknown copies of the homilies allows us to connect them with a set of texts regulating the ordination of the clergy. This set includes the ordination charters and the "Decree" on the election of clergy. The references of bishops preserved in various manuscripts let us to suggest that both the homilies and the ordination texts were formed under Metropolitan Gregory Bulgarian and supplemented by Bishop of Smolensk Joseph Bulgarinovich.

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania, ordination, homilies, Slavic manuscripts*

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.013

О. Ф. Кудрявцев

МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия. demetr22@mail.ru

ПЕРВОЕ ИЗВЕСТИЕ О ЗОЛОТОЙ БАБЕ В ЕВРОПЕЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ: КАРТА МЕСИА ДЕ ВИЛАДЕСТЕСА

Среди сюжетов, представленных на карте мира, которая была изготовлена Месиа де Вилладестесом на Мальорке в 1413 г., обращает на себя внимание сценка поклонения жителей Севера некоему золотому кумиру. Анализ изображенного позволяет заключить, что это первое имеющееся в западных источниках и переданное в виде картинки сообщение о Золотой бабе, языческом идоле, почитаемом на дальнем северо-востоке, к которому в течение последующих двух веков проявляла большой интерес европейская космо- и картография.

Ключевые слова: *Месиа де Вилладестес, Золотая баба, географическая карта, космография, идолопоклонство, Крайний Север*

Каталонская картография XIV – начала XV в., несомненно, занимала лидирующие позиции в наглядном изображении земной поверхности, ее отличали довольно большая точность в представлении географических объектов и мастерство художественного оформления материала. И еще одна особенность – она оперативно реагировала на изменения в области

политической географии и на новые известия, получаемые из самых разных уголков мира. Одним из подтверждений этому может служить творчество Месиа де Виладестеса, перешедшего в христианство иудея, работавшего в первые десятилетия XV в. на Мальорке. В 1413 г. он изготовил находящуюся ныне в Национальной библиотеке Парижа карту мира, на которой наряду с географическими объектами представил изображения городов, правителей, экзотических животных, сцены охоты, хозяйственной деятельности, повседневной жизни. Все легенды на карте, во многих случаях трудно читаемые из-за ее повреждений, даны на каталанском языке¹.

В том, как передана география Восточной Европы, он близко следовал за своими предшественниками, хотя их труды абсолютно точно не повторял. Этот регион показан на карте Виладестеса расположенным между Черным, Балтийским морями и Северным Ледовитым океаном. Самые большие реки вытекают, если верить карте, из некоего крупного водоема. Одна из них, направляющаяся на запад и именуемая Ну (*flum nu*), впадает в Балтийское море; так могла быть представлена Нева или (и даже скорее, если иметь в виду длину реки) Западная Двина. Другая река, текущая на юго-восток, а затем резко поворачивающая на юго-запад, впадает в Азовское море. В нижнем течении она называется, как и на других картах эпохи, Танаис (*flum tanau*), или Дон, в среднем и верхнем – Идиль (*idil*), то есть именем, которым обычно обозначали Волгу. Третья река, больше похожая на Волгу, из озера направляется на восток до соединения с текущей ей навстречу рекой, после чего поворачивает строго на юг и достигает Каспийского моря, образуя впечатляющую дельту.

Кроме этих есть еще несколько водных артерий. У Виладестеса изображена река, соединяющая Балтийское море и Северный Ледовитый океан; название ее читается как Нектор (*flum nector*). На юге Восточной Европы река, начинающаяся в горах, по-видимому, Кавказских, движется строго на запад до Азовского моря. Наконец, Днепр, на карте названный рекой Лютсом (*flum lutsom*), точно так же, как и на более ранних каталонских картах², показан небольшим и будто бы берущим начало в горах такого же имени (*mont lutsom*); в нижнем течении, у дельты, он назван Эрексе (*erexe*).

На западной стороне Днепра недалеко от его начала дана картинка с городской застройкой, и надпись рядом гласит Рутения (*Rutenia*, текст местами затерт), то есть Русь. Конечно, речь идет о Русской стране, или земле. Неподалеку расположена картинка с семью отдельно стоящими сооружениями, которые иллюстрируют другую страну – Семиградье, хотя она должна была бы быть обозначена южнее, на Дунае. Гораздо западнее два больших изображения солидных городских сооружений обозначают Польшу (*polonia*). Поблизости, чуть-чуть к западу, находятся еще две картинки с подобными постройками, обозначающими город Львов или просто Львов (*cuitat de leo; leo*). Большая нечеткая инскрипция возле одной из них повторяет сообщение, имеющееся на картах Дульсерта и Каталонского атласа, о том, что в этот город приходят купцы с востока и через Немецкое (то есть Балтийское) море направляются во Фландрию³.

Как и на предшествующих каталонских картах, можно заметить существенные отличия в изображении городов, свидетельствующие об их принадлежности к разным мирам и цивилизациям. На картинках городов к западу от Рутении/Руси постройки увенчаны крестами, то есть население этих стран привержено христианству, тогда как городские сооружения самой Руси и левобережья Днепра имеют куполообразные навершия, ясно обозначая этим, что они

¹ Подробнее о Виладестесе и его карте см.: [Marcel, p. V, VI; Hamy].

² См. репродукции карт Далорто (1325 г.), Дульсерта (1339 г.) и Каталонского атласа (1375 г.) в изданиях: [Lelewel; Marcel].

³ «en aquesta cuitat de leo uenen algun mercadez de leuant per anar a la mare de l'ania per mar en flandes».

расположены в землях, в которых, если верить изображенному, исповедуют ислам и живут, сообразуясь с его нормами.

Восточнее Днепра нанесены названия двух стран. У северного побережья Азовского моря указана Кумания (сumania), или Половецкая земля; далее на восток, в излучине Танаиса/Дона надпись крупными буквами гласит Алания (Alania). У места его впадения в Азовское море на левом и на правом берегах отмечены города Тана и Балтакинта (tana, baltaquinta); на Днестре дано известное по более ранним картам название города Бранкика (в транскрипции Виладестеса – brancosa; впрочем, надпись плохо читается). Еще несколько городов нанесено по течению реки, своими очертаниями напоминающей Волгу. Один, расположенный на правом берегу, похоже, Ростов – rostaor, название другого, находящегося на левом берегу, едва различимое, можно восстановить по аналогии с соответствующими городами карты Каталонского атласа как torachi; возможно, это искаженное название Торжка. Удивление должно вызывать то, что у Виладестеса никак не обозначены Москва и Новгород. Ряд городов на карте расположен по побережью Балтийского моря. Названия двух из них с большой долей вероятности можно прочесть как Рига и Ревель, то есть Таллин (riga, reualia), причем Рига показана восточнее Таллина, хотя в действительности она расположена к западу от него.

Большое место на карте Виладестеса занимают картинки с животными и людьми, призванные проиллюстрировать то, что условными изображениями передать нельзя, и заместить собой текстовые сообщения. Так, в междуречье Волги и Дона на карте представлен торговый караван с верблюдами и людьми; у нижнего обреза карты, то есть далеко на севере, изображен всадник верхом, по-видимому, на олене с соколом в правой руке, что должно говорить о фауне этого региона и о занятиях его жителей.

Внимания заслуживают еще три сценки, представленные на карте. На одной, помещенной недалеко к северу от Рутении/Руси в бассейне реки Ну – то ли Невы, то ли Западной Двины, показано человекообразное покрытое шерстью существо с удлиненной собачьей мордой, иными словами, песьеглавец, нападающим на какого-то хищника, волка или рысь, повернувшего свою оскаленную пасть в его сторону⁴. Другая сценка на Крайнем Севере показывает схватку двух свирепых, стоящих на задних лапах животных, по-видимому, льва и огромного пса, которые упоминаются (grans cans; leo) в расположенной по соседству инскрипции. Наконец, тоже на севере, неподалеку от места соединения Волги с ее восточным притоком (условно Камой), в стране, обозначенной как Албания (Albania), в золотом цвете изображена некая фигура с пышной женской прической, стоит она на пьедестале, руки ее воздеты вверх и разведены в разные стороны, как у молящегося человека; по всему видно, что это изваяние, некий языческий кумир; ему поклоняется сидящий на коленях человек, руки его сложены в молитвенном жесте перед собой, облачен он в длиннополую одежду, на голове довольно странный убор, напоминающий колпак с очень узким верхом, лицо его, вполне возможно, как у песьеглавца, имеет вытянутую вперед нижнюю челюсть (размытые очертания изображения не позволяют заключить с большей определенностью). Похоже, на карте Виладестеса находится одно из самых ранних, если не самое раннее, изображение знаменитой Золотой бабы⁵, некоего женского божества, которому будто бы поклонялись народы Крайнего Севера, принося в качестве даров драгоценные шкуры и меха животных.

В русских источниках, а именно в младшей редакции Софийской первой летописи, под 6904 (1396) г. сказано о христианском просветителе Стефане Пермском: «се бо блаженный

⁴ Ср. описание: [Фоменко, с. 448].

⁵ См. в этой связи: [Фоменко, с. 457]. С. А. Головин этот образ на карте Виладестеса описывает как «миниатюру золотого идола на пьедестале, перед которым изображен коленопреклоненный туземец» [Головин, с. 44, примеч. 1].

епископ Степан, Божий человек, живяше посреде нечуждых человек, ни Бога знающих, ни закона ведящих, молящися идолом, огню и воде и камению, и Золотой бабе, и кудесником, и вельхвом, и древью. А се живущим около Перьми имена мѣстом и странам и землям иноязычным: Двиняне, Устюжане, Вельжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнане, Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль Чюсовая...»⁶. Это известие отразилось в Московском летописном своде начала XVI в., по-видимому, зафиксировав широко известное на Руси устное предание о языческом кумире в виде Золотой бабы, возникшее не позже рубежа XIV–XV вв. Из цитированного в документе перечня северных народностей, держащихся языческих верований, сложно уразуметь, какой именно почитал Золотую Бабу. Высказывалось мнение, что о ней сообщали еще старые исландские саги под именем Йомали, женского божества, которому жители Биармии, то есть Подвинья, Вятской и Пермской земель⁷, приносили подношения золотом и серебром, хотя, согласно другой точке зрения, Золотая баба – это вогульская богиня Куальтысьсан-торум, покровительница женской плодovitости и охоты [Трубецкой; Бегунов, с. 123, 124]⁸.

Слухи о Золотой бабе, как очевидно, очень быстро проникли в Европу. Известия о ней имеются в Хронике Ульриха фон Рихенталя, составленной в 20–30-е гг. XV в. на основе его записей о Констанцском (1414–1418 гг.) соборе: в ней вслед за описанием Новгорода повествуется еще об одном городе, который, как сказано, «зывается у Золотой Старухи. Они [его обитатели] поклоняются Золотой Старой Бабе. Это царство досталось одной старой вдове. Она наделила эту землю всякими благами. И они [жители] выбирают из своей среды господина, а занятия их [добыча] соболя, птицы и мяса»⁹. В немецком тексте Хроники Рихенталя название города «у Золотой Старухи» дается почему-то по-латыни: «ad Auream Vettullam». Впрочем, сообщая о почитании обитателями этого города некой «Золотой Старой Бабы» (ain guldin alt wib), Рихенталь никак не оговаривает, как и конкретно чему они поклоняются – изваянию, рисунку, изображению в красках или просто ее имени. По тексту его Хроники невозможно с определенностью заключить, что чтут они именно сделанный из золота кумир, о котором часто будут сообщать описатели России XVI в.

До последнего времени в Хронике Рихенталя находили едва ли не первое упоминание на Западе о почитании населением современного северо-востока Европы некоей Золотой бабы. Сведения об этом хронист мог записать, скорее всего, со слов новгородских послов, прибывших на Констанцкий собор, хотя вопрос, насколько достоверно он передал их слова, остается открытым. Следует отметить, что в первом печатном издании Хроники Рихенталя (Аугсбург, 1483 г.) фрагмент о Золотой бабе отсутствует.

Сценка на карте Виладестеса с изображением поклонения золотому кумиру позволяет не только отнести к более раннему времени знакомство Европы с преданием о почитании

⁶ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 250. Ср. сходную информацию под 1398 г. о Стефане Пермском в Патриаршей, или Никоновской, летописи: ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 164, 165. См. также: [Веселовский, с. 4–12; Чернецов, 1988, с. 217; Чернецов, 1995, с. 79].

⁷ Об этом см.: [Тиандер, с. 295, 296, 409, 410, 415–426, 439]; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. 5 / Сост. А. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. С. 114, 115.

⁸ О других возможных источниках этого предания о Золотой бабе см. также: [Michow, S. 39–42; Алексеев, с. 116–121]. Последний автор среди прочих цитирует фрагмент из лекций римского гуманиста Юлия Помпония Лета по Флору (конец XV в.), в нем говорится об участии утров в походе готов на Рим и его разграблении, возвращении их части домой, к Северному Ледовитому океану, вместе с какими-то статуями, коим утры все еще поклоняются. Вслед за В. Забугиным [Забугин, с. 97, 98] М. П. Алексеев полагает, что это, вполне возможно, одно из ранних известий о Золотой Бабе [Алексеев, с. 70].

⁹ «Die ander haist ad Auream Vettullam. Disselben bettend ain guldin alt wib an. Dasselb rich viel an ain alt wittwen. Die erliess das land aller eigenschaft. Und nement under inn ain herren und ist ir begangnuss zobel, gefill und flaisch» (Richental U. von. Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418 / Hrgb. von M. R. Buck. Tübingen, 1882. P. 209). См. также: [Бегунов, с. 122].

Золотой бабы жителями далекого северо-востока, но и поставить вопрос об альтернативных каналах поступления на Запад информации, в частности, на эту тему. Имея в виду тесные связи между Мальоркой и Генуей и между их географическими школами, следует предположить, что новые сведения о жителях северного пограничья Европы и Азии и об их верованиях могли поступать каталонским картографам через Геную из ее причерноморских и приазовских колоний, которые наладили регулярные торговые отношения с Московской Русью, активно развивавшей экспансию в северном и восточном направлениях.

На карте Виладестеса, к сожалению, нет никакой надписи, которая уточняла бы, кого именно ее автор намеревался показать описанной выше сценкой. Однако, имея в виду содержание представленного сюжета и его географическое местонахождение, не может быть никаких серьезных сомнений в том, что на карте изображена Золотая баба. У Виладестеса она представлена в образе, присущем иконографии Богоматери-Оранты, который в последующем, правда, более не использовался. Ибо на картах и в иллюстрированных космографиях XVI в. она дается обычно в виде либо фортуны, либо Богоматери с младенцем (см.: [Кудрявцев, с. 50, 51]).

Кажется, можно только удивляться, как быстро колоритное явление религиозной жизни обитателей Крайнего Севера, незадолго перед тем зафиксированное в русских источниках, стало известно на другом конце Европы и нашло отражение на карте Виладестеса. Впрочем, если принять во внимание, сколь оперативно и прежде каталонские картографы реагировали на самые последние известия, касающиеся, в частности, географии Восточной Европы – переход Львова под власть польских владык, возвышение Москвы¹⁰, – то появление Золотой бабы на карте Виладестеса вслед за русскими сообщениями о ней не покажется ни необычным, ни невозможным.

Рис. 1. Месиа де Виладестес. Карта мира. 1413 г. Фрагмент с изображением Восточной Европы

¹⁰ См. информацию на картах Далорто, Дульсера, Каталонского атласа.

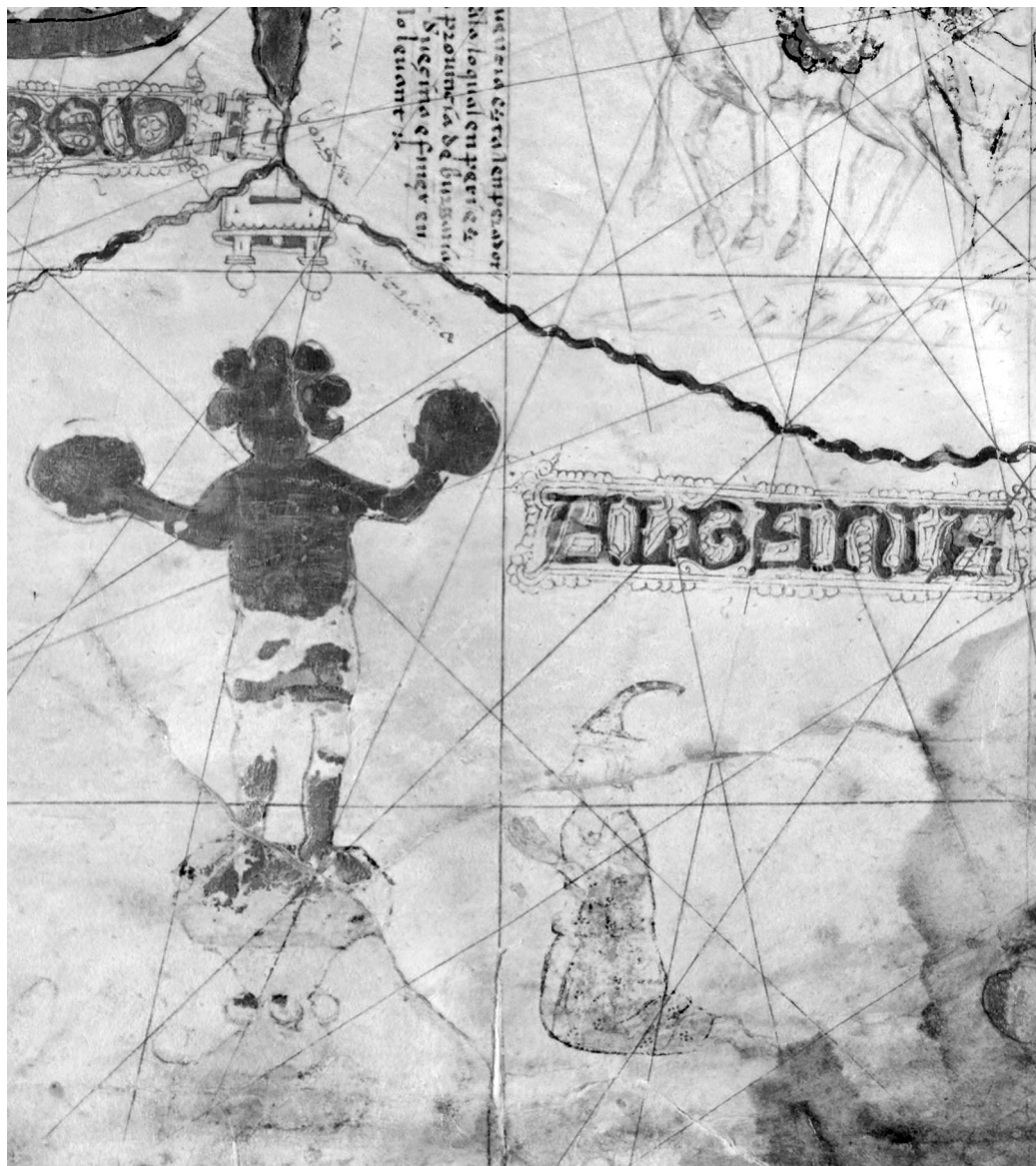

Рис. 2. Месиа де Виладестес. Карта мира. 1413 г. Фрагмент с изображением Золотой бабы

Литература

- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. 2-е изд. Иркутск, 1941. LXI, 609 с., 4 л. карт., факс.
- Бегунов Ю. К. Раннее немецкое известие о Золотой бабе // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1976. № 11. Вып. 3. С. 122–124.
- Веселовский Н. Мнимые каменные бабы. СПб., 1905. 28 с.
- Головин С. А. Старинные карты мира, России и Сибири. Благовещенск, 2012. Т. 2. Старинные карты России и Сибири. 228 с.
- Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914. XIV, 250 с., 1 л. ил.
- Кудрявцев О. Ф. Золотая Баба на картах Московии Антония Вида: вопросы иконографии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 48–52. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0012
- Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. VI, 450 с.
- Трубецкой Н. С. К вопросу о «Золотой бабе» // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2. С. 52–62.
- Фоменко И. К. Скифия – Тартария – Московия – Россия – взгляд из Европы. Россия на старинных картах. М., 2008. 812 с.

- Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского // ТОДРА. Л., 1988. Т. 41. С. 215–240.
- Чернецов А. В. «Самотворитель новья грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность (Творчество и деятельность Стефана Пермского; естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М., 1995. С. 48–119.
- Hamy E.-Th. Mecia de Viladestes: cartographe juif majorcain du commencement du XVe siècle. Paris, 1902. 15 p.
- Lelewel J. Géographie du Moyen Age. Atlas. Bruxelles, 1850. 183 p.
- Marcel G. Choix de cartes et de mappemondes des XIVe et XVe siècles. Paris, 1896. 26 p.
- Michow H. Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie. Hamburg, 1884. 126 S.

References

- Alekseev, M. P. Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei [Siberia in the News of Western European Travelers and Writers]. 2nd ed. Irkutsk, 1941. LXI, 609 p., 4 l. of maps, facs.
- Begunov, Yu. K. Rannee nemetskoe izvestie o Zolotoi babe [Early German News about the Golden Woman]. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR*. 1976. No. 11. Issue 3. Pp. 122–124.
- Chernetsov, A. V. Posokh Stefana Permskogo [The Staff of Stephen of Perm]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1988. Vol. 41. Pp. 215–240.
- Chernetsov, A. V. "Samotvoritel' novyya gramoty" Stefan Permskii ["The Self-creator of the New Alphabet" Stephen of Perm]. In *Drevnerusskaya knizhnost' (Tvorchestvo i deyatel'nost' Stefana Permskogo; estestvennonauchnye i sokrovennye znaniya na Rusi)*. Moscow, 1995. Pp. 48–119.
- Fomenko, I. K. Skifiya – Tartariya – Moskoviya – Rossiya – vzglyad iz Evropy. Rossiya na starinnykh kartakh [Scythia – Tartary – Muscovy – Russia – a View from Europe. Russia on Old Maps]. Moscow, 2008. 812 p.
- Golovin, S. A. Starinnye kartymira, Rossii i Sibiri [Old Maps of the World, Russia and Siberia]. Blagoveshchensk, 2012. Vol. 2. Starinnye karty Rossii i Sibiri [Old Maps of Russia and Siberia]. 228 p.
- Hamy, E.-Th. Mecia de Viladestes: cartographe juif majorcain du commencement du XVe siècle. Paris, 1902. 15 p.
- Kudryavtsev, O. F. Zolotaya Baba na kartakh Moskovii Antoniya Vida: voprosy ikonografii [The Golden Woman in the Antonius Wied's Maps of Muscovie: Problems of Iconography]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 48–52. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0012
- Lelewel, J. Géographie du Moyen Age. Atlas. Bruxelles, 1850. 183 p.
- Marcel, G. Choix de cartes et de mappemondes des XIVe et XVe siècles. Paris, 1896. 26 p.
- Michow, H. Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie. Hamburg, 1884. 126 S.
- Tiander, K. Poezdki skandinavov v Beloe more [Scandinavian Trips to the White Sea]. Saint Petersburg, 1906. VI, 450 p.
- Trubetskoi, N. S. K voprosu o "Zolotoi babe" [To the Question of the "Golden Woman"]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. 1906. No. 1–2. Pp. 52–62.
- Veselovskii, N. Mnimye kamennye baby [Imaginary Stone Women]. Saint Petersburg, 1905. 28 p.
- Zabugin, V. Yulii Pomponii Let. Kriticheskoe issledovanie [Julius Pomponius Lat. Critical Research]. Saint Petersburg, 1914. XIV, 250 p., 1 l. of il.

Oleg F. Kudryavtsev

Lomonosov Moscow State University, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow,
Russia

THE FIRST INFORMATION ABOUT GOLDEN WOMAN IN EUROPEAN SOURCES: THE MECIA DE VILADESTES' WORLD MAP

There is a scene of worship by Far North inhabitants of some golden idol which, among other subjects, attracts attention at the world map made by Mecia de Viladestes in Mallorca in 1413. The analysis of this scene brings to a conclusion that it is the first information communicated in the form of a picture, which had ever appeared in Western sources about the Golden Woman, a pagan goddess, adored by Northern peoples, an object of huge interest of European cosmo- and cartography during the following two centuries.

Keywords: Mecia de Viladestes, Golden Woman, geographical map, cosmography, worship of idol, Far North

В. А. Кучкин

ИРИ РАН, Москва, Россия. vladimirkuckin33@gmail.com

ГОРОД СТАРОДУБ РЯПОЛОВСКИЙ В ЗАВЕЩАНИИ 1503 г. ИВАНА III

Завещание Ивана III, составленное в 1503 г., делило города Русского государства между пятью сыновьями завещателя весьма неравномерно. Четырем младшим сыновьям Ивана III Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею в итоге отходило 26,5 городов, а старшему сыну, будущему Василию III, – 95, среди которых должен был быть Стародуб на р. Клязьме.

Ключевые слова: Иван III, завещание 1503 г., 5 сыновей-наследников, города Русского государства в начале XVI в., передача г. Стародуба старшему сыну

Статья 14 завещания великого князя всея Руси Ивана III, составленного в 1503 г., определяла будущий статус города Мценска: «А что есми променил кн(а)зю Михаилу Мезетцкому на ег(о) жеребей на Мѣсческѣ в Стародубѣ Олексин(о), и он дръжит по меншв[и]нои грамоте, а сѣд и дан(ь) с(ы)на моег(о) Василя(ь)ево»¹. Путем обмена территориями великий князь Иван III оставлял за собой полностью город Мценск, который как единое целое и передавал старшему сыну Василию. Право суда и сбора дани будущий Василий III сохранял, видимо, и по отношению к жителям села Алексино, хотя это село находилось в собственности князя Михаила Мезецкого. О примерном месте расположения этого села свидетельствует вторая «Данная князя Федора Андреевича [Стародубского] Троицкого монастыря игумену Никону на озера Смехро и Боровое в Алехсинском стане Стародубского княжества с правом поставить у озер двор для ватаги рыболовов»². Грамота датируется 1392–1427 гг., поскольку была составлена в годы игуменства в Троице-Сергиевом монастыре Никона, преемника Сергия Радонежского. В этом источнике приводится название Стародубского стана: «в старишом пути в своей вотчине в Олехсинском стану», которое возникло от названия села Олексино (Алексино). Помимо названия стана «данная грамота» содержит названия двух озер (Смехро и Боровое) и одной реки (Шужохта), локализация которых позволяет отчасти определить размеры и границы пригородных земель столицы Стародубского княжества. Обращение к современному «Атласу Владимирской области» обнаруживает, что до наших дней сохранилось озеро Смехровское, расположенное в 4 км к северу от Клязьминского Городка (так позднее стал называться Стародуб Рязановский). Примерно в 13 км (по прямой) вниз по р. Клязьме протекает р. Шижегда, которую можно отождествлять с р. Шужохтой XIV–XV вв. Кроме указанных объектов на карте примерно в 15 км к северо-востоку от Клязьминского Городка обнаруживается и само село Алексино, название которого повлияло на название Олехсинского стана Стародубского княжества³ и которое указывает на то, что село издавна было княжеским, содержалось и благоустраивалось как княжеское и его вполне можно было давать в обмен на земельные доли князя Михаила Мезецкого в Мценске.

Озер с названием Боровое в бывшей Владимирской губернии было несколько, поэтому трудно определить, какое из них упоминается в «данной грамоте» 1392–1427 гг. По этой причине вопрос о местонахождении озера Боровое приходится оставить открытым.

Выявленные данные относятся к небольшим географическим объектам, располагавшимся близ г. Стародуба на р. Клязьме, более известного как Стародуб Рязановский. Статья 30

¹ АДГ. С. 355.

² АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 5. С. 28

³ Атлас Владимирской области. Тверь, 2008. С. 23.

Судебника 1497 г. («указ о езде») этого города не упоминает, но указывает на то, что ведущий розыск недельщик великого князя получал на дорожные расходы «до Стародубских князей отчины пол-2 рубля»⁴, то есть полтора рубля. Так оплачивались дорожные расходы от Москвы до Вязьмы, до Костромы, до Муромы и до Бежецкого Верха, то есть до центров, отстоявших от Москвы на несколько сотен километров. Судя по характеру этой статьи, Стародуб Рязполовский или его часть принадлежали в 1497 г. уже не князьям Рязполовским, а Ивану III. Последний имел право посылать из Москвы в этот город своего представителя для проведения розыскных дел. Хотя в Русском государстве в то время продолжали существовать города, например, такие, как Волок Ламский, Руза, два города Микулина, куда великий князь всея Руси не имел права посылать своих людей, поскольку такие города принадлежали его политическим союзникам. Но в завещании 1503 г. Ивана III о принадлежности Стародуба ничего не говорится. Снято и определение Стародуба – Рязполовский. Можно думать, что переписчик завещания Ивана III допустил какую-то опisku, в результате чего был утрачен материал, характеризовавший статус и принадлежность города Стародуба Рязполовского. Однако следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, имевшие место в конце 90-х гг. XV в. В 1498 г. был раскрыт заговор бояр против Ивана III. Великий князь всея Руси жестоко расправился с заговорщиками. Одному из самых деятельных из них князю Семену Ивановичу Рязполовскому, зятю московского великокняжеского наместника князя И. Ю. Патрикеева, отсекали голову⁵. За такой расправой могла последовать конфискация владений Рязполовских. Однако конфискации должны были предшествовать писцовое описание отходящей к великому князю территории и установление ее формальных границ. Об этом свидетельствует целый ряд статей завещания 1503 г. Ивана III. Так, в статье 28 этого документа было записано, что Иван III завещает «горѡд Тѣѡр(ь) и Городеи | с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѡ, по каа мѣста писал ко Тѣѡри писецѡ нашѡ княз(ь) | Ѡеѡд(о)рѡ Алабыш»⁶. Подобного описания Стародуба Рязполовского до времени составления завещания Ивана III сделать, по-видимому, не удалось, а потому о Стародубе ничего не написали. Но исходя из характера душевной грамоты Ивана III, в которой около 80 % всех существовавших в начале XVI в. городов в Русском государстве завещались старшему сыну, Стародуб должен был перейти во владения будущего Василия III.

Vladimir A. Kuchkin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE CITY OF STARODUB RYAPOLOVSKY IN THE IVAN III'S TESTAMENT OF 1503

The testament of Ivan III drawn up in 1503, unevenly divided the cities of the Russian State among the testator's five sons. The four youngest sons of Ivan III, Yuri, Dmitry, Semyon and Andrey, were left 25 cities, but the eldest son, the future Vasily III, received about 95 cities, including Starodub on the Klyazma River.

Keywords: Ivan III, testament of 1503, 5 sons-heirs, cities of the Russian State at the beginning of the 15th century, transfer of Starodub to the eldest son

⁴ Судебники XV–XVI веков. М.; Л. 1952. С. 23.

⁵ ПСРА. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 504.

⁶ ДДГ. № 89. С. 357.

П. В. Лукин

ИРИ РАН, РАНХиГС, Москва, Россия. lukinpavel@yandex.ru

ТРАНСПОРТНЫЙ ПЕРСОНАЛ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА: ОБ ОДНОЙ НЕДОСТАТОЧНО ИЗУЧЕННОЙ КАТЕГОРИИ РЯДОВОГО НАСЕЛЕНИЯ

В статье, посвященной некоторым аспектам социальной истории Новгорода XIII–XV вв., рассматривается вопрос, которому в историографии не уделялось достаточного внимания, – положение транспортного персонала, задействованного в торговле с Ганзой (лодочников, возчиков, грузчиков). Поскольку эти категории населения практически не упоминаются в русских источниках, информацию приходится черпать из ганзейских документов на латинском и средненижнемецком языках. Обосновывается предположение о том, что транспортный персонал был значимой составляющей низшего слоя новгородского политического сообщества – «черных людей», обладал своими корпоративными структурами и находился под контролем и защитой новгородских властей.

Ключевые слова: Новгород, Ганза, торговля, транспортный персонал, социальный строй

Согласно новгородско-ганзейским договорам, перемещение ганзейских товаров по весьма протяженной новгородской территории в Новгород и из Новгорода подразумевало новгородскую транспортную монополию. Когда ганзейские купцы шли морским путем и по Балтийскому морю, Неве и Ладожскому озеру достигали реки Волхов, примерно в 12 км выше устья Волхова товар приходилось перегружать с их кораблей (*Koggen*) на плоскодонные новгородские ладьи. Причиной были пороги на Волхове в районе села Гостинополье, преодолеть которые ганзейские корабли не могли. Далее уже на новгородских судах ганзейские купцы с их товаром двигались в Новгород. Аналогичным образом дело происходило на обратном пути. Существовал также сухопутный маршрут в Новгород через Ливонию, однако он также подразумевал выгрузку ганзейского товара на границе с Новгородской землей, в Нарве, которая хотя и не была ганзейским городом (она принадлежала Тевтонскому ордену), но играла важную роль в новгородско-ганзейской торговле. Там тоже ганзейских купцов с их товаром принимали новгородцы и дальше транспортировали до Новгорода [Goetz, 1916, S. 102–106; Goetz, 1922, S. 195–245; Weczerka].

Новгород твердо отстаивал свою транспортную монополию: передвижение немецких купцов с их товаром по Новгородской земле обеспечивалось местным персоналом. Это зафиксировано уже в проекте договора Новгорода с немецкими торговыми городами 1268 г. и в договоре 1269 г., который на долгое время стал основополагающим соглашением между Новгородом и Ганзой. В проекте упоминаются «перевозчики» и «проводники», занимающиеся транспортировкой купцов с их грузом через волховские пороги (*vectores, ductores*). В латинском тексте проекта используется даже специальное немецкое название для таких перевозчиков – *vorschkerle*, «пороговые люди». Перевозчики при этом должны быть «мужами крепкими и пригодными» (для выполнения соответствующей работы) (*virī robusti et ydonei*). Перевозчики получали за свои услуги оговоренную плату. Но самое главное в данном случае, что они представляли собой некое объединение, во главе которого стоял «староста перевозчиков» (*oldermannus vectorum*). Это объединение Л. К. Гётц, кажется, вполне справедливо сравнивает с позднейшими артелями [Goetz, 1916, S. 104].

По прибытии в Новгород русская сторона должна была предоставить купцам везы для транспортировки товара уже непосредственно на принадлежавшие немецкой купеческой общине Немецкий и Готский торговые дворы, находившиеся на Торговой стороне Новгорода. Конфликтные ситуации должны были разрешаться мирным путем: «Когда купцы поднимаются

[вверх по реке], и по несчастью между купцами и перевозчиками начнется какая-либо распря или случится драка, и, если спор будет улажен посредством примирения (*et lis per compositionem sedata fuerit*), эту распря не следует больше разжигать»¹. В договоре 1269 г., сохранившемся в средненижнемецкой версии, также упоминаются «пороговые люди» (*vorschkerle*), «ладейный человек» (*lodienman*²), возчики (*vorlude*), доставляющие товар с пристани на Волхове на торговые дворы и обратно. Порядок разрешения споров здесь конкретизируется: «А поспорят... ладейщики с гостями (то есть немецкими купцами. – П. Л.) по пути вверх или вниз [по Волхову], и помирятся они между собой в пути, и тому быть твердо; а не смогут они помириться, идти им на суд перед тысяцким и перед новгородцами на двор святого Ивана»³. Здесь речь идет о суде по торговым делам во главе с тысяцким. В суде участвовали также купеческие старосты, представлявшие новгородское купечество, объединенное вокруг церкви св. Иоанна на Опоках, также на Торговой стороне Новгорода, недалеко и от реки, и от обоих немецких торговых дворов. Сохранился дефектный ганзейский документ, вероятнее всего, послание немецкой купеческой общины в Новгороде ревельским властям середины – второй половины XIV в., в котором как раз и описана эта судебная процедура. Между ладейщиками и ганзейскими купцами возник конфликт, по-видимому, связанный с тем, что, по мнению немцев, новгородские транспортники по своей вине утеряти пол-ласта соли⁴. Дело рассматривалось в суде тысяцкого, а потом к нему подключился посадник. Обе стороны выставили свидетелей, но дело было решено в пользу ладейщиков. Последние в ходе рассмотрения выступали в качестве коллективных ответчиков и совместно защищали себя перед новгородскими властями⁵.

Между ганзейскими купцами и новгородским транспортным персоналом, действительно, регулярно возникали конфликты, которые нередко упоминаются в новгородско-ганзейской корреспонденции и связанных с ней документах. Благодаря этим свидетельствам можно сделать определенные выводы о том, что представляла собой эта категория новгородского населения, сведения о которой в собственно новгородских источниках практически совершенно отсутствуют.

В историографии о свободном рядовом населении Новгорода («черных людях») говорится обычно весьма расплывчато. Как правило, считается, что в его состав входили мелкие торговцы и ремесленники, иногда также отмечается, что эти люди одновременно могли заниматься земледелием⁶. Между тем есть основания предполагать, что группы, участвовавшие в новгородско-ганзейской торговле, составляли немалую долю населения Новгородской земли и, в частности, новгородских «черных людей», в XIII–XV вв. низшего слоя свободного населения Новгорода, представители которого хотя и не были допущены к высшим магистратурам, но были полноправны и могли участвовать в вече⁷.

¹ Hansisches Urkundenbuch (далее – HUB). Halle, 1876. Bd. 1 / Bearb. von K. Höhlbaum. № 663. S. 229–233.

² Слово *lodienman* (мн. ч. *lodienlude*) представляет собой заимствованное слово в средненижнемецкой форме (*Köbler G. Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, 3 A., 2014. URL: https://www.koeblergerhard.de/mnd/mnd_1.html (дата обращения: 27.11.2022)), очевидно, от древнерусского «лодьа, -ия». На основании ряда данных, в том числе договора 1268–1269 гг. и значения зафиксированного в позднейшее время русского слова «лодочник», а также логических соображений можно предположить, что ими могли быть владельцы судов, лоцманы, гребцы, а также, не исключено, лица, сопровождавшие/охранявшие немцев с их товаром во время путешествия в Новгород (см.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1981. Вып. 8. С. 272–273); в дальнейшем мы условно называем их ладейщиками.

³ ГВНП. № 31. С. 59–60.

⁴ О ласте как о мере см.: Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова / Сост., предисл. и коммент. П. В. Лукина, С. В. Полехова, Е. Р. Сквайрс. М., 2021. С. 153. Примеч. 3.

⁵ HUB. Halle, 1882–1886. Bd. 3. № 566. S. 318–319.

⁶ См., например: [Подвигина, с. 86–87; Алексеев, с. 247–251].

⁷ Ряд документов, в которых упоминаются конфликты между ганзейскими купцами и русским транспортным персоналом, отмечен уже в классических работах Л. К. Гётца [Goetz, 1916, S. 108–110; Goetz, 1922, S. 244], но его интересовали, главным образом, не социальные аспекты проблемы, а воздействие новгородской транспортной монополии на торговлю с Ганзой. См. также недавнюю монографию К. Гёрке, который привлекает внимание к этой категории населения: [Goehrke, S. 291–292].

Особенно много свидетельств о контактах и конфликтах ганзейских купцов с возчиками в самом Новгороде в документах XIV–XV вв. В связи с небольшим объемом и предварительным характером работы мы ограничимся лишь некоторыми, но, как представляется, достаточно яркими свидетельствами. Имеющийся материал в принципе значительно больше и богаче и требует дальнейшего изучения.

В инструкции властей Риги своим послам для переговоров с Новгородом и Псковом (после 1392 г.) есть следующее указание: «Также оговорить [вопрос] о возчиках (*de vurlude*), чтобы они доставили товар законным владельцам»⁸. Речь идет о порядке доставки новгородскими возчиками товаров немецких купцов с пристани на Волхове на торговые дворы и обратно. Очевидно, с точки зрения Ганзы, здесь имели место злоупотребления со стороны возчиков. Конфликты у немецких купцов возникали и с грузчиками. В послании немецкой купеческой общины властям Ревеля от 6 июля 1412 г. говорится, что у нее появились «большие неприятности с носильщиками (*dregheren*), которые выгружают с кораблей наш товар и грузят на них». Причина разногласий не вполне ясна: по словам ганзейских купцов, она состояла в том, что грузчики хотели насильственным образом разобрать мостовую перед Готским двором, которую использовали купцы⁹.

Новгородский транспортный персонал находился под контролем новгородского политического сообщества и его должностных лиц и выполнял принятые ими решения. Это хорошо видно, например, по посланию немецкой купеческой общины в Новгороде властям Ревеля от 21 декабря 1406 г. Тогда между Новгородом и Ганзой разворачивался торговый конфликт из-за ограбления новгородских купцов у Нарвы, в ответ на что немецкие купцы в Новгороде были задержаны. Они пожаловались тысяцкому «и спросили его, почему он приказал объявить на торгу, что нас нельзя вывозить; на это он ответил, что [это из-за того, что] у их братьев отобрали у Нарвы их товар». Решение тысяцкого было исполнено, по словам немецких купцов, «здесь нет ни одного возчика (*vorman*), который бы отважился дать нам в аренду сани или коня, чтобы мы могли выехать и вывезти наш товар, и мы не знаем, сколько они нас вот так будут держать» (в Новгороде – как мы также узнаём из ганзейских источников – постановления, принятые высшими органами власти, возвещали специальные глашатаи на главной рыночной площади, где всегда было скопление народа)¹⁰. Отсюда следует, что возчики были собственниками своих транспортных средств и нанимались к ганзейским купцам за плату. При этом не должно удивлять, что основным их транспортным средством были именно сани. И дело тут не только в зимнем времени, к которому относится этот документ. Богатейшие данные археологических раскопок в Новгороде показали, что там полозовый транспорт (сани) явно преобладал над колесным (телегами). По этнографическим данным, сани использовались – особенно в лесистых и болотистых местностях (которые столь характерны для Новгородской земли) – не только зимой, но и летом. Встречаются упоминания саней и востов и в новгородских берестяных грамотах [Дубровин, с. 122–125, 153].

Действовать возчики совершенно самостоятельно, помимо воли новгородских властей, таким образом, не могли. Однако что-либо запретить им имели право лишь высшие магистраты Новгорода или даже само вече, о чем свидетельствует еще один документ – послание властей Ревеля ливонскому магистру Конраду фон Фитингхофу конца февраля того же 1406 г.: «Тогда они (новгородцы. – П. Л.) постановили на вече запретить возчикам вывозить товар немцев (*Des worden se ens in deme dinghe, dat se vorboden vorlueden, dat se der Dutschen gud nycht utvoren*

⁸ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. С. 42.

⁹ HUB. Leipzig, 1899. Bd. 5 / Bearb. von K. Kunze. № 1057. S. 555.

¹⁰ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. № 27. С. 119–120.

en solden)»¹¹. Случалось, такого рода запреты сопровождалась угрозами телесных наказаний или даже смертной казни по отношению к возчикам. Так было в 1438 г., о чем новгородская купеческая община в Новгороде писала властям Ревеля в послании от 25 ноября: «И они приказали немедленно объявить на торгу, чтобы нас никто не вывозил (*dat men uns nicht uetvoren scholde*) и никто не продавал вам коней под угрозой смерти»¹². Теми, кто мог вывезти из Новгорода ганзейских купцов, были, разумеется, прежде всего, возчики, занимавшиеся этим профессионально. Аналогичная история произошла в 1463 г., когда из-за ареста новгородских торговцев ревельским комтуром в Новгороде стали оказывать давление на немецких купцов и, в частности, опять «приказали объявить на Торгу, чтобы никто не вывозил немцев или их товар»¹³. Что за возчиков в конечном счете ответственность несло новгородское политическое сообщество, следует из новгородско-ганзейских договоров. Так, в договоре 1423 г. говорится о «возчике Степане» (*Stopen, de voreman*), потерявшем товар немецкого купца. Часть товара, которая была найдена, в соответствии с договором, должен вернуть «Новгород» (*Nougarden*), пропавшую часть также должен искать «Новгород», в случае обнаружения товара «Новгород» должен его возвратить, если же розыск результата не даст, «Новгород» за это отвечать не будет. «Новгород» – здесь краткий синоним полного наименования новгородского политического сообщества в то время. Полный вариант также фигурирует в документе – «весь Великий Новгород» (в средненижнемецком оригинале: *gantze [gemeyne] Grote Nougarden*)¹⁴.

Возчики тоже составляли своего рода корпорацию, которая активно отстаивала свои интересы. В послании немецкой купеческой общины в Новгороде властям Ревеля от 28 мая 1409 г., которое представляет собой перечень различных претензий ганзейских купцов к новгородцам, есть и претензии к возчикам: «Хотя мед был оплачен в Нарве, его задержали возчики [новгородские] из-за серебра, которое у них отобрал нарвский фогт за их злодеяние; мы не смогли получить справедливого решения по этому [делу]»¹⁵. Речь идет о транспортировке приобретенного ганзейскими купцами в Нарве меда (хмельного напитка) [Goetz, 1922, S. 316–318; Хорошкевич, с. 323–332]. Оказывается, что новгородские возчики могли объявить нечто вроде забастовки и предъявить своим заказчикам требования – в данном случае потребовать возврата отобранных у них должностным лицом Тевтонского ордена (фогтом Нарвы) денег («серебра»).

Иногда транспортный персонал заходил еще дальше. 15 июля 1412 г. немецкая купеческая община в Новгороде жаловалась властям Ревеля на грузчиков и ладейщиков. Первые якобы «не знают, сколько и потребовать за выгрузку товара», повышая плату за свою работу «день ото дня». Вторые же вообще «творят над нами великие насилия, а именно сажают наших немцев без законных оснований в железа (*se onse Dutschen sunder recht unde reden voren in dat iseren*)»¹⁶. В другом послании ревельским властям (13 декабря 1412 г.) ганзейские купцы в Новгороде жалуются на тех же ладейщиков за то, что они заламывают на Неве слишком высокие цены за перевозку их товара¹⁷. Из еще одного документа, отчета представителей трех главных ливонских городов о посольстве в Новгород (21 января 1423 г.¹⁸), мы узнаём,

¹¹ Там же. № 16. С. 94–95.

¹² Liv-, Est und Curländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1889. Bd. 9 / Hrsg. von H. Hildebrand. № 394. S. 271. См. также: Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. № 20. С. 103–104 (1406 г.).

¹³ Liv-, Est und Curländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau, 1910. Bd. 12 / Hrsg. von Ph. Schwartz, A. von Bulmerincq. № 179. S. 101.

¹⁴ ГВНП. № 62. С. 104. О новгородском политическом сообществе / «политическом народе» и связанных с ним обозначениях см.: [Лукин, 2018; Лукин, 2020].

¹⁵ Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова. № 59. С. 194, 199.

¹⁶ HUB. № 1063. S. 554.

¹⁷ Ibid. № 1086. S. 565.

¹⁸ У Л. К. Гётца ошибочно – 1413 г. [Goetz, 1916, S. 109].

что ладейщики и грузчики в самом Новгороде (*de dregere bynnen Nougarden*) не только вымогали поборы за свои услуги, но и залог (*voersat*)¹⁹.

Новгородские власти, по-видимому, иначе смотрели на эту ситуацию и, судя по жалобам немцев, считали такое поведение если не законным, то оправданным. Но главное заключается в другом. Из приведенных свидетельств следует, что «артели» новгородских транспортных работников, во-первых, состояли из свободных людей, которые сами нанимались к ганзейским купцам и самостоятельно договаривались о плате за свои услуги, во-вторых, обладали возможностями вершить неформальное частное правосудие, отправляя под арест контрагентов, которых считали нарушителями договоренностей. Л. К. Гётц предполагал даже, что в Новгороде действовал некий «транспортный союз» (*Transportverband*) или братство (*Genossenschaft*) – объединение, которое было учреждено новгородскими властями или, как минимум, получило от них привилегии на монопольное обслуживание ганзейских купцов [Goetz, 1916, S. 110]. Оснований для столь далеко идущего вывода в источниках нет, но факт существования в Новгороде соответствующих артелей, или гильдий, наделенных «всем Новгородом» определенными правами, можно считать установленным.

Таким образом, благодаря данным ганзейских документов становится очевидным, что новгородцы, связанные с транспортным обслуживанием торговли с Ганзой, должны были представлять собой достаточно многочисленную категорию населения. Ее игнорированию в историографии способствовало и то, что ладейщики, возчики, грузчики и т. д. практически не упоминаются в тех источниках, на основании которых обычно писалась история Новгорода, – прежде всего, в летописях. Ганзейские документы также позволяют предполагать, что эти группы населения умели объединяться и отстаивать свои права, а голос их слышали и их ганзейские партнеры, и новгородские власти. Транспортный персонал, по-видимому, не был однороден: так, «пороговые люди» и ладейщики вполне могли быть неновгородцами, не принадлежать к новгородскому политическому сообществу и не принимать, таким образом, участия в политической жизни. Подтверждение этого мы видим в послании немецкой купеческой общины в Новгороде властям Ревеля от 7 февраля 1412 г., в котором говорится об обидах, нанесенных русскими ладейщиками (*loddyenlude*) ганзейскому купцу Детмару Бёхольту (*Detmar Bōcholt*). У него отняли «две штуки серебра» (то есть для этого времени – два рубля) братья Уско и Лука (*Uske und Luke*) с их сообщниками Карпом и Кузьмой (*Karpen und Kuseman*), братом Павла Царька (*Pauwel Tsarken*). Из них первые трое жили в Орешке (Нотеборге), и только четвертый – в самом Новгороде (уже поэтому вряд ли возможно говорить о существовании единого именно новгородского «транспортного союза»)²⁰. Под отнятием «штук серебра» надо, очевидно, понимать не собственно ограбление, а вымогательство у немцев чрезмерных (по мнению последних) выплат или оплаты некачественных/ненужных услуг. При этом четыре «ладейщика», происходя из разных городов Новгородской земли, входили – в этом вряд ли могут возникнуть сомнения – в одну и ту же «артель».

В то же время новгородские возчики и грузчики должны были составлять заметную часть «черных людей», входя тем самым в состав низшей страты «политического народа» («всего Великого Новгорода»).

¹⁹ Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430 (= Hanserecesse. Abt. 1). Leipzig, 1893. Bd. 7. № 568. §§ 12, 40. S. 370, 373. О наиболее вероятном значении слова *vörsat* в этом контексте см.: Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Neumünster, 1956. Bd. 1 / Hrsg. von A. Lasch, C. Borchling. Sp. 910.

²⁰ HUB. Bd. 5. № 1038. S. 540.

Литература

- Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 242–274.
- Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М., 2000. Т. 1. 291, [4] с.
- Лукин П. В. «Великий Новгород» // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 383–413. DOI 10.31168/2305-6754.2018.7.2.15
- Лукин П. В. «Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия // Российская история. 2020. № 4. С. 56–63. DOI 10.31857/S086956870010771-9
- Подвигина Н. А. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976. 152 с.
- Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. 365 с.
- Goehrke C. Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. Zürich, 2020. 560 S.
- Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6). 394 S.
- Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. 5). 572 S.
- Weczerka H. Hansische Handelswege in den nordwestrussischen Raum // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse / Hrsg. N. Angermann, K. Friedland. Köln; Weimar; Wien, 2002. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Neue Folge. Bd. 56). S. 15–24.

References

- Alekseev, Yu. G. "Chernye lyudi" Novgoroda i Pskova (k voprosu o sotsial'noi evolyutsii drevnerusskoi gorodskoi obshchiny) ["Black People" of Novgorod and Pskov (On the Question of the Social Evolution of the Old Russian Urban Community)]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1979. Vol. 103. Pp. 242–274.
- Dubrovin, G. E. Vodnyi i sukhoputnyi transport srednevekovogo Novgoroda X–XV vv. po arkheologicheskimi dannymi [Water and Land Transport of Medieval Novgorod of the 10th – 15th Centuries according to Archaeological Data]. Moscow, 2000. Vol. 1. 291, [4] p.
- Goehrke, C. Unter dem Schirm der göttlichen Weisheit: Geschichte und Lebenswelten des Stadtstaates Groß-Nowgorod. Zürich, 2020. 560 S.
- Goetz, L. K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. (Abhandlungen des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6). 394 S.
- Goetz, L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. (Hansische Geschichtsquellen. Neue Folge. Bd. 5). 572 S.
- Khoroshkevich, A. L. Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV–XV vekakh [Trade of Novgorod the Great with the Baltic States and Western Europe in the 14th – 15th Centuries]. Moscow, 1963. 365 p.
- Lukin, P. V. "Velikii Novgorod" ["Novgorod the Great"]. In *Slověne*. 2018. Vol. 7. No. 2. Pp. 383–413. DOI 10.31168/2305-6754.2018.7.2.15
- Lukin, P. V. "Ves' Novgorod": k voprosu o proiskhozhdenii i soderzhanii ponyatiya ["All Novgorod": On the Problem of the Origin and Content of the Concept]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 56–63. DOI 10.31857/S086956870010771-9
- Podvigina, N. L. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Novgoroda Velikogo v XII–XIII vv. [Essays on the Socio-Economic and Political History of Novgorod the Great in the 12th – 13th Centuries]. Moscow, 1976. 152 p.
- Weczerka, H. Hansische Handelswege in den nordwestrussischen Raum. In *Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse*. Hrsg. N. Angermann, K. Friedland. Köln; Weimar; Wien, 2002. (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Neue Folge. Bd. 56). S. 15–24.

TRANSPORT PERSONNEL IN MEDIEVAL NOVGOROD:
ON AN INSUFFICIENTLY STUDIED STRATUM OF ORDINARY PEOPLE

The article focuses on certain aspects of the social history of Novgorod in the 13th – 15th centuries and deals with an issue that has not received much attention until now: the status of transport personnel taking part in the trade with the Hanse (boatmen, carters and loaders). Since the latter are hardly mentioned in Russian sources, evidence can be taken only from Hanseatic documents written in Latin and Middle Low German. The author argues that transport personnel were a significant part of the lower stratum of the Novgorod's political community – “black people”, had their own corporate structures and were under control and protection of the Novgorod authorities.

Keywords: Novgorod, the Hanse, trade, transport personnel, social system

УДК 94(47).046 DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.016

А. П. Павлов
СПбГУ, СПбИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. *pavlov_ap@mail.ru*

К ВОПРОСУ О МОСКОВСКОЙ СЛУЖБЕ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРЕВА ДВОРА

Статья посвящена вопросу о характере московской службы членов Государева двора. Автор показал, что большинство лиц, подавших челобитные об отпуске из Москвы в 1620-х гг., имели в Москве свои дворы. Все члены двора, независимо от их записи в «московскую» или «отпускную» «половины», должны были подавать прошение об отпуске из столицы. Проведенное исследование подтверждает свидетельство автора записок о России начала XVII в., коронного подстоля Станислава Немоевского, согласно которому члены Государева двора были обязаны иметь дворы в Москве, постоянно пребывать в столице и отлучаться в свои владения только по специальному разрешению царя.

Ключевые слова: Государев двор, московские дворы, государева служба, челобитные об отпуске из Москвы, боярские списки

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00151.

Государственная власть неоднократно принимала меры по обеспечению эффективности службы верхушки служилых людей при Московском дворе. На решение этой задачи была направлена Тысячная реформа 1550 г., предусматривавшая наделение «лучших слуг» подмосковными поместьями, с тем чтобы они, проживая в своих владениях вблизи от столицы, могли всегда быть готовыми для несения службы при дворе [Веселовский, с. 77–91; Зимин, с. 366–371; Павлов, 1992, с. 86–107; Корзинин, с. 78–273]. Политику испомещения под Москвой членов Государева двора продолжали правительства Бориса Годунова [Павлов, 1992, с. 140–149] и Романовых [Павлов, 2004].

Постоянная готовность членов Государева двора к несению московской придворной службы обеспечивалась владением не только подмосковными поместьями, но и дворами в самой Москве. Б. Н. Флоря обратил внимание на важное сообщение автора записок о России начала XVII в., коронного подстоля Станислава Немоевского, согласно которому каждый знатный человек должен иметь свой двор в столице, так как проводит большую часть времени при дворе, а не в своих владениях, для посещения которых требовалось специальное разрешение царя, дававшееся на строго определенный срок [Флоря, с. 29].

Попытаемся на основе анализа материалов отпускных челобитных служилых людей 1626–1629 гг.¹, боярских списков и росписей московских дворов XVII в. выяснить вопрос о том,

¹ Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 17. С. 213–396.

как на практике осуществлялись сообщенные Немоевским правила службы при Московском дворе.

В материалах столбца, содержащего отпускные челобитные 1626–1629 гг., зафиксированы челобитные об отпуске из Москвы 380 служилых людей (многие из них подавали челобитные не один раз). Для некоторых из них (Василия и Ивана Безобразовых, Ивана Вельяминова, Ивана Есипова, князя Ивана Засекина, Софона Иванова сына Зубова, Федора Карпова, Ивана Колтовского, Ивана Кутузова, Ивана Леонтьева, Андрея Плещеева, Федора Плещеева, Григория Ржевского и Ивана Стрешнева) трудно установить чиновную принадлежность. Из оставшихся 366 человек подавляющее большинство (342 человека, или 93,4 %) составляли представители высших московских чинов Государева двора (учитываются чины на момент подачи челобитных) – 90 стольников, 222 московских дворянина, 25 стряпчих, 4 стольника патриарха Филарета. Отпускные челобитные подали думный дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин (об отпуске с ним в деревню сыновей Григория и Степана), думный дьяк Иван Грамотин (об отпуске с ним его родственников по жене Милославских и Апухтиных), 12 дьяков; 7 человек имели на момент подачи челобитной чин жильца² и только 3 челобитчика состояли в выборных городских дворянах³.

Из 366 человек, подавших челобитные об отпусках в 1626–1629 гг.⁴, у половины (183 человека) встречаем дворы в переписной книге города Москвы 1638 г.⁵ У 183 челобитчиков 1626–1629 гг. в переписной книге 1638 г. дворы не упоминаются, однако значительная часть этих лиц (103 человека) к 1638 г. выбыла из службы, и, следовательно, их имена как дворовладельцев не могли отразиться в переписной книге, хотя здесь нередко встречаем сведения о дворах их вдов, отцов и родных братьев. Из оставшихся 263 челобитчиков лишь у 80 человек (30,4 %) в переписной книге 1638 г. московские дворы не значились. Надо отметить при этом неполноту сведений переписной книги 1638 г. Отсутствуют здесь сведения о владении двором в Кремле князя А. Н. Трубецкого [Павлов, 2018, с. 608]. Шестнадцать челобитчиков 1626–1629 гг. указали наличие у себя дворов в Москве, которые погорели во время пожаров⁶, однако сведений об этих дворах в переписной книге 1638 г. мы не встречаем. Упоминания о московских дворах еще у ряда челобитчиков 1626–1629 гг. (дьяка Федора Апраксина, дворян Григория Алексеевича Зюзина, князя Никифора Федоровича Мещерского, Кузьмы Андреевича Трусова, князя Петра Андреевича Хилкова) мы находим в материалах переписей московских дворов 1620 и 1626 гг.⁷ Следует отметить, что среди интересующих нас лиц было немало тех, кто проживал в дворах своих родственников или покровителей. Сказанное позволяет заключить, что подавляющее большинство членов двора, подавших челобитные об отпуске из Москвы в 1626–1629 гг., имели места постоянного проживания в столице.

² Яков (Алексеевич) Аргамаков, Федор Петрович Зиновьев, Иван Александрович Игнатъев, Сотник Денисьев сын Оладыин, Иван Петрович Сабуров-Долгово, князь Василий Дмитриевич Ухтомский, Кузьма Максимович Ушаков (жилецкие списки 1625–1629 гг.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. № 897. Столпик 1. Л. 21, 25, 34, 48, 53; № 888. Столпик 2. Л. 17, 20, 27, 36, 43; № 886. Столпик 1. Л. 7, 10, 14, 20, 27, 64; № 42. Столпик 2. Л. 18, 20, 27, 36, 37, 45, 80; № 842. Столпик 1. Л. 3, 13, 21, 49; № 842. Столпик 2. Л. 16, 40, 55, 116).

³ Иванис Федорович Болтин, выборный дворянин по Арзамасу в 1624–1629/1630 гг. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 17. Столпик 6. Л. 25; Ф. 210. Боярские книги. Кн. 2. Л. 442); Богдан Семенович Борков, выборный дворянин по Мещовску в 1626–1629 гг. («Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов / Сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015. С. 81, 172, 248, 319); Андрей (Лыков) Шепелев, выборный дворянин по Козельску («Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. ... С. 83, 175, 250).

⁴ Не учитываем здесь лиц, которых, как упоминалось выше, трудно идентифицировать.

⁵ Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881.

⁶ Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 224, 233, 358, 360, 361, 370, 371.

⁷ Перепись московских дворов 1620 года // Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896. С. 6, 12, 22; Перепись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китае-городе в 1626 году // Переписные книги города Москвы, составлены в 1738–1742 годах (с приложением переписной книги 1626 г.). М., 1881. Т. 1. С. 8, 12.

Известно, что представители московских чинов Государева двора несли службу по «половинам», находясь попеременно в «московской» («жилой») и в «отпускной» «половинах» [Станиславский, с. 137 и след.]. По свидетельству Г. Котошихина, «...на Москве они, стряпчие и стольники, живут, для царских услуг, по полугоду, пополам; а другая половина (очевидно – “отпускная”. – А. П.), кто похочет, отъезжают в деревни свои до сроку»⁸. Источники документального происхождения показывают, однако, что не только находившиеся на московской службе, но и записанные в «отпускную половину» члены Государева двора не были вольны оставлять Москву и уезжать в свои деревни.

О своем нахождении в «отпускной половине» указывали сами челобитчики, подававшие прошения о временном отпуске из Москвы. Так, московский дворянин Никифор (Алферьевич) Колычев писал в своей челобитной: «...живу на Москве и по вашему государскому указу в отпускной половине, а без вашего государского указу... в поместейцо съехати не смею (курсив мой. – А. П.)»⁹.

О распространении практики подачи челобитных об отпуске из Москвы лицами, находившимися как в «московской» («жилой»), так и в «отпускной» «половинах», может свидетельствовать сопоставление данных отпускных челобитных 1626–1629 гг. и «наличных» боярских списков 20-х гг. XVII в.

В «наличном» боярском списке 1626 г. «с апреля»¹⁰ в разных «половинах» встречаем имена 15 представителей московских чинов, подавших челобитные об отпуске в апреле – июне 1626 г.¹¹ Половина из них (Федор Михайлович Бояшев, князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, князья Иван и Дмитрий Михайловичи Кашины, Иван Михайлович Милуков, Григорий Павлович Селунский, Богдан Дмитриевич Ходырев – всего 7 человек) написана в апрельском «наличном» списке 1626 г. в «отпускной» части¹², а другая половина – в «московской» (Никита Иванович Заболоцкий, Семен Васильевич Колтовский, Василий и Иван Никитичи Пушкины, Григорий Григорьевич Ржевский, князь Иван (Александрович) Ростовский, Никон Богданович Сабуров, Иван Павлович Селунский – всего 8 человек)¹³.

В «наличном» боярском списке сентября – декабря 7135 (1626) г.¹⁴ встречаем имена 39 представителей столичного дворянства, подавших в те же месяцы челобитные об отпуске из Москвы. Из них 31 человек был написан в «московской половине» (Григорий Петрович Акинфов, Богдан Постников Бельский, Иван Постников Бельский, Иван (Михайлович) Борятинский, Сила (Романович) Воейков, князья Лев Федорович и Василий Богданович Волконские, Степан (Меньшого) Волинский, князь Алексей Иванович Воротынский, Андрей Голубовский, Станислав Граевский, князь Федор (Петрович) Засекин, Василий (Петрович) Зиновьев, Григорий (Алексеевич) Зюзин, Иван (Васильевич) Измайлов, Степан (Осипович) Караулов, Дмитрий (Федорович) Колтовский, Семен Васильевич Колтовский, князь Данила (Гаврилович) Коркодинов, князь Григорий Семенович Куракин, князь Иван Семенович

⁸ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906. С. 25–26.

⁹ Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 313; см. также: с. 268, 296, 308, 311, 335.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 886. Столпик 2. Л. 1–71.

¹¹ Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 220–226. Не учитывает имена челобитчиков, которых трудно идентифицировать из-за отсутствия отчеств. В июле 1626 г. был составлен уже другой «наличный» боярский список (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 1131. Столпик 1. Л. 1–84), в котором, правда, отсутствует разделение на «московскую» и «отпускную» «половины» [Станиславский, с. 144].

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 886. Столпик 2. Л. 41, 45, 46, 49, 63, 64.

¹³ Там же. Столпик 2. Л. 11, 12, 17, 18, 20.

¹⁴ Как показал А. Л. Станиславский [Станиславский, с. 144], сохранилось три разных документа, представляющих собой тексты одного «наличного» боярского списка сентября – декабря 1626 г.: его первоначальный вариант (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 26. Столпик 1. Л. 1–82), действующий (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 28. Столпик 3. Л. 1–94) и окончательный, содержащий только «отпускную» часть (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 24. Столпик 1. Л. 1–43).

Лобанов-Ростовский, князь Никита (Михайлович) Мезецкой, Иван Нелюбов Огарев, князь Алексей Васильевич Приимков-Ростовский, князь Василий Борисович Приимков-Ростовский, князь Василий (Романович) Пронский, Афанасий Осипович Прончищев, князь Алексей Никитич Трубецкой, Андрей (Григорьевич) Хотяинцев, князь Федор Еналей Мурзин Шейдяков, Пимен Дементьевич Юшков)¹⁵, а 8 человек – в «отпускной половине» (Федор Алексеевич Аргамаков, князь Михаил Борисович Долгорукий, князь Юрий Андреев Звенигородский, Иван (Иванович) Старого Милюков, Иван (Дмитриевич) Плещеев, Юрий Анфиногенов Редриков, Иван (Федорович) Сомов, князь Василий Арасланович Урмаметев)¹⁶.

В том же «наличном» боярском списке сентября – декабря 7135 (1626) г. содержатся сведения о перемене очередности «московской» и «отпускной» «половин» с 1 января по май 7135 (1627) г. Согласно этой новой очередности «половин», из 29 челобитчиков января – апреля 1627 г.¹⁷ 12 человек должны были числиться в «отпускной половине» (князь Иван Михайлович Борятинский, Иван Калинин Зюзин, Фома Иванович Квашнин, Федор Иванович Лодыгин, Василий Иванович Нагой, Иван Юрьевич Нелединский, Михаил Игнатьевич Новосильцев, князь Венедикт Андреевич Оболенский, Василий Савич Романчуков, Иван Константинович Шетнев, Дорофей Жданович Шипов, Василий Федорович Янов)¹⁸, а 17 человек – в «московской» (Архип и Иван Федоровичи Акинфовы, князь Петр Иванович Бабичев, Борис Дмитриевич Бартенев, Андрей Иванович Баскаков, Никита Михайлович Боборыкин, Богдан Алексеевич Голохвастов, Лев Васильевич Заболоцкий, Иван Полуектович Колычев, Ларион Дмитриевич Лопухин, князь Лука Яковлевич Львов, Данила Иванович Лодыгин, Тимофей Алексеевич Собакин, Кирилл Осипович Супонев, Федор Кузьмич Хоненев, князь Федор Савич Щербатов, Иван Федорович Янов)¹⁹.

Нельзя сказать, что нахождение в той или иной «половине» не имело значения для получения разрешения на отпуск из Москвы. Так, московский дворянин Григорий Семенович Бутиков писал в челобитной царю Михаилу об отпуске в деревню: «Живу я, холоп твой, на Москве без съезду лет пятнатцать, в Можайску, государь, был у твоего государева дела три года без съезду... а в отпускной, государь, половине я, холоп твой, николи в деревнишке не бывал...»²⁰. То есть Бутиков подчеркивал, что, даже будучи расписанным в «отпускной половине», он ни разу не отъезжал в свою деревню. Известны случаи, когда для получения отпуска из Москвы служилые люди старались перевестись из «московской» в «отпускную половину», при этом они находили себе подмену для службы в «московской половине»²¹. Челобитные с прошением о переводах из одной «половины» в другую удовлетворялись²². Однако переводы из «московской половины» в «отпускную» в связи с подачей челобитных об отпуске происходили далеко не всегда. Так, по данным «наличного» боярского списка сентября – декабря 1626 г., из лиц, подавших в сентябре – декабре 1626 г. челобитные об отпуске из Москвы, в «отпускную половину» из «московской» были переведены только 2 человека – московские дворяне-иноземцы Станислав Граевский и Андрей Голубовский²³.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 26. Столпик 1. Л. 5, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 25, 28, 29, 34; № 28. Столпик 3. Л. 5, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 28, 32, 35, 36, 43, 70; № 24. Столпик 1. Л. 25, 26.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 26. Столпик 1. Л. 42, 46, 50, 52, 57, 60, 62; № 28. Столпик 3. Л. 51, 52, 57, 63, 65, 68, 72; № 24. Столпик 1. Л. 2, 3, 11, 13, 14, 19, 22, 23.

¹⁷ Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 259–271.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 26. Столпик 1. Л. 7, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 23, 28; № 28. Столпик 3. Л. 7, 16, 17, 19, 24, 27, 29, 35, 76; № 24. Столпик 1. Л. 8.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 26. Столпик 1. Л. 43, 46, 47, 50, 54, 55, 59, 62, 64, 65; № 28. Столпик 3. Л. 27, 51, 53, 56, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 73, 75, 76, 77; № 24. Столпик 1. Л. 3, 6, 7, 8, 11, 16, 17, 20, 22, 23, 24, 25, 26.

²⁰ Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов. С. 349.

²¹ Там же. С. 259, 301–302.

²² Там же. С. 299.

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 26. Столпик 1. Л. 34; № 28. Столпик 3. Л. 43, 70; № 24. Столпик 1. Л. 26.

Нахождение в «отпускной половине» не освобождало членов Государева двора от необходимости каждый раз подавать челобитные об отпуске из Москвы; отпуска давались им только на определенный срок. Власти старались удерживать в Москве дворовых, в том числе и расписанных в «отпускной половине», которые рассматривались в качестве своеобразного резерва на случай возникновения каких-либо экстренных служб (приемов посольств и т. д.). Важным инструментом для прикрепления московских чинов Государева двора к столичной службе являлось наличие у подавляющего их большинства дворов или иных мест проживания в Москве.

Сказанное выше подтверждает свидетельство Станислава Немоевского о довольно жесткой привязанности «знати» (членов Государева двора) к московской службе. Утратившая значительную часть своих родовых вотчин и связей с местным дворянством верхушка служилого сословия к началу XVII в. все более попадает в зависимость от государственной власти.

Литература

- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 540 с.
- Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. 511 с.
- Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М.; СПб., 2016. 672 с.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 280 с.
- Павлов А. П. Законодательство и практика испомещения членов Государева двора под Москвой в 20-х годах XVII в. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 308–331.
- Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Просопографическое исследование: В 2 т. СПб., 2018. Т. 1. 784 с.
- Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 123–152.
- Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. 416 с.

References

- Florya, B. N. Pol'sko-litovskaya interventsia v Rossii i russkoe obshchestvo [Polish-Lithuanian Intervention in Russia and Russian Society]. Moscow, 2005. 416 p.
- Korzinin, A. L. Gosudarev dvor Russkogo gosudarstva v dooprichnyi period (1550–1565 gg.) [Sovereign's Court of the Russian State in the pre-Oprichny Period (1550–1565)]. Moscow; Saint Petersburg, 2016. 672 p.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [The Sovereign's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, 1992. 280 p.
- Pavlov, A. P. Zakonodatel'stvo i praktika ispomeshcheniya chlenov Gosudareva dvora pod Moskvoy v 20-kh godakh XVII v. [Legislation and Practice of Placement of Members of the Sovereign's Court near Moscow in the 20s of the 17th Century]. In *Sudebnik Ivana III. Stanovlenie samoderzhavnogo gosudarstva na Rusi*. Saint Petersburg, 2004. Pp. 308–331.
- Pavlov, A. P. Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova. Prosopograficheskoe issledovanie: V 2 t. [The Members of the Boyar Duma and the Private Chamber's Personnel in the Reign of Mikhail Romanov. Prosopographical Study: In 2 v.]. Saint Petersburg, 2018. Vol. 1. 784 p.
- Stanislavskii, A. L. Boyarskie spiski v deloproizvodstve Razryadnogo prikaza [Boyar Lists in the Clerical Work of the Razryadnyi Prikaz]. In *Aktovoe istochnikovedenie*. Moscow, 1979. Pp. 123–152.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Research on the History of the Oprichnina]. Moscow, 1963. 540 p.
- Zimin, A. A. Reformy Ivana Groznogo [Reforms of Ivan the Terrible]. Moscow, 1960. 511 p.

ON THE QUESTION OF THE MOSCOW SERVICE OF MEMBERS OF THE SOVEREIGN'S COURT

The article is devoted to the study of the Moscow service of members of the Sovereign's court. The author showed that the majority of persons who filed petitions for leave from Moscow in the 1620s had their own estates in Moscow. All members of the court, regardless of their belonging to the "Moscow" or "Vacation" halves, had to submit petitions for leave from Moscow. The study confirms the testimony of the author of notes about Russia of the beginning of the 17th century Stanislav Nemoevsky stating that members of the Sovereign's court were obliged to permanently stay in Moscow and could leave for their estates only with the special permission of the Tsar.

Keywords: Sovereign's court, Moscow courts, sovereign service, petitions for leave from Moscow, boyar lists

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.017

В. Я. Петрухин,
Институт славяноведения РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. vladimir.petrukhin@gmail.com

«ЕРЕТИЧЕСКАЯ» КЛЯТВА ИВАНА III И КЛЯТВА ИНОВЕРЦА

Данная в 1488 г. брату клятва Ивана III «небом, землей и Богом сильным» традиционно вызывает в историографии «еретические» и неортодоксальные ассоциации в контексте преследования «ереси жидовствующих». Автору она представляется не просто библейским топом, а распространенным в средневековой Европе способом создать приемлемое для договаривающихся сторон нейтральное в конфессиональном отношении правовое поле с целью достижения юридически значимого соглашения.

Ключевые слова: «ересь жидовствующих», иноверие, клятва, Иван III

Единственное упомянутое в летописях¹ (источнике, независимом от «иосифлянских» преследователей «ереси жидовствующих») «деяние» – клятва Ивана III – упорно вызывает «еретические» ассоциации в историографии. По свидетельству Иосифа Волоцкого, Иван III сам «ведал ереси» и при этом жаловался, что еретик Иван Максимов «и сноху у мене в жидовство свел» [Казакова, Лурье, с. 436].

Согласно летописи, великий князь, дабы успокоить своего брата Андрея Углицкого, желавшего бежать от преследований, произносит клятву, которая представляется А. И. Алексееву [Алексеев, с. 469] вслед за Я. С. Лурье ([Казакова, Лурье, с. 111]; ср. также: [Успенский]) «очень странной»: Иван клялся «небомъ и землею и Богомъ силнымъ, Творцемъ всея твари»; эта клятва действительно бросается в глаза в летописном контексте (Софийская II летопись), скупко повествующем под 1488 г. о княжеских расправах, в том числе о битве кнутом на торгу «попов новгородских», что «пьяни ругались святым иконам» (вне связи с ересью!)². А. А. Зимин считал, что эта «клятва довольно необычная для ортодоксального православного человека» [Зимин, 1982, с. 65], тем более что клятва была ложной – брат великого князя погиб-таки в темнице.

С первого взгляда представляется очевидным, что ничего «странного» в приведенной клятве нет, напротив, обращение к Творцу неба и земли является топом византийской³

¹ См. о летописных источниках недавнюю статью: [Успенский].

² ПСРА. М., 2000. Т. 6. Вып. 2. С. 323–324.

³ В частности, благословение Творца неба и земли, по свидетельству Феофана Византийца, призывалось при династических церемониях (Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания Приска Панийского. Рязань, 2005. С. 223).

и славянской/древнерусской книжности – от Илариона и исповедания веры князем Владимиром⁴ до распространенных врачевальных молитв Требника⁵, прямо отсылающих к библейской традиции (см. Быт 14: 18–20).

Видимо, клятва небом и землей (перед упоминанием Творца) воспринималась историографами как «еретическая» в силу прямолинейного толкования евангельской заповеди: «не клянись вовсе: ни *небом*, потому что оно престол Божий; ни *землю*, потому что она подножие ног его» (Мф 5: 33–37; ср. в древнерусской традиции уже в «Златоструе»⁶). При этом в русской народной традиции с эпохи Средневековья распространена была «исповедь земле», считавшаяся, впрочем, свидетельством «двоеверия», но не ереси [Смирнов, с. 255–283].

Таков взгляд современных интерпретаторов, но не носителей архаической традиции: для них всякое «неканоническое» поведение, не только *клятвы* [Белова], но и магические приемы и т. п., было именно еретическим «антиповедением», недаром Иосиф распространил упоминание Геннадием жидовина-еретика обвинениями в чародействе [Петрухин].

Летописные источники, естественно, не содержат прямого осуждения Ивана III за «ложную» клятву: вина за конфликт князя с братом возложена на некоего интригана «сына боярского» [Зимин, 1982, с. 65]. Иное освещение в источниках получает клятва отца великого князя – Василия II. Тот уступил бежавшему из Орды хану («царю») Улу-Мухаммеду «в качеве» Белевскую землю – союзники дали друг другу клятву не наносить друг другу «обиды»; князь, однако, нарушил клятву⁷, послав в 1437 г. против царя войска во главе с Дмитрием Шемякой и другими воеводами, грабившими, по свидетельству летописи, «свое же православное христианство»⁸. На переговоры воеводы не пошли, и отчаявшийся Улу-Мухаммед, согласно Казанской истории, обратился возле встретившейся ему «русской церкви» за справедливостью к «Русскому богу» (может быть, Николе угоднику) [Беспалов], чтобы тот судил «въ правду межу» ним и великим князем⁹. Небольшое татарское войско разгромило московскую рать в Белевской битве: «Яко не токмо спомогает Богъ христианомъ, но и поганымъ способствуетъ»¹⁰. Приведенная сентенция русского книжника XVI в. не свидетельствует, конечно, о большей терпимости русского православия к мусульманам (по сравнению с иудеями), тем более что татарский правитель почитался «царем» в русской феодальной традиции, но этот сюжет проливает свет на «странное» отношение к клятвам в международных отношениях: еще первые русские князья клялись соблюдать мир с греками своими «погаными» (языческими) богами, и греки принимали эту клятву «бесами»: религия на этом *правовом* поле становилась *нейтральной*, важнее был договор. Аналогичная (и синхронная) ситуация характеризует мирные договоры на Западе христианской ойкумены – на Пиренеях, где также приходилось договариваться о мире враждующим христианским

⁴ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 50.

⁵ Алмазов А. И. Врачевальные молитвы. К материалам и исследованиям по истории рукописного русского Требника. Одесса, 1900. С. 118, 146.

⁶ Sources of Slavic Pre-Christian Religion / Ed. Juan Antonio Alvarez-Pedroza. Leiden; Boston, 2021. P. 344–345. Ср. «Слово св. отца Моисея о ротах и клятвах» (Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества. М., 1913. Т. 2. С. 133–140). Православная литургия включает возгласение: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Его», а также обращение к Господу, Творцу неба и земли, в средневековой латинской житийной традиции [Досаев, Кутарев, с. 292]. Эсхатологические коннотации характерны для мотива клятвы в пророчестве Исаии об обращении Египта: «В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом» (Ис 19: 18).

⁷ См. о клятве Ивана III Ахмату: [Синицына, с. 117].

⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 192.

⁹ БЛДР. СПб., 2000. Т. 10. С. 271–276; ср.: [Зимин, 1991, с. 81–83].

¹⁰ БЛДР. Т. 10. С. 276.

и мусульманским государствам. Клятва единым истинным Богом признавалась обеими сторонами; симптоматичным, однако, представляется казус, связанный с *иудеем*, которого направил к арагонскому королю в качестве посланника гранадский эмир. Король не принял посланника, ибо он оказался вероотступником: под властью ислама он вернулся из католической веры в иудаизм [Астахов, с. 59–61], что не могло смутить эмира, но было неприемлемо для христианского короля¹¹.

На Руси в полемических сочинениях против еретиков клятвопреступление считалось изменой истинной вере: именно «жидовствующим» еретиков Геннадий упрекал в склонности к ложным клятвам, правда, саму эту склонность он относил не к иудейской традиции, а к маркианской и месалианской *ересям* [Казакова, Лурье, с. 310, 316–317]. Это характерный прием средневековой антиеретической полемики: оппоненты обвиняются во всех известных по книгам ересях (включая дуалистические), но «исторической» основой всех ересей остается иудаизм. Впрочем, А. И. Алексеев в поисках истоков «странной клятвы» Ивана III умножает список этих ересей, цитируя «Жизнеописание византийских царей» Продолжателя Феофана¹². Этот византийский памятник X в. прославляет основателя Македонской династии Василия I и изобличает («поносит»), в соответствии с установками византийской историографии, его предшественников Михаила II и особенно убитого самим Василием Михаила III¹³. Те рисуются нечестивцами и «не истинными христианами», в том числе Михаил II, на клятву которого и ссылается А. И. Алексеев: «Он утверждал, что не существует дьявола, ибо о нем ничего не говорится у Моисея, одобрял блуд, постановил во всех случаях клясться *только одним Богом*» и т. д.¹⁴ Вырывая из этого разоблачительного контекста слова о клятве, А. И. Алексеев полагает, что Иван III «едва ли случайно» через несколько столетий (!) следовал такой клятве [Алексеев, с. 468]. В блуде-содомии обвинялся и подозреваемый в ереси русский митрополит Зосима: А. И. Алексеев считает, что эти пороки митрополита были настолько очевидны, что о них знал *даже* «игумен провинциального монастыря» [Алексеев, с. 150–153]. Не «случайны» в этом перечислении лишь средневековые стереотипы преследования врагов, обвиняемых в еретическом поведении, но прямое следование этим стереотипам едва ли позволит понять смысл еретических движений. Клятва Ивана III вовсе не была «неортодоксальной», ибо он клялся не тварью, а Творцом.

Пolemика по поводу «неортодоксальной» клятвы продолжается, и Б. А. Успенский указал вероятный иудейский (Тора) источник словосочетания *Бог силный*¹⁵, справедливо отрицая при этом связь самой клятвы с «ересью жидовствующих» – общеизвестен строгий запрет на клятвы именем Всевышнего в иудаизме¹⁶. В Торе сам Моисей, дойдя до Иордана и напоминая евреям о необходимости строгого соблюдения заповедей, не обращается к Творцу, а призывает в свидетели «небо и землю» (Втор 4: 26; ср.: 30: 19; 31: 28; см. также: [Martens]).

¹¹ Ср. клятву, данную королем Альфонсо «всем христианам» в поликонфессиональном Толедо в XII в.: «Клянусь именем Бога всемогущего, творца небес и земли, Сына его Иисуса Христа» и т. д. [Попова, с. 152].

¹² Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 168.

¹³ Этот последний представитель аморийской династии был избран мишенью для изобличений в кощунственном поведении, в том числе в пародировании церковного священнодействия с избранием псевдоиерархов и даже псевдопатриарха: в этих «карнавальных» действиях обвинялся противниками и патриарх Фотий, возведенный на престол Михаилом (см.: [Тамаркина]).

¹⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. С. 25.

¹⁵ К «Богу сильному» обращена (после войны с Литвой) молитва князя Владимира Васильковича в Ипатьевской летописи (под 1276 г.) (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 875). На «бессмертного Бога силу» ссылаются в ярлыках и орынские ханы (Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. С. 469).

¹⁶ Клятва на Торе разрешалась иудею в исключительном случае, в присутствии высшего феодального сюзерена (см. о присутствии австрийского герцога: [Marcus, p. 34]).

В связи с летописной клятвой, естественно, речь может идти о книжной конструкции, а не о «протокольной записи» клятвы Ивана III: Б. А. Успенский склонен при этом подозревать монаха-летописца в оппозиционных по отношению к князю настроениях¹⁷ (естественных после клятвопреступной расправы Ивана с братом). Вместе с тем получается, что *ложная* клятва, сконструированная летописцем, как бы избавляла князя от обвинения в клятвопреступлении (конструкция оказывалась «прокняжеской»). Собственно *библейский* контекст первого упоминания Творца неба и земли позволяет иначе домысливать ситуацию междукняжеских конфликтов. 14-я глава Книги Бытия повествует о войне четырех ханаанских царей против пяти и захвате в плен сродника Аврама Лота; Аврам отбивает в ночном походе Лота и его имущество; Мелхиседек, «священник Бога всевышнего», признает, что «благословен Аврам от Бога всевышнего, Владыки неба и земли; И благословен Бог всевышний, который *предал врагов твоих в руки твои*» (Быт 14: 19–20)¹⁸. Трудно сказать, насколько летописец мог учитывать этот контекст...

Межконфессиональные отношения и конфликты в Средние века требовали особых процедур их разрешения. Предполагают, что византийская традиция клятвы иудея (*more judaico*) восходит к римскому праву и воздействовала на западноевропейскую традицию: участвующий в судебном разбирательстве еврей «должен надеть терновый венец и взять в руки царственный свиток [Тору]. Потом он должен сказать следующее: “Во имя Господа благословенного, Бога отцов наших, *который сотворил небо и землю* и вывел нас на сушу через Чермное море, я не лгу. Если обнаружится, что я лжесвидетельствую, пусть Господь Бог поразит меня проказой Гехазии и Наамана и наказанием Илии-пророка; пусть разверзнется земля и поглотит меня заживо”». Такая клятва зафиксирована в Германии (Франкфурт-на-Майне, 1392 г.)¹⁹. Во Франции с конца XIV в. «иудейским судьей» (*judex Judeorum*) считался парижский прево. Свою правоту евреи подтверждали клятвой «по своему праву, положив руку на голову», но текст клятвы воспроизводил обычное библейское благословение (браха): «Клянусь тебе истинным Богом, Богом Авраама, Исаака и Иакова, [Тем], Кто *создал небо и землю*, и Его священным законом...» [Тогоева, с. 232–233]²⁰. Повторю, что этот текст на *правовом* поле выступал как конфессионально нейтральный. Наконец, в завершение средневековой эпохи в Восточной Европе, когда связи между еврейским и славянским населением стали обыденными, появились тексты, отражающие еврейско-славянское этнокультурное взаимодействие: сохранились фрагменты славянских заговоров в древнееврейской транскрипции, изгоняющие болезнь именем Бога – «боскім імям што *небо і земля* ізтварил» [Петровский-Штерн, с. 461].

Клятва Ивана III «небом, землей и Богом сильным», традиционно вызывающая «еретические» и неортодоксальные ассоциации (в контексте преследования «ереси жидовствующих»), представляется не просто библейским топосом (ср. цитированное Быт 14: 19–20), а распространенным в средневековой Европе способом создать приемлемое для конфликтующих сторон конфессионально нейтральное правовое поле с целью достижения юридически значимого соглашения.

¹⁷ Я. С. Лурье считал, что Софийская II летопись основывалась на неофициальной монастырской традиции [Лурье, с. 60]. Обращение к *Богу сильному* известно и врачевальным молитвам в рукописном Требнике (Алмазов А. И. Врачевальные молитвы. К материалам и исследованиям по истории рукописного русского Требника. С. 106).

¹⁸ См. об образе Мелхиседека в византийской традиции: [Дагрон, с. 233 и след.].

¹⁹ 55-я новелла Мануила Комнина (1148 г.), цит. по: [Барон, с. 194–195]. Ср.: [Markus, p. 56–57]. Давшего ложную клятву именем Господа Саваофа должна была поглотить земля (The Jews in the Legal Sources of the Early Middle Ages / Ed. A. Linder. Detroit; Jerusalem, 1997. P. 168–170).

²⁰ Распространенный библеизм «Бог отцов» заменен здесь именами праотцев Авраама, Исаака и Иакова; в российской историографии после работы В. А. Комаровича [Комарович] распространилось курьезное представление о том, что в летописях библеизм «Бог отцов» относится к княжескому роду и свидетельствует о некоем дохристианском культе рода. Иное дело – формуляр ярлыков ордынских ханов («Бесмертного бога силою и величеством *и дед и прадед* (курсив мой. – В. П.) Бердебеково слово...» (Памятники русского права. Вып. 3. С. 469), где отсылка к генеалогии демонстрирует «царское» (Чингизидово) происхождение хана.

Литература

- Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в. М., 2012. 560 с.
- Астахов М. А. Клятвы в дипломатических отношениях Арагонской короны и Гранадского эмирата в XIV–XV вв. // *Одиссей*. 2015–2016. М., 2017. С. 49–64.
- Барон С. У. Социальная и религиозная история евреев. М., 2014. Т. 3. Раннее средневековье (500–1200): наследники Рима и Персии. 368 с.
- Белова О. В. Клятва // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М., 1999. Т. 2. С. 512–514.
- Беспалов Р. А. Источник сведений Казанского летописца о молитве хана Улу-Мухаммеда «русскому Богу» накануне белевской битвы 1437 года // *Золотоордынская цивилизация*. Казань, 2008. Вып. 1. С. 142–146.
- Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Пер. с франц. и науч. ред. А. Е. Мусина. СПб., 2010. 480 с.
- Досаев А. С., Кутарев О. В. Жизнеописание Оттона Бамбергского в церковных сочинениях и преданиях. СПб., 2021. 912 с.
- Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. 333 с.
- Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. 286 с.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955. 544 с.
- Комарович В. А. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. // *ТОДРА*. Л., 1960. Т. 16. С. 84–104.
- Лурье Я. С. Летопись Софийская II // *СККДР*. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 60–61.
- Петровский-Штерн Й. Славяно-еврейские контакты в области практической магии и народной медицины на рубеже XVII–XVIII вв. // *История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени*. М., 2010. Т. 1. С. 453–475.
- Петрухин В. Я. Иван III – ересиарх? К спорам о ереси «жидовствующих» // *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской*. М., 2015. Т. 2. С. 158–170.
- Попова Г. А. «Добрые люди», кабальеры, клирики, мосарабы, кастильцы и другие жители кастильских городов // *Городские сообщества Западной Европы в Средние века*. М., 2018. С. 127–154.
- Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. 416 с.
- Смирнов С. Древнерусский духовник. СПб., 1913. 290 с.
- Тамаркина И. В. История о лжепатриархе в царствование Михаила III. Ее источники // *Власть, право, религия: взаимосвязь светского и сакрального в средневековом мире*. М., 2001. С. 42–54.
- Тогоева О. И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006. 331, [2] с.
- Успенский Б. А. Странная клятва Ивана III // *Studi Slavistici*. 2021. Т. 18. № 2. Р. 23–32. DOI 10.36253/Studi_Slavis-10910
- Marcus J. R. The Jew in the Medieval World: a source book. Revised edition by M. Saperstein. Cincinnati, 1999. 570 p.
- Martens J. A. A Second Best Voyage: Judaism and Jesus on Oaths and Vows. PHD Thesis. McMaster University, 1991. 341 p.

References

- Alekseev, A. I. Religioznye dvizheniya na Rusi poslednei treti XIV – nachala XVI v. [Religious Movements in Rus at the Last Third of the 14th – Early 16th Century]. Moscow, 2012. 560 p.
- Astakhov, M. A. Klyatvy v diplomaticheskikh otnosheniyakh Aragonskoi korony i Granadskogo emirata v XIV–XV vv. [Vows in Diplomatic Relations of the Crown of Aragon and the Emirate of Granada in the 14th – 15th Centuries]. In *Odissei*. 2015–2016. Moscow, 2017. Pp. 49–64.
- Baron, S. U. Sotsial'naya i religioznaya istoriya evreev [Social and Religious History of the Jews]. Moscow, 2014. Vol. 3. Rannee srednevekov'e (500–1200): nasledniki Rima i Persii [The Early Middle Ages (500–1200): Heirs of Rome and Persia]. 368 p.
- Belova, O. V. Klyatva [Oath]. In *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow, 1999. Vol. 2. Pp. 512–514.
- Bespalov, R. A. Istochnik svedenii Kazanskogo letopistsa o molitve khana Ulu-Mukhammeda “russskomu Bogu” nakanune belevskoi bitvy 1437 goda [Source of Information of the Kazan Chronicle about the Prayer of Khan Ulu-Muhammad to the “Russian God” on the Eve of the Battle of Belev in 1437]. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. Kazan, 2008. Issue 1. Pp. 142–146.

- Dagron, Zh. Imperator i svyashchennik. Etyud o vizantiiskom "tsezarepapizme" [Emperor and Priest. Study of Byzantine "Caesarepapism"]. Translated from French and scientific editing by A. E. Musin. Saint Petersburg, 2010. 480 p.
- Dosaev, A. S., Kutarev, O. V. Zhizneopisanie Ottona Bambergskogo v tserkovnykh sochineniyakh i predaniyakh [Vitae of Otto of Bamberg in Ecclesiastical Writings and Traditions]. Saint Petersburg, 2021. 912 p.
- Kazakova, N. A., Lur'e, Ya. S. Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV – nachala XVI v. [Antifeudal Heretical Movements in Rus at the 14th – Early 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1955. 544 p.
- Komarovich, V. A. Kul't roda i zemli v knyazheskoi srede XI–XII vv. [The Cult of the Family and the Land in the Princely Environment of the 11th – 12th Centuries]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1960. Vol. 16. Pp. 84–104.
- Lur'e, Ya. S. Letopis' Sofiiskaya II [Chronicle of Sofia II]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1989. Issue 2. Part 2. Pp. 60–61.
- Marcus, J. R. The Jew in the Medieval World: a source book. Revised edition by M. Saperstein. Cincinnati, 1999. 570 p.
- Martens, J. A. A Second Best Voyage: Judaism and Jesus on Oaths and Vows. PHD Thesis. McMaster University, 1991. 341 p.
- Petrovskii-Shtern, I. Slavyano-evreiskie kontakty v oblasti prakticheskoi magii i narodnoi meditsiny na rubezhe XVII–XVIII vv. [Slavic-Jewish Contacts in the Field of Practical Magic and Folk Medicine at the Turn of the 17th – 18th Centuries]. In *Istoriya evreiskogo naroda v Rossii. Ot drevnosti do rannego Novogo vremeni*. Moscow, 2010. Vol. 1. Pp. 453–475.
- Petrukhin, V. Ya. Ivan III – eresiarkh? K sporam o eresi "zhidovstvuyushchikh" [Is Ivan III a Heresiarch? On the Controversy Over the Heresy of the "Judaizers"]. In *Krugi vremen: V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoi*. Moscow, 2015. Vol. 2. Pp. 158–170.
- Popova, G. A. "Dobrye lyudi", kabal'ero, kliriki, mosaraby, kastil'tsy i drugie zhiteli kastil'skikh gorodov ["Good People", Caballeros, Clerics, Mosarabs, Castilians and Other Inhabitants of Castilian Cities]. In *Gorodskie soobshchestva Zapadnoi Evropy v Srednie veka*. Moscow, 2018. Pp. 127–154.
- Sinitsyna, N. V. Tretii Rim: Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii [The Third Rome: The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept]. Moscow, 1998. 416 p.
- Smirnov, S. Drevnerusskii dukhovnik [Old Russian Confessor]. Saint Petersburg, 1913. 290 p.
- Tamarkina, I. V. Istoriya o lzhepatriarkhe v tsarstvovanie Mikhaila III. Ee istochniki [The Story of the False Patriarch in the Reign of Michael III. Its Sources]. In *Vlast', pravo, religiya: vzaimosvyaz' svetskogo i sakral'nogo v srednevekovom mire*. Moscow, 2001. Pp. 42–54.
- Togoeva, O. I. "Istinnaya pravda": yazyki srednevekovogo pravosudiya [The "True Truth": The Languages of Medieval Justice]. Moscow, 2006. 331, [2] p.
- Uspenskii, B. A. Strannaya klyatva Ivana III [The Strange Oath of Ivan III]. In *Studi Slavistici*. 2021. Vol. 18. No. 2. Pp. 23–32. DOI 10.36253/Studi_Slavici-10910
- Zimin, A. A. Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletii (Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii) [Russia at the Turn of the 15th – 16th Centuries (Essays on Socio-Political History)]. Moscow, 1982. 333 p.
- Zimin, A. A. Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya voyna v Rossii XV v. [Vityaz at the Crossroads: Feudal War in Russia in the 15th Century]. Moscow, 1991. 286 p.

Vladimir Ya. Petrukhin

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

"HERETICAL" OATH OF IVAN III AND THE OATH OF A NON-BELIEVER

Ivan III's oath on the "heaven, earth and God the strong", given in 1488, has traditionally evoked "heretical" and unorthodox associations in historiography (in the context of the persecution of the "heresy of the judaizers"). The author sees the oath not just as a biblical topos, but as a way, common in medieval Europe, to create a confessionally neutral legal background acceptable to the conflicting groups in order to reach a legally significant agreement.

Keywords: "heresy of the judaizers", heterodox, oath, Ivan III

С. В. Полехов
РАНХиГС, Москва, Россия. sergey.polekhov@gmail.com

КОРОНАЦИЯ И ДЕЛИМИТАЦИЯ: ОБ ОДНОМ НЕЗАМЕЧЕННОМ АСПЕКТЕ ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ЛИТОВСКОГО КОРОЛЕВСТВА В 1430 г.

В статье анализируются известия о требовании великого князя литовского Витовта провести делимитацию польско-литовской границы на Руси, выдвинутом в связи с подготовкой его коронации и создания Литовского королевства. Показано, что оно было обусловлено характером границы, динамично менявшейся на протяжении предшествующих десятилетий; после смерти Витовта в 1430 г. это привело к обострению пограничных конфликтов на Волыни.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Витовт, Волынь, Коронная Русь, международные отношения, Польское королевство, Свидригайло, Ягайло

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

За ценные замечания, снабжение меня труднодоступной литературой и источниками и помощь в работе с латиноязычными текстами благодарю Д. Антанавичюса, П. Гузовского, В. Н. Михайловского, И. А. Тесленко, А. Шведа и С. Шибковского, а за подготовку карты – С. Н. Темушева.

Когда речь заходит о «коронационной буре» – периоде подготовке коронации Витовта, которая в конечном счете так и не состоялась, – внимание исследователей обычно привлекают польско-литовские взаимоотношения. Однако эти отношения были значительно более многообразными и разноплановыми, чем дискуссии о праве литовского князя короноваться, что находит отражение в новейшей литературе [Полехов, 2021]. Настоящая работа посвящена одной из недооцененных проблем польско-литовских взаимоотношений 1429–1430 гг., которая, однако, заявила о себе сразу же после смерти Витовта и сохраняла актуальность долгие годы.

В середине – конце июня 1430 г., находясь в Молодечне и ожидая коронации, подготовка к которой шла полным ходом [Полехов, 2021, с. 33–35], Витовт отправил обширное послание польской шляхте. В нем великий князь литовский упрекал польского короля Владислава Ягайла в том, что тот сначала согласился на его коронацию, а затем отказался от своих слов, не дал Витовту выступить в поход против гуситов, а сам потворствует им и договаривается с ними против Витовта и Тевтонского ордена. Демонстрируя решимость короноваться, литовский господарь сообщал, что привел своих подданных к присяге и усилил гарнизоны замков, намекая на перспективы войны с Польским королевством. В конце письма Витовт опровергал слухи, будто бы хотел захватить Коронную Русь, а для Ордена добиться Новой Нешавы – польского города, расположенного на левом (куявском) берегу Вислы, прямо напротив орденского Торна, на участке, где ранее стоял орденский замок: «Кроме того, мы слышали, что среди вас распространяется молва, будто мы желали заполучить для себя Русскую землю, а для прусского Ордена крестоносцев – Нешаву и просили многих иных невозможных вещей. Мы просим вашу милость не верить таким досужим вымыслам, ибо их распространяют Шафранцы и доктор [Владислав Оповровский] и иные наши недруги, стремясь сильнее возбудить против нас сообщество королевства Польского»¹.

Долгое время эта фраза выглядела несколько загадочной. Исследователи «коронационной бури» оставили этот пассаж без комментария, в лучшем случае лишь пересказывая его ([Błazarczyk, 1998, s. 124–126; Błazarczyk, 2007, s. 551–552], в этих работах указана литература). Казалось бы, стоит ли всерьез обсуждать претензии Витовта на Коронную Русь в период неслыханного обострения польско-литовских отношений, тем более в тот самый момент, когда ее шляхта признала права королевских сыновей на наследование престола и в марте 1430 г.

была уравнена в правах со шляхтой других земель Польского королевства² [Wilamowski, s. 107–108]? Однако упоминание братьев Шафранцев – канцлера и влоцлавского (куявского) епископа Яна и подкомория краковского и старосты серадзского Петра, а также подканцлера Владислава Оповровского, в которых Витовт видел своих главных недругов в Польском королевстве, равно как и претензий Тевтонского ордена на Новую Нешаву, близ которой располагался построенный вопреки условиям Мельненского «вечного мира» 1422 г. польский замок Дыбов, позволяет думать, что в данном случае, как и во многих других, опровергаемые Витовтом слухи имели под собой какую-то почву. Но какую?

О реальной, но сильно искаженной основе слухов, опровергавшихся Витовтом, позволяет судить перечень его требований к польскому королю, который генеральный прокуратор Тевтонского ордена при папской курии Каспар Вандофен переслал великому магистру Паулу фон Русдорфу в мае или июне 1430 г. из Рима. Этот перечень, присланный из Польши ее представителям при Святом престоле, Вандофен получил от некоего польского священника. Открывается он следующим пунктом: «Во-первых, чтобы господин король установил с ним [Витовтом] границы между землями Литвы, Руси и королевством Польским, дабы его королевство было отделено и отграничено от королевства Польского»³. Далее следовали пять пунктов, касавшихся международных отношений в регионе, и лишь последним, седьмым пунктом значилось: «Также, что в любом случае, угодно было бы это ему [Ягайду] или нет, [Витовт] хочет короноваться и стать королем, ни перед чем не останавливаясь»⁴.

К маю 1430 г. предстоящая коронация и создание Литовского королевства были для Витовта решенным вопросом; оставалось лишь уладить проблемы, связанные с реализацией этого замысла. Одной из них, как показывает приведенный пассаж, было установление четких границ создаваемого Литовского королевства с соседним королевством Польским. Это требование становится более понятным, если вспомнить, что представляло собой к тому времени польско-литовское пограничье, охватывавшее часть Подляшья и Полесья, Волинь и Подолье. Достаточно подробное представление об этом можно составить, обратившись к истории Волини и Подолья в последующий период, когда на них развернулась кровопролитная борьба между Польшей и Литвой⁵.

Борьба Польши и Литвы за волинские замки и волости, разгоревшаяся еще в эпоху войн за волинское наследие с середины XIV в.⁶, вспыхнула с новой силой после смерти Витовта, в 30-е гг. XV в. В качестве ее объектов в источниках фигурируют замки с их волостями: Ратно и Ветлы, которые вместе с принадлежащими к ним селами в верхнем течении Припяти вдавались клином

² Здесь стоит отметить, что лояльность по отношению к королю в рассматриваемый период демонстрировали не только потомки бояр Коронной Руси, но и некие князья, по-видимому, также проживавшие в этом регионе. В качестве свидетелей Ягайловых документов фигурируют князья Митько и Василий – 7 июля 1430 г. в Познани («*feria VI infra octavas Visitationis Marie*» // *Archiwum Państwowe w Poznaniu. Poznań Z 11. K. 83*), один Василий – 21 августа 1430 г. в Енджеевском монастыре («*feria secunda infra octavas Assumptionis Beacissime Marie Virginis gloriose*» // *Biblioteka Uniwersyteku im. Adama Mickiewicza. Rkp. 1609. K. 88v*). За указание этих источников благодарю С. Шибковского.

³ «*Primo, quod dominus rex faciat secum limites inter terras Littwanie, Russie et regnum Polonie, ut regnum suum habeat distinctum et limitatum a regno Polonie*» (Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. Göttingen, 1973. Bd. 4. Hbd. 1 / Bearb. von K. Forstreuter. (Veröffentlichungen der Niedersächsischen Archivverwaltung. H. 32). № 134. S. 178).

⁴ «*Item quod omnino, placeat vel non placeat, vult in regem coronari, non obstantibus quibuscunque*» (Die Berichte der Generalprokuratoren des Deutschen Ordens an der Kurie. Bd. 4. Hbd. 1. № 134. S. 179). Из того же перечня выясняется характер требований Витовта относительно Новой Нешавы, явно подсказанных ему крестоносцами: польский король не должен был обносить город стенами и учреждать там склад купеческих товаров [Jóźwiak, 2015, s. 24–25].

⁵ Оставляю в стороне проблематику польско-литовской границы на Подляшье, которой недавно была посвящена диссертация [Sianko].

⁶ Здесь я понимаю Волинь в широком, «историческом» смысле. К 1430 г. она уже была поделена между Польским королевством, Мазовией и Великим княжеством Литовским, а впоследствии название «Волинь», «Волинская земля» закрепилось за литовской частью изначального региона (ср.: [Halecki, s. 96–102]).

в территорию Великого княжества между литовской частью Волыни и Полесьем, образуя единый массив с коронными владениями – Холмской землей и Любомлем⁷; а также Городло и Лопатин в верхнем течении Буга, примыкающие, соответственно, с севера и с юга к Белзской земле, вместе с которой Ягайло и Ядвига в конце XIV в. пожаловали их мазовецкому князю Семовиту IV [Довнар-Запольский; Halecki, s. 28–33; Świeżawski, s. 90–132; Janeczek, s. 21–34; Полехов, 2015, по указ.; Келембет, с. 150–155]. Разумеется, борьба эта после смерти Витовта возобновилась не на пустом месте, а вытекала из характера польско-литовского пограничья⁸.

Пополнить фонд сведений о нем позволяет неопубликованное послание Ягайла тогдашнему великому князю литовскому своему родному брату Болеславу Свидригайлу от 15 сентября 1431 г. Благодаря тому, что Свидригайло, получив его, переслал его своему союзнику, верховному магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу⁹, оно сохранилось в книге орденской корреспонденции. Отправляя к великому князю очередного посла, король жаловался, что, несмотря на заключенное двумя неделями ранее Чарторыйское перемирие, на границах Польского королевства продолжают происходить пограничные инциденты с участием должностных лиц Великого княжества Литовского и его союзников – крестоносцев и молдаван. Среди прочего король писал брату: «Кроме того, любезнейший брат, нам сообщают, что ваши старосты и урядники вторгаются в волость, называемую Ветлы, на которой мы записали 50 гривен княгине-вдове покойного князя Гурки, а также вступают во владения Ратненской волости, что, как может понять ваша братская милость, открыто ведет к нарушению названного [Чарторыйского] перемирия. ... Также ваши урядники вступают в село Самаровичи¹⁰, которое покойный великий князь, брат наш, двадцать лет назад подарил нам из-за проживающих там охотников, и препятствуют осуществлению повинностей, которые эти охотники ранее обыкновенно несли на нас ...»¹¹.

В борьбе за Ратно и Ветлы польские правящие круги в конечном счете разыграли карту князя Сангушки – третьего сына Федора Ольгердовича, которому эти владения принадлежали в конце XIV в. Но произошло это не сразу: лишь в августе 1433 г. король специальным документом пожаловал Сангушке Ратненскую волость, к тому времени разоренную войной, тогда как Любомль остался королевским городом. Из труда Яна Длугоша известно, что в 1431 г. Ратно входило в королевские владения [Halecki, s. 28–29; Полехов, 2015, с. 336; Келембет, с. 154–155]¹². Как выясняется благодаря приведенному известию, потомкам Федора

⁷ Впрочем, от Холмской земли ратненско-ветельский клин и Любомль были отделены Бугом, который Ягайло в посланиях 1431 г. называл границей владений Польского королевства и Великого княжества Литовского (Codex epistolaris saeculi XV. Cracoviae, 1891. Т. 2 / Ed. A. Lewicki. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 12). № 194. Р. 265; Cracoviae, 1894. Т. 3 / Ed. A. Lewicki. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 14). Appendix. № 6. Р. 505).

⁸ Замок Олеско, расположенный к югу от Лопатина, стал объектом польско-литовской борьбы, по-видимому, лишь после смерти Витовта. В начале 20-х гг. XV в. им вместе с волостью владела княгиня Анна Рынгалла, сестра Витовта, и логично думать, что он наделил ее этими владениями после ее развода с молдавским воеводой Александром Добрым [Tęgowski, s. 230–231; Szyska].

⁹ См. послание Свидригайла Русдорфу от 24 сентября 1431 г.: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv) (далее – GStAPK). Ordensfoliant 14. S. 656–657.

¹⁰ Ныне – с. Самары в Ковельском районе Волынской области Украины. Благодаря И. А. Тесленко за идентификацию этого населенного пункта.

¹¹ «Insuper, frater karissime, datur nobis intelligi, qualiter capitanei et officiales vestri in districtum dictum Wetli, quem ducisse relicte olim ducis Huckonis [!] in quingentis marcis inscripsimus, manum mittant et de possessionibus districtus Rathnensis se eiam intromittant, que, ut intelligere poterit vestra fraternitas, in irritamentum treugarum predictarum tenderent et vergerent manifeste. ... Ceterum de villa Samorowicze, quam olim dux magnus, frater noster, propter venatores in ea existentes ante viginti annos dono dederat, officiales vestri se eiam intromittunt et nituntur nobis servicia alias per eosdem venatores nobis fieri solita inhibere...» (GStAPK. Ordensfoliant 14. S. 659–660). Публикация этого источника подготовлена для «Дипломатического кодекса Свидригайла».

¹² Тем не менее Свидригайло по меньшей мере претендовал на Ратно и Ветлы, на что король жаловался в переписке с ним осенью 1431 г. (Codex epistolaris saeculi XV. Cracoviae, 1891. Т. 2 / Ed. A. Lewicki. (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Т. 12). № 197, 198).

Ольгердовича к 1431 г. не принадлежали и другие части его бывших владений: обращает на себя внимание, что 50 гривен доходов с Ветел были записаны вдове Гурки – второго сына Федора Ольгердовича. Из инвентарей Ратненского староства, сохранившихся начиная с 1500 г., известно, что Самаровичи входили в его состав; не исключено, что это село и ранее было частью Ратненского княжества¹³. Характерно и то, что Самаровичи в Ягайловом письме специально выделены, а не «спрятаны» за упоминанием Ратненской волости как целого. Можно предположить, что польские правящие круги сделали ставку на Сангушку лишь после череды неудач – Луцкой войны, бесплодных переговоров со Свидригайлом и военных действий весны – лета 1433 г.

Примечательно хронологическое указание в письме Ягайла. Заманчиво было бы считать его точным: в таком случае можно было бы думать, что уступка Витовтом волынского села Ягайлу могла быть своеобразным, пусть и несоизмеримым по масштабам, ответом на передачу польским королем в пожизненное владение великого князя литовского в 1411 г. обширного региона – Западного Подолья (с центром в Каменце). Однако приходится признать, что подобные хронологические указания в средневековых источниках не отличаются точностью. С другой стороны, трудно представить себе, чтобы Ягайло внезапно проявил интерес к селу в регионе, который никак нельзя назвать приоритетным для короля. Думается, вопрос о передаче Самаровичей возник в связи с одним из визитов Ягайла на Волынь – скорее всего, осенью 1411 г. или осенью 1415 г. Итинерарий Ягайла для этих периодов известен недостаточно подробно, а маршруты соответствующих поездок его и Витовта совпадают лишь отчасти [Gašiorowski, s. 75, 82–83; Polechow, s. 62–63, 68–69], поэтому неизвестно, проезжали ли они через Ратно; для поездки Ягайла 1411 г. это не исключено, 1415 г. – менее вероятно. Слова об охотничьих повинностях указывают на то, что Самаровичи передавались королю с целью обеспечить добычей тамошних охотников близлежащий замок. Учитывая архаичный характер повинностей сел позднейшей Ратненской волости и расположение Самаровичей, остается думать, что таким замком могло быть лишь Ратно. А это позволяет предполагать, что к моменту передачи Самаровичей польскому королю ратненско-ветельский клин уже находился под его властью. В этой связи примечательно отсутствие упоминания о нем в жалованной грамоте Витовта князю Роману Федоровичу на Кобрин и другие владения, выданной в 1404 г., после смерти Федора Ольгердовича [Келембет, с. 152–155].

Пример Западного Подолья важен здесь в ином отношении – как вариант мирных территориальных изменений на польско-литовском пограничье в начале XV в. Его правомерно поставить в один ряд с королевскими пожалованиями Дорогичинской земли Янушу I и Белзской земли Семовиту IV – в конце XIV в. Как выяснили польские исследователи, эти цессии были продиктованы желанием Ягайла склонить мазовецких князей на свою сторону (в первом случае – явно в противовес Витовту, «отчичу» Дорогичина, в ситуации войны с ним в начале 90-х гг. XIV в.), причем королю приходилось преодолевать недовольство своих советников, а впоследствии территориальные объемы пожалований пересматривались, в том числе с применением военной силы: так, в 1412 или 1413 г. Ягайло передал Витовту из состава Белзской земли Городло, где вскоре состоялся знаменитый польско-литовский съезд, а после 1414 г. под властью великого князя литовского оказался Лопатин; сам король присоединил к Львовской и Холмской землям Польского королевства несколько сел из той же Белзской земли, а Витовт

¹³ Грушевський М. С. Описи Ратенського староства з 1500–1512 рр. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1898. Т. 26. С. 18–19, 35; Архив Юго-Западной России. Киев, 1890. Ч. 7. Т. 2. С. 278–279. Исследователи давно обратили внимание на архаичный характер повинностей с сел Ратненской волости: среди них, в частности, упоминается полудье, восходящее еще к домонгольским временам. О Ратненском княжестве и позднейшей волости см. специальную работу: [Панишко].

постепенно занял Подляшье (этот процесс растянулся более чем на три десятилетия с 90-х гг. XIV в.) [Świeżawski, s. 90–132; Janeczek, s. 21–34; Sianko, s. 68–111, 193–200]. О возможности передачи Западного Подолья Витовту еще 2 июня 1409 г. писал великому магистру Ульриху фон Юнгингену комтур Шветца Генрих фон Плауэн (который сменил его на этой должности чуть более чем через год, после гибели Ульриха в Грюнвальдской битве) со ссылкой на своего информатора, побывавшего в Познани. К сожалению, то место письма, в котором об этом говорится, сильно повреждено, так что читается лишь отрывок фразы: «...там же [в Познани] узнал, что король Польши хочет передать Подолье...»¹⁴. Не вдаваясь в дискуссию о конкретных причинах этого шага¹⁵, отмечу, что он явно назрел: об этом свидетельствует чрезвычайно частая смена королевских старост в регионе. В итоге король передал Западное Подолье Витовту лишь в 1411 г. [Kurtyka, s. 122–125].

Пример Самаровичей показывает, что на польско-литовском пограничье при Ягайле и Витовте имели место уступки не только крупных регионов, но и отдельных сел, совершаемые не в политических, а в хозяйственных целях. Не исключено, что случаев, подобных рассмотренному здесь, известному благодаря счастливому стечению обстоятельств, было больше. Очень похожая история произошла примерно тогда же, около 1413 г., в другой части «большой» (исторической) Волыни – в Белзской земле, где Ягайло отобрал у Семовита IV несколько сел, которые вклинивались во владения мазовецкого Пяста [Świeżawski, s. 122–123; Janeczek, s. 32–33]. Впоследствии о «Витовтовых границах» вспоминали как о некоей идеальной «старине», но современные источники показывают, что в целом польско-литовская граница на Волыни еще не приобрела характер линейной, чему способствовали такие факторы, как исторические судьбы региона и его роль в текущих политических и экономических условиях.

Стоит отметить еще одно обстоятельство. Сущность делимитации и демаркации, то есть определения границ в договоре и реализации соответствующих его положений на местности, была хорошо известна Витовту: как раз накануне «коронационной бури», в 20-е гг. XV в., были установлены границы между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом, причем Витовт принимал в этом некоторое дистанционное участие [Čelkis, p. 133–136, 164–165, 176]. Однако в масштабах Великого княжества Литовского эта процедура была новшеством. В связи с перспективами создания Литовского королевства она напрашивалась на Волыни: литовскому правителю было важно во всех смыслах отделиться от Польского королевства. Таким образом, требование Витовта эпохи «коронационной бури» проливает свет на представления литовских правящих кругов о своем государстве и показывает один из аспектов процесса развития этих представлений.

¹⁴ «... [vo]rnomen dozelbist, wie das der koning tzu Polan di Poddolge welle ingebe[n] ...» (GStAPK. Ordensbriefarchiv. Nr. 1220).

¹⁵ В классическом «Кодексе писем Витовта» Антоний Прохаска поместил лишь пересказ этого источника, передав его содержание весьма неточно (Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae, 1376–1430. № 402). Польский историк С. Юзвяк достаточно подробно излагает содержание письма по подлиннику, но никак не комментирует его «подольскую» часть [Jóźwiak, 2004, s. 49–50, 116–117, 155–156, 186; Jóźwiak, Kwiatkowski, Szweđa, Szybkowski, s. 95–96].

Литература

- Довнар-Запольский М. В. Из истории литовско-польской борьбы за Волынь (договоры 1366 г.). Киев, 1896. (Отдельный оттиск из «Университетских известий»). 13, [1] с.
- Келембет С. Федір Ольгердович, князь кобринський, ратенський та жидачівський // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Київ, 2017. Т. 4. С. 146–170.
- Панишко С. Ратенське князівство // *Київська старовина*. 2001. № 5. С. 140–147.
- Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. 709, [2] с.
- Полехов С. В. Как короновать великого князя? Из истории «коронационной бури» (1429–1430) и инсигний, предназначавшихся для Витовта // *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2021. Kn. 7. P. 9–74. DOI 10.33918/20290705-07001
- Błaszczak G. Burza koronacyjna. Dramatyczny fragment stosunków polsko-litewskich w XV wieku. Poznań, 1998. 186 s.
- Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. Poznań, 2007. T. 2. Od Krewa do Lublina. Cz. 1. 935 s.
- Čelkis T. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Vilnius, 2014. 349 p.
- Gąsiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły, 1386–1434. Wyd. 2, popr. i uzupeł. Warszawa, 2015. (Itineraria Jagiellonów. T. 2). 172, [1] s.
- Halecki O. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915. VI, [2], 315, [1] s.
- Janeček A. Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo bełskie od schyłku XIV do początku XVII w. Warszawa, 1993. 386, [1], 16 s.

Janicki M. A. "I uszkodziłeś króla i wszystką koronę pospólstwa". Compromissum w Koszycach w 1419 roku oraz proces Wojciecha Jastrzębca na zjeździe w Łęczycy w 1420 roku w świetle współczesnego łacińsko-polskiego dokumentu Mikołaja Trąby i relacji Jana Długosza // *Wojciech Jastrzębiec – w służbie monarchii i Kościoła* / Pod red. B. Czwojdrak, F. Kiryka, J. Sperki. Katowice, 2018. S. 107–143.

Józwiak S. Wywiad i kontrwywiad w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. Malbork, 2004. 265, [1] s.

Józwiak S. Nowa Nieszawa (Dybow) naprzeciw Torunia w latach 1423–1460/62 w świetle średniowiecznych źródeł pisanych // *W poszukiwaniu zaginionego miasta. 15 lat badań średniowiecznej lokalizacji Nieszawy: praca zbiorowa* / Pod red. A. Andrzejewskiego i P. Wronieckiego. Łódź, 2015. S. 13–54.

Józwiak S., Kwiatkowski K., Szweda A., Szybkowski S. *Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim w latach 1409–1411*. Malbork, 2010. 846, 1 s.

Kurtyka J. Podole w średniowieczu i okresie nowożytnym: obrotowe przedmurze na pograniczu cywilizacji // Kurtyka J. *Podole w czasach jagiellońskich*. Kraków, 2011. S. 91–160.

Polechow S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430 // *Rocznik Lituanistyczny*. Rok 2019. T. 5. S. 9–120. DOI 10.12775/RL.2019.5.01

Sianko P. Granica mazowiecko-litewska do 1569 roku. Kształtowanie się, rola społeczna. Rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr hab. J. Tęgowskiego. Białystok, 2019. 535 s.

Szyska J. Kształtowanie się podziałów terytorialnych Rusi Czerwonej na przykładzie ziemi lwowskiej // *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. Katowice, 2011. T. 3 (7). S. 120–140.

Świeżawski A. *Ziemia bełska. Zarys dziejów politycznych do roku 1462*. Częstochowa, 1990. 255, [2] s.

Tęgowski J. *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. Poznań; Wrocław, 1999. (Biblioteka genealogiczna. T. 2). 319, [1] s.

Wilamowski M. Powstanie i początki hierarchii urzędów ziemskich województwa ruskiego i Podola. Z dziejów elity politycznej Polski pierwszej połowy XV wieku // *Roczniki Historyczne*. Poznań, 1998. R. LXIV za rok 1998. S. 105–128.

References

Błaszczyk, G. *Burza koronacyjna. Dramatyczny fragment stosunków polsko-litewskich w XV wieku*. Poznań, 1998. 186 s.

Błaszczyk, G. *Dzieje stosunków polsko-litewskich*. Poznań, 2007. T. 2. Od Krewa do Lublina. Cz. 1. 935 s.

Čelkis, T. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje*. Vilnius, 2014. 349 p.

Dovnar-Zapol'skii, M. V. *Iz istorii litovsko-pol'skoi bor'by za Volyn' (dogovory 1366 g.)* [From the History of the Lithuanian-Polish Struggle for Volhynia (Treaties of 1366)]. Kiev, 1896. (Otdel'nyi ottisk iz "Universitetskikh izvestii"). 13, [1] p.

Gąsiorowski, A. *Itinerarium króla Władysława Jagiełły, 1386–1434*. Wyd. 2, popr. i uzup. Warszawa, 2015. (Itineraria Jagiellonów. T. 2). 172, [1] s.

Halecki, O. *Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka*. Kraków, 1915. VI, [2], 315, [1] s.

Janeczek, A. *Osadnictwo pogranicza polsko-ruskiego. Województwo bełskie od schyłku XIV do początku XVII w.* Warszawa, 1993. 386, [1], 16 s.

Janicki, M. A. "I uszkodziłeś króla i wszystką koronę pospólstwa". Compromissum w Koszycach w 1419 roku oraz proces Wojciecha Jastrzębca na zjeździe w Łęczycy w 1420 roku w świetle współczesnego łacińsko-polskiego dokumentu Mikołaja Trąby i relacji Jana Długosza. In *Wojciech Jastrzębiec – w służbie monarchii i Kościoła*. Pod red. B. Czwojdrak, F. Kiryka, J. Sperki. Katowice, 2018. S. 107–143.

Józwiak, S. Wywiad i kontrwywiad w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. Malbork, 2004. 265, [1] s.

Józwiak, S. Nowa Nieszawa (Dybow) naprzeciw Torunia w latach 1423–1460/62 w świetle średniowiecznych źródeł pisanych. In *W poszukiwaniu zaginionego miasta. 15 lat badań średniowiecznej lokalizacji Nieszawy: praca zbiorowa*. Pod red. A. Andrzejewskiego i P. Wronieckiego. Łódź, 2015. S. 13–54.

Józwiak, S., Kwiatkowski, K., Szweda, A., Szybkowski, S. *Wojna Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim w latach 1409–1411*. Malbork, 2010. 846, 1 s.

Kelembet, S. Fedir Ol'gerdovich, knyaz' kobrins'kii, ratens'kii ta zhidachivs'kii [Fyodor Olgerdovich, Prince of Kobrin, Ratno and Zhidachov]. In *Ukraina Lithuanica: studii z istorii Velikogo knyazivstva Litov's'kogo*. Kiev, 2017. Vol. 4. Pp. 146–170.

Kurtyka, J. Podole w średniowieczu i okresie nowożytnym: obrotowe przedmurze na pograniczu cywilizacji. In Kurtyka, J. *Podole w czasach jagiellońskich*. Kraków, 2011. S. 91–160.

Panishko, S. Ratens'ke knyazivstvo [Ratno Principality]. In *Kiivs'ka starovina*. 2001. No. 5. Pp. 140–147.

Polekhov, S. V. Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya voina v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka [Vytautas' Heirs. The Dynastic War in the Grand Duchy of Lithuania in the 1430s]. Moscow, 2015. 709, [2] p.

Polekhov, S. V. Kak koronovat' velikogo knyazya? Iz istorii "koronatsionnoi buri" (1429–1430) i insignii, prednaznachavshikhsya dlya Vitovta [How to Crown a Grand Duke? From the History of the "Coronation Storm" (1429–1430) and the Insignia Intended for Vytautas]. In *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2021. Kn. 7. Pp. 9–74. DOI 10.33918/20290705-07001

Polechow, S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430. In *Rocznik Lituanistyczny*. Rok 2019. T. 5. S. 9–120. DOI 10.12775/RL.2019.5.01

Sianko, P. Granica mazowiecko-litewska do 1569 roku. Kształtowanie się, rola społeczna. Rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr hab. J. Tęgowskiego. Białystok, 2019. 535 s.

Szyska, J. Kształtowanie się podziałów terytorialnych Rusi Czerwonej na przykładzie ziemi lwowskiej. In *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. Katowice, 2011. T. 3 (7). S. 120–140.

Świeżawski, A. Ziemia bełska. Zarys dziejów politycznych do roku 1462. Częstochowa, 1990. 255, [2] s.

Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. (Biblioteka genealogiczna. T. 2). 319, [1] s.

Wilamowski, M. Powstanie i początki hierarchii urzędów ziemskich województwa ruskiego i Podola. Z dziejów elity politycznej Polski pierwszej połowy XV wieku. In *Roczniki Historyczne*. Poznań, 1998. R. LXIV za rok 1998. S. 105–128.

Sergey V. Polekhov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

CORONATION AND DELIMITATION: AN OVERSEEN ASPECT OF THE ATTEMPT TO CREATE THE KINGDOM OF LITHUANIA IN 1430

In the article, the author analyzes the information about the delimitation of the Polish-Lithuanian border in Rus demanded by Grand Duke Vytautas of Lithuania during his attempt to get the crown and to create the Kingdom of Lithuania. It is shown that Vytautas' demand was caused by the character of the border which had been changing for several previous decades – the fact which led to the aggravation of the borderland conflicts in Volhynia after Vytautas' death in 1430.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Vytautas, Volhynia, Crown Ruthenia, international relations, Kingdom of Poland, Śvitrigaila, Jagiello

УДК 94(497) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.019

Д. И. Поливянный

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия. dipol53@mail.ru

«ГОСТЕВЫЕ КНИГИ» ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ПАЛОМНИКОВ НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ XVI–XVII ВВ.

«Гостевыми книгами» в статье названы славянские рукописи с многочисленными записями паломников из православных областей Османской империи на Святую землю в XVI–XVII вв. Они рассматриваются как уникальные источники, позволяющие выявить представления о православном пространстве Османской империи в период ее наивысшего территориального охвата.

Ключевые слова: южные славяне, Османская империя, паломничества, рукописи, глоссы

В научной литературе собран и обобщен богатый материал источников о паломничествах православных южных славян на Святую землю в XVI–XVII вв.¹: изданы сборники записей, оставленных ими на хранившихся в Иерусалиме и созданных на Балканах рукописях² и даны

¹ О средневековых паломничествах южных славян в Иерусалим и оставленных ими письменных свидетельствах см.: [Podskalsky; Света земля].

² Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; [Света земля]; Книга за българските хаджии / Съст. Светла Гюрова, Надя Данова. София, 1995.

палеографические описания наиболее ценных книжных памятников [Гранстрем; Иванова]. В центре внимания данной статьи – комплексы глосс южнославянских паломников того времени в рукописях, находившихся в Иерусалиме и доступных им во время пребывания на Святой земле.

Взаимодействие православных паломников из разных земель, находившихся под властью Порты, на Святой земле – очное и заочное, как в исследуемых записях, – отражало не только особенности их локального и этнического самосознания, но и осмысление ими территории православного пространства, его центров и коммуникаций, особенностей языков и культур населявших его народов. Поэтому в записях помимо фиксации лиц, дат, мест и событий можно найти свидетельства мировоззренческой рефлексии православного пространства в рамках Османской империи в XVI–XVII вв., когда ее территория включала Балканы, Малую Азию и Ближний Восток.

Большинство приводимых ниже записей неоднократно издавались, однако их изучение в рамках каждого кодекса как общего текста, насколько известно автору, не предпринималось. Для целей данной статьи выбраны три книжных памятника, хранящихся в российских библиотеках.

Первая из рукописей – древнерусский перевод Жития св. Саввы Освященного, написанного св. Кириллом Скифопольским (XIII в.). Книга хранилась в лавре св. Саввы в Иерусалиме до 1849 г., когда была подарена посетившему ее известному поэту князю П. А. Вяземскому. Его сын князь П. П. Вяземский передал рукопись Обществу любителей древней письменности, в составе собрания которого она перешла в Государственную публичную библиотеку им. М. А. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека)³.

В книге оставили записи болгарские, сербские, русские и греческие паломники [Помяловский, с. II–III; Гранстрем, с. 26–28]⁴:

1. «Настоящая книга есть святого Саввы болгарское житие святого. Если какой болгарин-христианин придет на поклонение, дай ему, чтобы прочел» (возможно, старшая запись, размещена на обороте верхней доски переплета, по-гречески, дается в переводе П. А. Вяземского);

2. «1737. Пришел я, хаджи Димитраки, в святой Иерусалим, поклонник всеятого и жизнеподательного Гроба [Господня]. Бог да сохранит нас от всякой беды и печали» (Л. 64 об.–65, по-гречески, почерк отличен от № 1, перевод Е. Э. Гранстрем);

3. «Сию книгу прочел я, многогрешный хаджи Никола, раб Божий из Свиштова в лето 1536 месяц январь» (Л. 71 об.)⁵;

4. «Не могу читать, потому что русская (русяишьчина)» (там же, в продолжение предыдущей записи);

5. «Не могу читать, потому что русское (рушько) писание, а было бы сербское, прочел бы» (выше, в продолжение записи русского писца, Ворона);

6. «Сию книгу прочел я, многогрешный иеромонах Парфений Русин, в лето 7136 (1628) месяца мая 30» (Л. 134 об.);

7. «Сия книга русская (роушка), потому не могу ее читать, да простит меня Бог и вы простите, братия» (на том же листе);

³ ОР РНБ. Собрание Общества любителей древней письменности. Q.106 (см. описание: [Гранстрем, с. 27–28]; изд.: [Помяловский]).

⁴ Здесь и далее славянские записи даются в переводе автора, сокращения развернуты, даты переведены в цифры, пунктуация дана по современным правилам, язык умеренно архаизирован.

⁵ Запись № 3 выполнена грубым почерком, дата от Рождества Христова вызывает сомнения. Ее продолжение – запись № 4 – дополнена другим почерком и другими чернилами, по ее образцу еще одним почерком – скорописью XVI–XVII вв. – сделаны записи № 6–7 [Помяловский, с. II–III, приложение л. 5–6, 7, 7 об., 9; Гранстрем, с. 28].

8. «Сия книга русская... (тот же текст тем же почерком, что и выше, до слова «братия». – Д. П.). Если бы мог я хорошо читать сербское письмо, то бы <нрзб> читал, простите, братия, Бог [вас] простит, да простит и того, кто дал мне сию книгу, да простит и того, кто ее писал, Бог да простит и того, кто ее читать будет, Бог да простит всех прежде ушедших и живущих здесь. Бог да простит Исаию старца» (на том же листе).

Развернувшаяся на полях рукописи заочная беседа паломников из разных частей православного мира – греков, русских, болгар, а также сербов, которым в XVI–XVII вв. (до 1636 г.) принадлежала лавра св. Саввы, – объединяет читателей в благоговейном почитании ее основателя. Различия между орфографией древнерусской рукописи и распространенной на Балканах в это время безъюсовой редакции общего книжного языка южных славян, видимо, мешали чтению Жития вслух, но в то же время записи демонстрируют осознание их авторами конфессионального единства православных славянских народов. Один из паломников – Парфений Русин – прямо упоминает свою этническую принадлежность, в XVII в. чаще связанную с Киевской митрополией, чем с Московской патриархией. Очевидна «перекличка» более поздних записей с предшествующими, которые выступают для них образцом, создавая черты общего формуляра.

Второй пример «гостевой книги» – записи на отрывках Триоди XIV в., привезенных из Иерусалима Порфирием Успенским и также хранящихся в РНБ⁶. На л. 1 помещена запись членов русского посольства, посетивших Иерусалим для раздачи милостыни от имени Ивана IV в 1594 г. Остальные записи размещены на обороте л. 1 и принадлежат болгарским (7) и сербским (2) паломникам XVII–XVIII вв.⁷:

1. «В лето 7102 (1594) ноября в 28 день приехали в святой Иерусалим с Москвы от царя с милостыней Трифон Коробейников да Михайло Огарков, а поехали апреля в 7 день и был с ними за провожатого (вотца) подъячий Сыдавной Василиев и сию книгу прочел»;

2. «В лето 7121 (1613) пришел из Герцеговины диакон Варлаам из монастыря Милешево святого Саввы Сербского учителя, и благородного господина моего сподобился видеть в святых местах у дивных чудес»;

3. «В лето 7126 (1618) пришел иеромонах Варлаам от Загорья, из города Врацы, от монастыря св. Троицы, и поклонился святому Гробу Господа Бога нашего и Спаса Иисуса Христа, и исполнил желание свое. И со мной пришли Кульо и Стефан из города Никополя»;

4. «Изволением Отца и поспешением Сына и свершением Святого Духа пришел поп Петко, и брат его Вучо, и Павел в Иерусалим, и поклонились Святому Гробу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и святым его местам от места Этрополе, и исполнили свое желание в лето 7152 [1644], круг солнца 12, луны – 8 и при патриархе [Иерусалимском] кире Феофане»;

5. В лето 7152 (1644) пришел я, иеромонах Афанасий, из Рильского монастыря святого отца Иоанна, иже в Рильской пустыни просиявшего, и поклонился Святому гробу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и исполнил свое желание. И со мной от места...» (не завершено);

6. «Изволением Отца и поспешением Сына и свершением Святого Духа пришли Андрей из Шумена и Петр-башмачник в Иерусалим, и поклонились святому Гробу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и святым местам, и исполнили свое желание. В лето 6203, от Рождества Христова 1695»;

⁶ ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.I.644 (см. описание: [Левшина, с. 133, № 218]. Рукопись оцифрована: URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyy-katalog?ab=AC68D7D5-5694-4C38-A4D3-ADAACCSA5047>).

⁷ Переводы сделаны с электронной копии рукописи на портале РНБ (см. выше, примеч. 6) с учетом публикации К. Ивановой [Иванова, р. 78–79]; пагинация РНБ.

7. «В лето 7239 пришел я, грешный Иоанн из Разлога, из села Горна Драглишта из-под горы Рила близ монастыря святого отца Иоанна Рильского. В то же лето преставился патриарх [Иерусалимский] Хрисанф и поставлен был патриархом Мелетий от Рождества Христова лето 1731. Исполнил свое желание, и поклонился Святому Гробу Господню, и видел Святые места. И со мной был Вылчо Билев сын и Стоян из Банско. И в то же лето султан Махмуд [I] сел на престол».

Три записи помещены на обороте л. 3:

8. «В лето 7154 (1648) я, архиепископ Печский Паисий, приходил, и поклонился Святому Господню Гробу, и исполнил свое желание, и со мной Георгий архидиакон, и поп Гавриил, и из Янева Андрей поп»⁸;

9. «В лето 7203 (1695) я, Палат из Самокова, пришел, и поклонился Святому Господню Гробу, и исполнил желание. И Радивой-пряжечник, и Михаил из Дупницы, и Петр из Костенца, и Ангелат из Пазарджика, и Станоя-башмачник, и Андрей и Петр из Шумена»;

10. «В лето 7203 (1695) пришел Евфимий, иеромонах из монастыря святого отца нашего Иоанна Рильского из пределов Софийских, и поклонился святому и животворящему Гробу Христову и всем святым его местам, и свое желание исполнил. Господи многощедрый, очисти множество грехов моих благодаря Господу Иисусу Христу, сподобившему меня видеть такие чудеса».

В этой «гостевой книге» явно задают тон надписи начала XVII в., которые определяют формуляр остальных, включающий упоминание о месте, откуда прибыли паломники, а в болгарских записях – еще и указания на их профессии. Все сербские записи и три болгарские принадлежат духовным лицам, в том числе первоиерарху сербской церкви Паисию, и содержат указания на монастыри, откуда прибыли паломники.

Наиболее обширную «гостевую книгу» составляют записи конца XVI–XVII в. в сербском Евангелии XIV в., хранившемся в Иерусалиме, вывезенном в Россию А. С. Норовым и впоследствии вошедшем в собрание А. С. Уварова Отдела рукописей ГИМ⁹.

На л. 1 (пагинация ГИМ) после записи болгарского иеромонаха Арсения читается шесть записей сербских паломников:

1. «Дабы знали, что читал сию книгу Арсений, иеромонах из монастыря святого Николая выше града Плевена¹⁰ на реке Дунайской в городе Иерусалиме»;

2. «И еще дабы знали, как приходил монах Йохов от Святой горы поклониться Гробу Господню и Святым местам, родом [с] Черной Горы, то есть Захумья, той земли»;

3. «В лето 7174 (1666), Боже, во имя Твое, дабы знали, когда приходил худой и малоумный Евгений иеромонах от монастыря Хиландара от Святой горы, пришел поклониться Гробу Господню и прочел сие евангелие и тут был проигумен Василий из монастыря Сланац близ Белграда, и поп Михайло из монастыря Раковица с Фрушской горы, и диакон Ефрем»;

4. «Дабы знали, когда пришел Григорий, иеромонах из монастыря Хопово, в град Иерусалим месяца октября в 6 день, на апостола Фому 7178 (1670), и пребывал в Иерусалиме год, 7 месяцев, 8 дней и более, и морила внезапная смерть чума. Увы мне, окаянному, тогда и поклонился Божьему гробу и Святым местам, где и мощи почивают великомученика Феодора Тирона, и был в то лето святой Георгий на Воскресение Христово 7179 (1679)»;

⁸ Запись принадлежит сербскому (Печскому) патриарху Паисию (+ 1648). В память этого паломничества была высечена надпись в монастыре Грачаница: «В лето 7154 ходил в Иерусалим кир Паисий, ушел месяца ок[тября] в 1-й день, а пришел в июне месяце 11-го». В другой записи, возглашающей Паисию многолетие, датами отбытия и прибытия указаны 24 октября и 28 июня, но не названо место прибытия и убытия [Стојановић, с. 153].

⁹ ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 479-1°. Выражаю глубокую благодарность хранителю собрания А. С. Уварова ОР ГИМ Е. В. Ухановой за консультацию по кодикологическим особенностям рукописи.

¹⁰ У М. Н. Тихомирова читается «Вишеград Плдъвена» (Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. С. 300).

5. «В лето 7199 (1691) как приходил иеромонах Исаия из Будимской Краины от монастыря Грабовца¹¹ поклониться Гробу Господню и Святым местам»;

6. «В лето 7173 (1665) как пришли мы в святой град Иерусалим от монастыря, называемого Морача,¹² чернец Афанасий и старец Михаил¹³. Ради великой, Господи, милости Твоей, прости грехи мои, ходил [я] великой ради милости Твоей. И в то же лето проигумен Симеон из монастыря Грабовац пришел в святой Иерусалим. Простите, братия, Бога ради»;

7. «Сие Евангелие Спиридон, иеромонах из монастыря Крушедол с Русской горы от Сремской земли, близ Богом названного града Белграда, на реке Дунае, называемой Тигр в Богоставной книге, и на реке Саве водах, когда приходил на Гроб [Господень] в лето 7183 (1675). Господи, великой ради милости твоей прости грехи мои, ходил великой ради милости твоей».

Записи на л. 96:

8. «Михаил, милостью Божьей митрополит Коласийский и Кратовский, Штипский и Радомирский, придя в святой град Иерусалим, поклонился живоносному Гробу Христову и Святым местам, где Христос во плоти чудеса сотворил. Пришел я с племянником своим иеромонахом Дамаскином и диаконом Никодимом из Российской земли. В лето 7165 (1657), Пасхи христиан марта 29, круг солнца 25, круг луны 2, темелион 25, вруцелето 3»¹⁴;

9. «Писал Евфимий из монастыря Рильского святого отца Иоанна, пустыни жителя, лето 7203 (1695)» (автор тот же, что и в глоссе Триоди из РНБ (см. выше, запись 10)).

На л. 99 – запись по-молдавски (дается в русском переводе):

10. «Смиранный иеромонах Парфений из Богдании (Богдан – османское название Молдовы. – Д. П.) из монастыря Сучевицы Иеремея воеводы¹⁵. В лето Господа 7131 (1623) месяца августа».

На внутренней стороне нижней доски – еще две молдавские записи, тех же Парфения и Афанасия:

11. «Смиранный иеромонах Парфение из монастыря Сучевиц[ы] из Богдана, в лето 7131 (1623), месяца августа 9»;

12. «Смиранный Афанасий иеромонах из Богданской земли из монастыря именуемого Секул».

На пустом обороте л. 229 – запись болгарского паломника тайнописью (расшифровка К. Ивановой):

13. «Савва поп из города Врацы из монастыря Черепиш в лето 7160 (1652) пришел

¹¹ Монастырь свв. Архангелов Михаила и Гавриила в современной Венгрии.

¹² Монастырь Успения Пресвятой Богородицы в Мораче, Черногория.

¹³ Те же паломники оставили запись на последнем листе Псалтыри ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 808-4^о: «Из монастыря Морачи в лето 7173 (1655), дабы знали, как пришел проигумен Афанасий и старец Михаил из монастыря Грабоваца на святое Богоявление Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Помяните и нас, братия, любви ради Христовой» (Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. С. 317).

¹⁴ Запись принадлежит известному сербскому церковному деятелю митрополиту Коласийскому (Кюстендилскому) и Кратовскому Михаилу (Боичичу). По возвращении в Россию 11 декабря 1657 г. митрополит Михаил был расспрошен дьяками Посольского приказа и сообщил, что они «приехали в Иерусалим на первой неделе Великого поста» и до третьей, крестопоклонной недели ходили «в Вифлеем, и в Вифанию, и на Иордан, и на Елейскую гору, и в Гефсиманию, и ко святому Саве Освященному, и в иные святые места для поклонения». Митрополит рассказал, что в воскресенье на крестопоклонной неделе сослужил литургию с Дорофеем, наместником патриарха Иерусалимского Паисия (1645–1660 гг.), «в великой церкви Воскресения Христова» в отсутствие предстоятеля, пребывавшего в Константинополе. На Пасху Михаилу после участия в крестном ходе вокруг Гроба Господня, однако, было отказано в присутствии при нисхождении Благодатного огня, несмотря на «почесть немалую», которую митрополит предварительно вручил туркам. Михаил возжег свечу от огня, вынесенного наместником, но не почувствовал его отличий от обыкновенного: «Митрополит де Михаил того огня испытывал, и от него де жар, и палил так же, как и от прочего вещественного огня» (Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Белград; М., 2009. Т. 1. Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. С. 292–294).

¹⁵ Молдавский господарь Иеремия Мовила (1595–1606), восстановивший монастырь Сучевица.

с Маврудием поклониться Святому гробу Господню, и Стефан пришел с Синая, он был из Тетевена, из монастыря Киево. Сие Евангелие святого архангела [Михаила]»¹⁶.

Особняком стоит наиболее объемная и интересная в плане нашей темы запись на листе, приклеенном на обороте верхней доски переплета:

14. «Лета 7... (дата заклеена экслибрисом, но известна по другим источникам – 7190 (1682). – Д. П.) апреля дня 26 пришла сюда Домна Илиника Валашского бега мать с сыном своим Михаилом Спатаром и с дочерью своею Станкою и с ними пришел Янко Булюкбаша с десятью сейменами, а с Домной было 40 человек с сейменами и со всей свитой... И все сеймены в зеленых одеждах пришли».

Далее следуют подписи, выполненные, как и предыдущая запись, одной и той же рукой:

«+ И писал это Гаврил Хмельницки, язаджия сейменский из Ляшской земли из Львова града.

+ [Янко] Булюкбаша из Сегедина града.

+ Радойца Чауш из Нови Пазара.

+ Владислав из Араца града.

+ Георгий из Выршицы.

+ Арнаут Христо из Горци.

+ Томо из Приморья.

+ Драгно из Тырново.

+ Петро из Сарая.

+ Филип из Белиграда».

Отдельно записаны еще двое:

«+ Татар Худаверди из Буджака.

+ Ибрахим бешлия бегов»¹⁷.

Эта запись заслуживает отдельного комментария. «Домна Илиника» – это Элина Кантакузино (1610–1687)¹⁸, дочь валашского господаря Раду Х Щербана (1601–1610, 1611 гг.) и мать правившего во время ее паломничества в Валахии «Валашского бега» Шербана I Кантакузино (1678–1688 гг.). Элина с детьми и свитой прибыла в Иерусалим накануне Пасхи 1682 г., пришедшейся на 28 апреля. В Архангельском монастыре, где хранилось Евангелие, один из сопровождавших ее сейменов – Гавриил Хмельницкий из Львова – составил приведенную выше запись, под которой «подписались» и другие участники процессии, въехавшей в Иерусалим в апреле 1682 г. Наряду с «подписями» христиан на листе помечены крестами имена двух мусульман из свиты Элины – татарина Худаверды из Буджака и Ибрахима, «бешлии бегова», то есть служившего Шербану I конника, скорее всего, из Крымского ханства. Обращает на себя внимание, что запись сделана не духовным лицом из свиты Элины (таковые здесь вообще не упоминаются), а профессиональным писарем (язаджи) на отдельном листе, затем подклеенном к рукописи, где уже содержались «гостевые» записи православных паломников.

Десятка сейменов, сопровождавших валашскую аристократку, могла быть профессиональной вооруженной охраной для знатных паломников к Святым местам. Их зеленая униформа, особо упомянутая в глоссе, могла подчеркивать привилегированное положение этого отряда. Осознание этого просматривается и в характере записи, где сейменам уделено внимание гораздо большее, чем валашской аристократии, и в игнорировании сопровождавших ее духовных лиц. Сеймены представляли православное население подвластных османам областей.

¹⁶ То есть иерусалимского Архангельского монастыря.

¹⁷ Издания записи: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. С. 299–300; [Иванова, р. 70].

¹⁸ Приношу искреннюю благодарность доктору Алисе Изабелле Салливен за помощь в идентификации «Домны Илиники» и указание на новейшую публикацию о ней [Barbu].

За именем Гавриила Хмельницкого следуют начинающиеся с крестного знамения «подписи» остальных: бюлюкбаши (командира отряда) Янко из Сегеда, в 1682 г. еще находившегося под османской властью, и его заместителя-чауша Радойцы из Нови Пазара, Владислава из Араца (возможно, Арада в Трансильвании), Георгия из Вршицы (Вршаца в Банате), албанца Христо из Горци (Корчи), Томо из Преморья (вероятно, Хорватского Приморья), Драгно из Тырново, Петра из Сарая (Сараева в Босне) и Филиппа из Белграда (скорее всего, дунайского).

Это перечисление, как и сама свита Элины Кантакузино, – одна из самых представительных репрезентаций православных земель, находившихся под властью Ближневосточной Порты в период ее высшего могущества накануне сокрушительного поражения в «Великой войне» 1683–1699 гг. Вкупе с остальными записями она составляет сложный текст и, не переключаясь с ними непосредственно, как бы подводит итоги эпохи, когда практически все православные земли Центральной и Юго-Восточной Европы замыкались в границах Османской империи, имея столицей крупнейший центр православия – Константинополь.

Литература

- Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаментных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавляхские, сербские. Л., 1953. 131 с.
- Иванова К. Из истории славянской письменности на Святой земле // *Jews and Slavs. The Holy Land and the Manuscript Legacy of Slavs*. Jerusalem; Sofia, 2008. Vol. 20. P. 60–86.
- Левшина Ж. Л. Рукописи сербского правописания Российской национальной библиотеки. Каталог. СПб., 2021. 334 с.
- Помяловский И. В. Житие св. Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе: По рукописи Императорского Общества любителей древней письменности, с присоединением греческого подлинника и введением. СПб., 1890. [8], CXLVI, 588 с., 9 л. факс.
- Света земља у српској књижевности од XIII до краја XVIII века / Приредио и на савремени српски пренео Томислав Јовановић. Београд, 2007. 297 с.
- Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи. Сремски Карловци, 1923. Књ. 4. 227 с.
- Barbu V. Elina Cantacuzino: Doamna „prea frumoasă la suflet și la trup” // *Grădina rozelor: femei din Moldova, Țara Românească și Transilvania: (sec. XVII–XIX)*. București, 2015. P. 97–148.
- Podskalsky G. Die Jerusalemwallfahrt in der bulgarischen und serbischen Literatur des Mittelalters // *Byzantinolavica*. 1995. Bd. 56. № 3. S. 679–686.

References

- Barbu, V. Elina Cantacuzino: Doamna „prea frumoasă la suflet și la trup”. In *Grădina rozelor: femei din Moldova, Țara Românească și Transilvania: (sec. XVII–XIX)*. București, 2015. P. 97–148.
- Granstrem, E. E. Opisanie russkikh i slavyanskikh pergamentnykh rukopisei. Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlahiiskie, serbskie [Description of Russian and Slavic Parchment Manuscripts. Russian, Bulgarian, Moldovan, Serbian Manuscripts]. Leningrad, 1953. 131 p.
- Ivanova, K. Iz istorii slavyanskoi pis'mennosti na Svyatoi zemle [From the History of Slavic Writing in the Holy Land]. In *Jews and Slavs. The Holy Land and the Manuscript Legacy of Slavs*. Jerusalem; Sofia, 2008. Vol. 20. Pp. 60–86.
- Levshina, Zh. L. Rukopisi serbskogo pravopisaniya Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. Katalog [Manuscripts of Serbian Spelling of the Russian National Library]. Saint Petersburg, 2021. 334 p.
- Podskalsky, G. Die Jerusalemwallfahrt in der bulgarischen und serbischen Literatur des Mittelalters. In *Byzantinolavica*. 1995. Bd. 56. № 3. S. 679–686.
- Pomyalovskii, I. V. Zhitie sv. Savy Osvyashchennogo, sostavlennoe sv. Kirillom Skifopol'skim v drevne-russkom perevode: Po rukopisi Imperatorskogo Obshchestva lyubitelei drevnei pis'mennosti, s prisoedineniem grecheskogo podlinnika i vvedeniem [The Life of St. Sava the Consecrated, Compiled by St. Cyril of Scythopolis in the Old Russian Translation: According to the Manuscript of the Imperial Society of Lovers

of Old Writing, with the Addition of the Greek Original and the Introduction]. Saint Petersburg, 1890. [8], CXLVI, 588 p., 9 l. of facs.

Stoyanovich, L. Stari srpski zapisi i natpisi [Old Serbian Records and Inscriptions]. Sremski Karlovtsi, 1923. Book 4. 227 p.

Sveta zemlja u srpskoj književnosti od XIII do kraja XVIII veka [The Holy Land in Serbian Literature from the 13th to the End of the 18th Century]. Edited and translated into contemporary Serbian by Tomislav Jovanovich. Beograd, 2007. 297 p.

Dmitry I. Polyvyanny
Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

“GUESTBOOKS” BY THE SOUTHERN SLAV PILGRIMS TO THE HOLY LAND
IN THE 16th – 17th CENTURIES

In the article, “guestbooks” mean Slavonic manuscripts with numerous marginalia left by the pilgrims to the Holy Land from the Orthodox provinces of the Ottoman Empire in the 16th – 17th centuries. They are considered as unique sources which allow to identify their views of the Orthodox area within the Ottoman Empire in the period of its maximal territorial reach.

Keywords: Southern Slavs, Ottoman Empire, pilgrimage, manuscripts, glosses

УДК 94(47):94(376)«1667»:355.40 DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.020

П. И. Прудовский
РГАДА, Москва, Россия. hypolimnion@gmail.com

**РУССКАЯ АГЕНТУРА В ЛИТВЕ
ПОСЛЕ АНДРУСОВСКОГО ПЕРЕМИРИЯ (1667–1669 гг.)**

В условиях, когда после окончания войны 1654–1667 гг. часть Великого княжества Литовского вернулась из-под русской власти в Речь Посполитую, а часть – перешла под окончательную власть России (Смоленское воеводство), между населением обеих частей сохранялись тесные связи. Русское правительство пыталось использовать эти связи для получения разведывательной информации о внутриполитическом состоянии и внешнеполитическом положении Речи Посполитой. В статье изучены механизмы поступления такой информации и персональный состав агентов, поставивших ее в Россию.

Ключевые слова: Россия в XVII в., Великое княжество Литовское, разведка, шпионаж, Андрусовское перемирие, смоленская шляхта

Культурное и политическое взаимодействие восточнославянских народов, образовавшихся в результате дивергенции древнерусского этноса, западная часть которого после XIII в. попала под власть государственных образований иной политической и религиозной традиции, является одной из центральных проблем, решению которых долгие годы посвящает свои силы Борис Николаевич Флоря (не место останавливаться здесь на уроке, который эти процессы могут преподать нам сегодня). Хотя русско-украинские контакты занимают несколько большее место в трудах ученого в силу того, что украинские политические силы и образования в XVI–XVII вв., как правило, были самостоятельнее, чем восточнославянский ареал Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), с точки зрения взаимодействия социальных групп и традиций белорусский материал середины XVII в., привлеченный Б. Н. Флорей в ряде монографий и статей, также представляет немалый интерес. В отличие от «черкасских» земель, значительная часть белорусских территорий в середине XVII в. в течение почти полутора

десятилетий находилась под прямым управлением российской администрации. Пытаясь закрепиться на завоеванных в ходе кампаний 1654–1655 гг. землях ВКЛ, русское правительство проводило политику привлечения военно-служилых слоев на царскую службу, обеспечивая их земельными и денежными пожалованиями и подтверждением прежних сословных привилегий. Результатом этой политики стало постепенное формирование слоев лояльных к московскому правительству шляхты, казаков, горожан и др., из которых рекрутировались контингенты для целого ряда воинских подразделений, вошедших в состав русской армии [Курбатов]. После завершения войны из всех территорий ВКЛ под русской властью осталось лишь Смоленское воеводство, сохранившее самоуправляющуюся военно-служилую корпорацию смоленской шляхты, продолжавшую поддерживать традиции Речи Посполитой, и смоленское мещанство, не утратившее связей с польско-литовскими землями. Таким образом, масштабный интеграционный проект по включению значительной части ВКЛ в состав Русского государства ограничился в итоге территорией русских земель, находившихся под литовской властью в 1618–1654 гг. В настоящей статье мы рассмотрим последствия этих интеграционных усилий в аспекте информационных связей между московским правительством и его недавними подданными, вернувшимися в политическое тело Речи Посполитой после заключения Андрусовского перемирия 1667 г.

Хотя в литературе в последнее время наблюдается определенный рост интереса к проблематике разведки и шпионажа в России раннего Нового времени, она рассматривается преимущественно в контексте путей и методов получения правительством и его агентами информации о внешнем мире. Изучению подвергаются в основном отдельные контакты с заграничными поставщиками сведений [Шамин, с. 74–98; Waugh, Maier] или отдельные посылки с разведывательными целями [Аваков]. Известно о работе добровольных осведомителей в Варшаве в конце 1630-х – 1640-х гг. [Флоря, 2004] и о деятельности информаторов русских властей в конце 1620-х – начале 1630-х гг. на территории Черниговского воеводства [Ракитин]. Целые агентурные сети становились предметом изучения лишь для более позднего времени, когда в 1680-е гг. зафиксирована система тайной передачи информации из Литвы в Московское государство. Ключевую роль в ней играл смоленский шляхтич Назарий Краевский, регулярно получавший сведения о польско-литовских делах от своих постоянных корреспондентов из-за рубежа [Кочегаров, с. 50–57]. Материал, приведенный в настоящей статье, показывает начальный этап складывания этой системы. В предмет нашего рассмотрения не входят контакты русского правительства с высшими дигнитариями Польско-Литовского государства, которые нередко раскрывали конфиденциальную информацию, руководствуясь, однако, собственными политическими мотивами и не являясь агентами российского влияния [Флоря, 2013, с. 405, 413–414; Флоря, 2015; Флоря, 2018].

Во время войны было два основных пути получения информации: расспросы пленных («языков») и своих выходцев из плена. В обоих случаях в распоряжение властей попадал довольно широкий круг сведений от политических новостей до диспозиции войск противника. В условиях ВКЛ существовал и третий. Проявляя лояльность к русской власти, представители разных слоев литовского общества время от времени поставляли сведения о происшествиях в Речи Посполитой. Так, разнообразные вести сообщали князь С. Лукомский в 1657 г., полковник И. Лозовский в 1658 г., представители православного и католического духовенства, шляхты, мещан и крестьян¹. Получение сведений лояльными к России представителями литовского общества облегчалось их этнокультурной близостью к противнику. Так, смоленский шляхтич

¹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей – (коллекция) из фондов Боярской думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. 1657 г. № 1. Л. 132–133; 1658 г. № 1. Л. 1–9, 31–33; 1659 г. № 1. Л. 63–67, 73, 236–239, 343–345; 1661 г. № 1. Л. 43–45; № 2. Л. 202–203; № 4. Л. 34–37.

Я. Оловенецкий в 1657 г. предложил направиться в Чаусы и вызнать у своих родственников вести, про которые те будут говорить с ним, «не опасаясь»².

С установлением мира первые два пути получения непубличной информации постепенно теряют актуальность. Традиционный способ разведки, применявшийся в мирное время, состоял в том, что воеводы пограничных городов посылали за рубеж лазутчиков для прове́дывания вестей. В рассматриваемый период правительство продолжало считать этот способ основным и предписывало воеводам «почасту» посылать людей за границу для сбора сведений³. В конце 1668 г. Посольский приказ уже конкретно определяет контингент для такого прове́дывания – это смоленская шляхта⁴. Предполагалось и более широкое использование контактов местного населения. Так, воевода князь И. А. Хованский велел смоленской шляхте и мещанам выве́дывать вести у приезжающих из-за рубежа родственников⁵. Указная грамота Посольского приказа 1669 г. повелевала воеводам призывать смоленскую шляхту и мещан «почасту» и про «зарубежские тамошние вести» их расспрашивать⁶. Спустя месяц было выпущено новое предписание активизировать работу по получению вестей из-за рубежа⁷. Таким образом, как и во время войны, основным контингентом, от которого ожидалась поставка сведений, оставались жители – теперь уже бывшие – ВКЛ.

В переписке смоленских воевод с Посольским приказом сохранились сведения о том, кем были люди, занимавшиеся добычей информации для русского правительства. Активнее всего связь с заграницей осуществлялась через смоленского шляхтича Осипа Богдановича. Первоначально он имел имение в Оршанском повете, но до 1658 г. выехал «на царское имя», получил пожалования в Смоленском и Дорогобужском уездах и служил со смоленской шляхтой [Шпиленко, с. 109–114]. В 1668–1669 гг. он регулярно получал вестовые письма из Речи Посполитой и два раза сам ездил за границу: сначала якобы для сыска беглых, а затем уже по официальному поручению воеводы для прове́дывания вестей⁸. Сильной стороной Богдановича в этом деле было наличие в Литве нескольких братьев: Федора в Шклове и Михаила в Вильне; кроме того, упоминается некий Андрей Богданович. В указанные годы Федор Богданович прислал брату Осипу по меньшей мере три письма, которые тот объявил смоленским воеводам⁹. Известно письмо Михаила Федору с новостями из Польши, переправленное последним Осипу; кроме того, Михаил приехал к Федору с сообщением о сейме в Варшаве, на котором присутствовал; в 1669 г. он навестил брата Осипа в его деревне, где передал ему еще одно вестовое письмо¹⁰.

Другим связным такого же рода источники рисуют смоленского шляхтича Самуила Дятельского. Известна одна его поездка для прове́дывания вестей в Вильну и две – в Варшаву, в том числе на сейм. Все поездки проходили по поручению смоленских воевод, но упоминается и его собственное желание. По его словам, он получал различные сведения от примаса М. Пражмовского, одного из Сапег и князя С. Лукомского – лиц очень высокопоставленных¹¹.

Имеются сведения о еще четырех посылках для сбора информации: смоленского шляхтича Александра Романовского, поездка которого в Оршу, в отличие от предыдущих,

² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1657 г. № 1. Л. 76–83.

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 115 (май).

⁴ Там же. Л. 342 (28 октября).

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1669 г. № 1. Л. 116 (15 июля).

⁶ Там же. Л. 120–121 (29 июля).

⁷ Там же. Л. 122 (23 августа).

⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 38–40, 42, 171, 303–314, 329–331, 378–383, 385–389; 1669 г. № 1. Л. 54–59.

⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 70–76, 303, 329.

¹⁰ Там же. Л. 75–76, 306; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1669 г. № 1. Л. 54–59.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1667 г. № 1. Л. 140–143; 1668 г. № 1. Л. 66–69, 300–302.

названа тайной¹²; смоленских мещан Михаила Кушнера, посланного в Мстиславль¹³, и Кузьмы Филиппова, ездившего в Могилев¹⁴; наконец, невелицкого стрельца Ивана Патрина в Полоцк, где у него жил тесть – райца¹⁵. Места назначения определялись, очевидно, имеющимися у посыльщиков связями с литовской стороной.

Подобно Осипу Богдановичу, многие смоленские жители поддерживали контакты с родственниками и знакомыми в Литве, однако сами туда не ездили. Отставной ротмистр смоленской шляхты Данило Гурко специально приехал в Смоленск из поместья летом 1668 г., чтобы доложить властям известия о грядущем бескорольеве в Речи Посполитой, полученные от «свойственных ближних людей в Польше»¹⁶. Полковник Денис Швейковский рассказал воеводам о приезде к нему брата Юрия, служившего в литовской войске, с вестями об избрании королем Михаила Вишневецкого. Кроме того, Д. Швейковский совершил поездку «за Мигновичи» (пограничный пункт), где встречался с шляхтичем из литовской армии Станиславом Гланишевским, от которого узнал новости о событиях в Польше после элекции¹⁷. Смоленские мещане также получали политические известия от своих родственников или торговых партнеров. Таковы Артем Жуков, которого навещил тесть – мстиславский шляхтич Александр Янов, и Иван Скоков, узнавший от своего приятеля о планах, якобы вынашиваемых в Литве, возобновить войну с Россией¹⁸.

Таковы были усилия русской стороны по разведыванию информации о положении за «литовским рубежом». В то же время некоторые представители литовского общества, по-видимому, по собственной инициативе также контактировали с представителями русской власти именно с целью предоставить им такие сведения. Некоторые из них были частными лицами. Оршанский шляхтич Михаил Неклюд, в начале 1668 г. служивший приставом при русском посольстве И. П. Акинфова, в июне прислал письмо смоленскому воеводе, к которому приложил вестовые письма (см.: [Флоря, 2013, с. 404–405]). Отметим, что дальнейшую переписку Неклюд предлагал маскировать: якобы письма из России приходят к нему от смоленских шляхтичей Денисовича и Краевского, видимо, вышеупомянутого Назария, который, таким образом, уже участвовал в переправке информации через границу¹⁹.

Бывший смоленский шляхтич Павел Сливовский, в восстание 1658 г. примкнувший к мятежникам и сосланный в Сибирь, а по Андрусовскому договору отпущенный и выехавший в Литву [Курбатов, Прудовский, с. 254–255, примеч.²⁰], в июле 1668 г. приехал в Смоленск. «Помня крестное целованье», он подал два письма: одно смоленскому воеводе с вестями и предложением осведомлять о грядущем сейме, а второе, тайное, с выписками из переписки сенаторов со своими воеводствами, причем просил второе не переводить в Смоленске, чтобы никто там не узнал о его роли осведомителя²¹. По меньшей мере два вестовых письма прислал находившийся «при милости гетманской» (то есть, видимо, при М. Паце) бывший послужилец князя Я. К. Черкасского Федор Юрьев, в которых сообщал о предвыборной ситуации во время бескорольев²².

Другой группой поставщиков информации были литовские официальные лица и магнатские слуги и урядники. Оршанский бурмистр Иван Сухорепко сообщил вести рейтару

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1669 г. № 1. Л. 26–27.

¹³ Там же. Л. 123, 128–131.

¹⁴ Там же. Л. 149–151.

¹⁵ Там же. Л. 113–114а.

¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 207–209.

¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1669 г. № 1. Л. 116, 132–134.

¹⁸ Там же. Л. 116, 123.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 128, 132–139.

²⁰ Автор примечания – Д. П. Шпиленко.

²¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 210–223.

²² Там же. Л. 344–346, 353.

Луке Ларионову, посещавшему упомянутого выше Федора Богдановича также для получения польских известий²³. Могилевский подстароста и комендант Данило Карковский посылал майору Ивану Отрепьеву, пограничному заставному голове в Мигновичах, советное письмо с новостями из Польши и с Украины. Александр Венславский, королевский дворянин, которому была приказана пересылка почты в пограничном Кадине, переслал Отрепьеву письмо Карковского и присылал другую корреспонденцию на русскую сторону²⁴. Венславского в Кадине сменил Августин Константинович (о нем и его дальнейшей карьере осведомителя см.: [Кочегаров, с. 52–54]), который не только сообщал в Смоленск новости, но и высказывал настоятельное пожелание встретиться с воеводой князем И. Б. Репниным²⁵. Наконец, кричевский шляхтич Иван Прокопович, писарь М. Паца, прислал в апреле 1669 г. анонимное письмо сторонников русской кандидатуры на выборах. При этом соблюдалась строгая конспирация, а крестьянин, который нес его в Рославль, шел «не дорогою и не по деревням», а «лесом малыми тропами»²⁶.

При оценке мотивов информаторов следует учитывать своеобразие политического момента 1668 г. Весной было принято давно назревавшее решение об отречении старого короля Яна-Казимира и фактически началась избирательная кампания. Одной из популярных кандидатур на трон Речи Посполитой стал царевич Алексей Алексеевич, которого поддерживали широкие круги преимущественно литовских шляхты и магнатов, рассчитывавших таким образом вернуть земли, утраченные по Андрусовскому перемирию. Целый ряд их представителей, прежде всего относившихся к группировке литовских магнатов Пацев, вступил в контакт с агентами московского правительства, заявляя о поддержке кандидатуры царевича [Флоря, 2013, с. 403–406, 410–417]. Поэтому, анализируя сообщения о разведывательной сети русского правительства в Литве, необходимо отличать агентуру от подобных окказиональных сторонников русской кандидатуры. В рамках этой политической кампании явно действовали А. Константинович и И. Прокопович, представлявшие Огинских и Пацев. Весьма вероятно, что к ней имели отношение П. Сливовский, для которого реализация этих планов означала бы возвращение владений, утраченных им в Смоленском уезде, М. Неклюд и эмигрант-послужилец Ф. Юрьев.

Из мер поощрения, применявшихся для стимулирования осведомителей, в источниках фигурирует лишь обнадеживание государевой милостью, но оно, видимо, получало и какое-то реальное выражение. По крайней мере, через десятилетие мы застаем уже достаточно устойчивую систему поставок информации через Краевского и Константиновича, получавших немалые пожалования за свою службу.

Вопрос о том, какое воздействие поставляемая агентурой информация оказывала на политику русского правительства, как и состав и содержание этой информации, требует отдельного рассмотрения. Здесь можно лишь сказать, что поставляемые вести регулярно доносились до верховной власти: на ряде выписок с изложением соответствующих сообщений имеются пометы «великому государю чтено и бояром».

В деле передачи информации в соседнее государство подданные Речи Посполитой придерживались разной степени конспирации. Часть почты пересылалась вполне открыто (А. Венславский, Ф. Юрьев). Но некоторые информаторы, видимо, в силу личных обстоятельств или воспринимая свою деятельность как противозаконную или компрометирующую, старались сохранить свои контакты с московскими представителями в тайне. П. Сливовский,

²³ Там же. Л. 112.

²⁴ Там же. Л. 140–142, 171.

²⁵ Там же. Л. 347–352, 355–356.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1669 г. № 1. Л. 65–69, 71–73.

например, просил, чтобы от воевод к нему никто не приходил, во избежание утечек через его челядников. Ф. Богданович также просил не присылать к нему посланцев. М. Шаулин сообщил своему приятелю-смолянину вести «тайным обычаем по дружбе и говорил, чтоб то дело не пронесть»²⁷.

Итак, указания центральных и действия местных властей, направленные на несанкционированное получение известий из-за рубежа, в основном следовали давно установившимся традициям. Новым, хотя и не уникальным, было использование при этом появившегося в ходе войны с Речью Посполитой ресурса – населения, принявшего русское подданство и сохранившего лояльность к России после заключения мира. Вместе с тем определенная эпизодичность рассмотренных контактов и стремление избегать при них огласки показывают, что нормой для восточнославянского населения Литвы оставалась лояльность к Речи Посполитой. В ходе попыток установить регулярную корреспонденцию с зарубежными доброхотами возникает узкий круг лиц, на постоянной основе занимающихся добычей и переправкой через границу информации. Более широк был круг сочувствующих, готовых тайно поставлять сведения время от времени или по запросу. Отметим, что первоочередной целью русских властей было налаживание каналов для получения новостей; более отдаленные цели, например, формирование и поддержка группы своих сторонников в соседнем государстве, не рассматривались и не преследовались. Система добычи разведывательной информации продолжала зависеть в первую очередь от доброй воли ее поставщиков, а также от инициативы пограничных воевод и не имела еще институционального оформления.

Литература

- Аваков П. А. «Превеликой имеют страх от московской военной флоты»: Керченский пролив и русская разведка в начале XVIII века // *Родина*. 2014. № 7. С. 135–138.
- Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. 504 с.
- Курбатов О. А. Неизвестная армия царя Алексея Михайловича: шляхта Великого княжества Литовского на царской службе во время войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. // *Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы Российско-польской научной конференции, 24–26 октября 2012 г.* М., 2016. С. 293–308.
- Курбатов О. А., Прудовский П. И. Шляхта и воинские подразделения Великого княжества Литовского на царской службе в 1654–1667 гг. // *Россия и белорусские земли в XVII – первой половине XVIII в.* М., 2023. Т. 2. С. 234–437 (в печати).
- Ракитин А. С. «Слуги царские»: литвин Шимон Ромейков и сын боярский Василий Шалыгин – информаторы Москвы накануне Смоленской войны 1632–1634 гг. // *Славянский альманах*. 2020. № 1–2. С. 32–45. DOI 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.02
- Флоря Б. Н. Миклош Дьюрки – первый русский агент в Варшаве // *Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время*. М., 2004. (Центральноевропейские исследования. Вып. 2). С. 154–161.
- Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. 448 с.
- Флоря Б. Н. Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 1 (59). С. 5–11.
- Флоря Б. Н. Политическая элита Великого княжества Литовского и Россия в 1673 году // *Славяноведение*. 2018. № 4. С. 3–9. DOI 10.31857/S0869544X0000458-6
- Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия. Дис. ... д-ра истор. наук. М., 2020. 628 с.
- Шпиленко Д. П. Материалы к родословию смоленского дворянства. М., 2014. Вып. 3. 856 с.
- Waugh D. C., Maier I. Muscovy and the European Information Revolution: Creating the Mechanisms for Obtaining Foreign News // *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–*

²⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1668 г. № 1. Л. 74, 218; 1669 г. № 1. Л. 116, 135, 149.

1850. Cambridge, 2017. P. 77–112. DOI 10.11647/OBP.0122

References

- Avakov, P. A. "Prevelikoi imeyut strakh ot moskovskoi voennoi floty": Kerchenskii proliv i russkaya razvedka v nachale XVIII veka ["The Fear of the Moscow Military Fleet is Great": The Kerch Strait and Russian Intelligence at the Beginning of the 18th Century]. In *Rodina*. 2014. No. 7. Pp. 135–138.
- Florya, B. N. Miklosh D'yurki – pervyi russkii agent v Varshave [Miklos Dyurki – the First Russian Agent in Warsaw]. In *Vengry i ikh sosedi po Tsentral'noi Evrope v Srednie veka i Novoe vremya*. Moscow, 2004. (Tsentral'noevropeiskie issledovaniya. Issue 2). Pp. 154–161.
- Florya, B. N. Vneshnepoliticheskaya programma A. L. Ordina-Nashchokina i popytki ee osushchestvleniya [A. L. Ordin-Nashchokin's Foreign Policy Program and Attempts to Implement It]. Moscow, 2013. 448 p.
- Florya, B. N. Rossiya, Yan Sobeskii i getman Mikhail Pats v 1674–1675 g. [Russia, Ian Sobesky and Hetman Patc in 1674–1675]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2015. No. 1 (59). Pp. 5–11.
- Florya, B. N. Politicheskaya elita Velikogo knyazhestva Litovskogo i Rossiya v 1673 godu [The Political Elite of the Grand Duchy of Lithuania and Russia in 1673]. In *Slavyanovedenie*. 2018. No. 4. Pp. 3–9. DOI 10.31857/S0869544X0000458-6
- Kochegarov, K. A. Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 gg. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680–1686. Conclusion of an Agreement on Eternal Peace]. Moscow, 2008. 504 p.
- Kurbatov, O. A. Neizvestnaya armiya tsarya Alekseya Mikhailovicha: shlyakhta Velikogo knyazhestva Litovskogo na tsarskoi sluzhbe vo vremya voiny Rossii s Rech'yu Pospolitoi 1654–1667 gg. [The Unknown Army of Tsar Alexei Mikhailovich: The Nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the Royal Service during the War of Russia with the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1654–1667]. In *Smuta v Rossii i Potop v Rechi Pospolitoi: opyt preodoleniya gosudarstvennogo krizisa v XVII stoletii. Materialy Rossiisko-pol'skoi nauchnoi konferentsii, 24–26 oktyabrya 2012 g.* Moscow, 2016. Pp. 293–308.
- Kurbatov, O. A., Prudovskii, P. I. Shlyakhta i voinskie podrazdeleniya Velikogo knyazhestva Litovskogo na tsarskoi sluzhbe v 1654–1667 gg. [The Nobility and Military Units of the Grand Duchy of Lithuania in the Tsarist Service in 1654–1667]. In *Rossiya i belorusskie zemli v XVII – pervoi polovine XVIII v.* Moscow, 2023. Vol. 2. Pp. 234–437 (in print).
- Rakitin, A. S. "Slugi tsarskie": litvin Shimon Romeikov i syn boyarskii Vasilii Shalygin – informatory Moskvyy nakanune Smolenskoi voiny 1632–1634 gg. ["Servants of the Tsar": The Polish-Lithuanian Subject Szymon Romejkow and the Boyar's Son Vasilii Shalygin, the Informers of Moscow before the Smolensk War (1632–1634)]. In *Slavyanskii al'manakh*. 2020. No. 1–2. Pp. 32–45. DOI 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.02
- Shamin, S. M. Inostrannaya pressa i russkaya kul'tura kontsa XV – nachala XVIII stoletiya [Foreign Press and Russian Culture of the Late 15th – Early 18th Century]. Dissertation for the Degree of Doctor of History. Moscow, 2020. 628 p.
- Shpilenko, D. P. Materialy k rodosloviyu smolenskogo dvoryanstva [Materials for the Genealogy of the Smolensk Nobility]. Moscow, 2014. Issue 3. 856 p.
- Waugh, D. C., Maier, I. Muscovy and the European Information Revolution: Creating the Mechanisms for Obtaining Foreign News. In *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850*. Cambridge, 2017. Pp. 77–112. DOI 10.11647/OBP.0122

Petr I. Prudovsky

Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russia

RUSSIAN SPY NETWORK IN LITHUANIA AFTER THE TRUCE OF ANDRUSOVO (1667–1669)

The war of 1654–1667 between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth resulted in the partition of the Grand Duchy of Lithuania. Russia ceded the north-eastern part of the Duchy to the Commonwealth while obtaining the easternmost Palatinate of Smolensk. However, these regions maintained manifold cultural, economic and political contacts. The Russian government aspired to make use of these contacts in order to gather intelligence on the domestic and foreign policy of the Commonwealth. The paper studies the mechanisms of gathering intelligence and the personnel involved in these activities.

Keywords: 17th-century Russia, Grand Duchy of Lithuania, intelligence, espionage, Truce of Andrusovo, Smolensk szlachta

А. В. Сиренов

Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия. sirenov@rambler.ru**НЕКРОПОЛЬ СУЗДАЛЬСКОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО СОБОРА В XVI–XVII вв.**

Статья посвящена истории некрополя суздальского Рождественского собора в XVI–XVII вв. Автор предполагает, что древние гробницы князей и епископов были утрачены после восстановления собора в 30-е гг. XVI в. В это время свои некрополи в соборе разместили представители элиты князья Шуйские, Бельские, Горбатые, Скопины-Шуйские, Ногтевы. Автор считает, что образцом суздальского некрополя стал некрополь великих князей Московских в Архангельском соборе.

Ключевые слова: источниковедение, древнерусские некрополи, история России XVI–XVII вв., история Суздаля

Собор Рождества Богоматери в Суздале принадлежит к числу выдающихся памятников домонгольского владими́ро-суздальского зодчества. Он находится на территории так называемого Суздальского кремля – древнего детинца, где позднее был расположен Суздальский архиерейский дом. Первый каменный храм на этом месте построили еще в начале XII в. Его упавшие стены до настоящего времени сохраняются в толще культурного слоя. Нынешнее здание собора воздвигнуто в 1223 г. при князе Юрии Всеволодовиче [Воронин, с. 19]. От того времени сохранились стены высотой до аркатурного пояса, остатки стенных росписей и двое дверей, выполненных в технике «золотой наводки». Рождественский собор серьезно пострадал в 1445 г. во время штурма Суздаля войском под командованием сыновей хана Улу-Мухаммеда. Охвативший город пожар привел к тому, что в соборе «начаша святительские гробы горети изнутри и падати»¹, а само здание рухнуло. Собор был восстановлен только в 30-е гг. XVI в., оставаясь кафедральным для суздальских архиереев и служа некрополем для них и для потомков суздальских удельных князей – для представителей родов князей Шуйских, Скопиных-Шуйских, Горбатовых, Ногтевых, а также для князей Бельских – Гедиминовичей, получивших вотчины в Суздальском уезде.

По летописным данным, в Рождественском соборе были похоронены сын Юрия Долгорукого Святослав в 6682 (1174) г.², вдова князя Михалки Юрьевича Февронья в 6710 (1202) г.³ Согласно указанию Н. М. Карамзина, в Троицкой летописи под 6 мая 6902 (1394) г. читалось известие о кончине и погребении в Суздале князя Бориса Константиновича («...и положен бысть в Суждале, в своей отчине...»)⁴. Некоторые летописи упоминают о кончине князя Бориса Константиновича без указания места погребения⁵. Опись нижегородских гробниц второй половины XVII в. рассказывает о перенесении останков князя Бориса Константиновича 14 марта 1671 г. из Городца в Нижний Новгород (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.XVII.21. Л. 882). У нас нет оснований не доверять

¹ ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 114.

² ПСРА. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 365–366. В 1936–1940 гг. А. Д. Варгановым в процессе археологических раскопок в южном притворе собора на глубине 82,5 см был обнаружен белокаменный саркофаг антропоморфного типа с непотревоженным мужским захоронением. Поскольку саркофаг заделал на уровне пола XII в., то описавший находку А. Ф. Дубынин датировал его XII в. и предположительно атрибутировал князю Святославу Юрьевичу [Дубынин, с. 97–98]. В настоящее время саркофаги антропоморфного типа датируются временем не ранее XV в. Обнаруженный же А. Д. Варгановым саркофаг можно датировать и более поздним временем, а именно XVI в. [Беляев]. Вероятно, перед нами погребение не Святослава Юрьевича, а одного из князей Бельских, некрополь которых располагался в южном притворе собора. Так, И. М. Стаховский в своей неопубликованной докторской диссертации высказал предположение, что это погребение Ивана Дмитриевича Бельского, погибшего при осаде Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г.

³ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 417.

⁴ [Карамзин, с. 281, примеч. 145]; Присёлков М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). Л., 1956. С. 444.

⁵ ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 164; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 509; Пг., 1915. Т. 4. Вып. 1. С. 373.

близкой к описываемым событиям Троицкой летописи. Скорее ошиблись нижегородцы XVII в. при перенесении княжеских останков из Городца в Нижний Новгород, и погребение Бориса Константиновича находилось в суздальском Рождественском соборе⁶. Вероятно, в Рождественском соборе были погребены и другие суздальские удельные князья [Стаховский, с. 197–201].

В настоящее время некрополь суздальского Рождественского собора представлен несколькими каменными саркофагами⁷, двумя надгробными плитами, одной надгробной и четырьмя настенными надписями [Вахтанов, с. 45, 48–51]. Существующие настенные росписи относятся к XVII в., поэтому следует считать, что настенные надписи повторяют более ранние. В юго-западном углу храма в стену вмурована керамическая плита XVII в. с текстом о погребении князей Горбатовых – Михаила Васильевича в 1535 г. и его сына Федора в 1556 г.⁸ В северо-западном углу собора стоит гробница, боковую стенку которой составляет керамическая плита XVII в. с текстом о погребении в 1636 г. князя Ивана Ивановича Шуйского. В северном притворе – гробница с вырезанной на торце надписью о погребении митрополита Илариона в 1707 г. В южном притворе над двумя аркосолиями различимы две надписи: «На сем месте погребен раб Божий благоверный князь Иван Федорович Бельской» и «На сем месте погребен раб Божий благоверный князь Дмитрий Иванович во иноцех Зосима Бельской». В первой надписи упомянут боярин И. Ф. Бельский, сосланный в Белоозеро в 1542 г. и там убитый. Во второй надписи, очевидно, присутствует ошибка, поскольку иноческое имя Зосима носил боярин Дмитрий Федорович Бельский, умерший в 1551 г. В правом из этих аркосолиев расположены еще две надписи. Первая читается отчетливо: «На сем месте погребен раб Божий благоверный князь Федор Иванович Бельской» (ум. после 1506 г.). Вторая надпись сохранилась фрагментарно: «На сем месте погребен раб Божий благовер[...] Андрей Ф[...]». Видимо, имеется в виду Андрей Федорович Бельский, неизвестный другим источникам сын Ф. И. Бельского⁹.

В нашем распоряжении имеются еще два источника – конца XVII в. и середины XVIII в. Первый – это опись соборного имущества 1683 г., в которой перечислены покровы на гробницы¹⁰. По их наличию, соответственно, можно определить, какие гробницы в соборе имелись в то время¹¹. Наконец, «Историческом собрании о богоспасаемом граде

⁶ В пользу его погребения в Рождественском соборе свидетельствует и запись о роде князя Бориса Константиновича в соборном синодике [Курганова, с. 10–11].

⁷ В интерьере собора в настоящий момент находится семь белокаменных саркофагов. Еще один был обнаружен в результате археологических раскопок А. Д. Варганова [Дубынин, с. 97–98]. Кроме того, следует иметь в виду, что большая часть погребений в белокаменных саркофагах была опущена ниже уровня пола и там, вероятно, находится и сейчас. Так, среди открытых в результате археологических раскопок 1995 г. саркофагов один, у внешней северной стены собора, верно атрибутирован епископу Геннадию (Драницыну), умершему в 1775 г. [Курганова, с. 31], поскольку именно в этом месте данное погребение указывается в поздних списках сочинения суздальского соборного ключаря Анании Федорова «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале». Еще три саркофага были обнаружены внутри собора: два – у южной стены (они остались неатрибутированными), а один – в дьяконнике. Последнее погребение В. П. Глазов предположительно и, на наш взгляд, неаргументированно приписал епископу Митрофану начала XVI в. [Вахтанов, с. 39–40].

⁸ Дату погребения Федора Михайловича Горбатого-Сусло обычно читают как 7024 г., то есть 1516 г. [Вахтанов, с. 49]. Однако, несмотря на плохую сохранность надписи, на наш взгляд, вполне различимы кириллические цифры 7064, то есть 1556 г.

⁹ Н. М. Курганова считает, что это Иван Федорович Бельский. Основанием является упоминание его гробницы в соборной описи 1683 г. [Курганова, с. 26]. Но там же упомянуто и погребение Андрея Федоровича Бельского (Книги переписные Суждала соборной церкви 191 году, что принято у бывшего тоя ж церкви у попа Аврама // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1875. Вып. 1. Стб. 171). В издании опечатка: А. Ф. Бельский назван Вельским.

¹⁰ Книги переписные Суждала соборной церкви 191 году, что принято у бывшего тоя ж церкви у попа Аврама. Стб. 161–189.

¹¹ Отметим, что отдельные гробницы могли не иметь покровов, и, следовательно, они в описи не упомянуты, а для других гробниц могло иметься по несколько покровов. Таким образом, точно определить количество гробниц в соборе на основании данных описи 1683 г. едва ли возможно.

Суждале», составление которого следует отнести к началу 60-х гг. XVIII в., помещено подробное описание некрополя Рождественского собора. Следует иметь в виду, что его затем дополняли последователи А. Федорова. Первый суздальский историк пишет: «...положения в той соборной церкви значатся по подписаниям на стене и по описным церковным книгам, над которыми прежде имелись гробницы, но за утеснением многия при преосвященном Иларионе митрополите упражнены» [Федоров, с. 73]. Далее он перечисляет 15 архиерейских погребений (не считая мощей епископов Феодора и Иоанна, пребывавших на вскрытии) и 22 княжеских, а также помещает план с указанием расположения гробниц. Почти все они фигурируют и в описи 1683 г. Благодаря топографической схеме, составленной А. Федоровым и его последователями, можно представить расположение захоронений в соборе. Так, у алтаря на вскрытии покоились мощи святых епископов Феодора и Иоанна. У западных столбов в наосе находились гробницы епископа Симеона (+ 1515), епископа Пафнутия (+ 1570) и архиепископа Арсения Элассонского (+ 1626). Несколько севернее – гробница епископа Тихона (+ 1786). У восточных столбов в наосе – гробницы епископа Герасима (+ 1615), архиепископа Софрония (+ 1654), архиепископа Галактиона (+ 1609). В западном притворе – три гробницы князей Скопиных-Шуйских (Василия Федоровича (+ 1595), Федора Ивановича – в схиме Феодосия (+ 1557), Федора Ивановича¹²). В южном притворе – шесть гробниц князей Бельских (Федора Ивановича, Андрея Федоровича, Ивана Федоровича, Ивана Федоровича, Дмитрия Федоровича, Ивана Дмитриевича). В северном притворе – погребения митрополита Илариона (+ 1705), архиепископа Софрония (+ 1654) и епископа Афанасия¹³. У южной стены собора располагались погребения князей Горбатов-Шуйских (Михаила Васильевича – в монастыре Закхей (+ 1535), его жены Александры, сына Федора (+ 1516), жены умершего в 1537 г. князя Бориса Горбатого). Вдоль северной стены – погребения князей Шуйских (Михаила (+ 1472), Андрея Михайловича (+ 1543), Андрея Михайловича, Александра Георгиевича, Александра Ивановича (+ 1601), Андрея Ивановича (+ 1589), Ивана Ивановича – в монастыре Ионы (+ 1638))¹⁴; князей Ногтевых (Даниил (+ 1599), его жена в монастыре Александра и Иван Семенович (+ 1547)). В Благовещенском приделе находились гробницы митрополита Сильвестра (+ 1760) и епископа Геннадия (+ 1775). Таким образом, в списках исторического труда Анании Федорова мы встречаем реконструкцию соборного некрополя по эпиграфическим памятникам (настенным надписям) и по делопроизводственным документам, дополненную информацией о более поздних погребениях. Часть обозначенных А. Федоровым гробниц была уничтожена при митрополите Иларионе, занимавшем Суздальскую кафедру в 1681–1705 гг. Обретение мощей Арсения Элассонского, которое состоялось в 2006 г., показало, что его гробница была опущена под пол и сохранилась. То же, возможно, было сделано и с другими погребениями в соборе. Представляется странным, что все погребения, упомянутые в эпиграфических памятниках и известных нам источниках XVII–XVIII вв., относятся ко второй половине XV – XVIII в. Однако по летописным сообщениям известно, что в Рождественском соборе производились захоронения начиная с 1174 г. Какова судьба этой древней части суздальского соборного некрополя?

В нашем распоряжении имеются материалы, на основании которых можно утверждать, что разорять средневековый некрополь суздальского Рождественского собора начал

¹² По другим источникам неизвестен. В западном притворе имеются два аркосолія [Курганова, с. 13].

¹³ Поскольку покров на гробницу епископа Афанасия числится в соборной описи 1683 г., это должен был быть епископ Афанасий Палецкий (+ 1568), а не епископ Афанасий Паисиос-Кондоиди (+ 1737). Однако епископ Афанасий Палецкий погребен в Кирилло-Белозерском монастыре [Серебрякова].

¹⁴ В собрании Суздальского музея хранится покров на гробницу Андрея Ивановича Шуйского, вложенный в 1603 г. его братом Дмитрием Ивановичем с женой [Курганова, с. 20].

не Иларион, а его предшественник архиепископ Стефан. Он был человеком из окружения патриарха Никона, первым настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. Назначение на Суздальскую кафедру Стефан получил за несколько дней до открытого разрыва патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем и в Суздале вступил в конфликт с соборным священником Никитой Добрыниным (будущим деятелем старообрядчества, более известным под именем Никиты Пустосвята). Первый извет Никиты, в котором он обвинял архиепископа, не произвел в Москве нужного эффекта. Стефан вернулся в Суздаль и запретил Никиту в служении. Это вызвало второй извет Никиты, к нему отнеслись уже более внимательно. В Суздаль была направлена специальная комиссия под руководством вятского епископа Александра, которая тщательно допросила представителей разных групп населения и установила правдивость большинства обвинений Никиты. В результате соборных разбирательств 1660 г. архиепископ Стефан не был извержен из сана, но и в Суздаль не вернулся, а был определен в кремлевский Архангельский собор [Устинова].

В числе прочего Никита Добрынин обвинял архиепископа Стефана в уничтожении гробниц в Рождественском соборе. Так, он писал об уничтожении гробниц князей Горбатовых (называя их князьями Суздальскими), Шуйских и Скопиных-Шуйских. Оправдываясь, архиепископ Стефан признавал, что распорядился убрать две гробницы князей Шуйских и одну епископскую, причем отметил, что эти гробницы были безымянными [Румянцев, с. 8, 24, 30, 41, 51–52, 70, 78, 85]. Расследование вятского епископа Александра установило, что Стефан уничтожил гробницу епископа Симеона (+ 1515) (согласно схеме А. Федорова, находившуюся у юго-западного столба) и две гробницы князей Горбатовых (в юго-западном углу собора). Еще несколько гробниц Горбатовых передвинули ближе к западной стене. В западном притворе уничтожили гробницу В. Ф. Скопина-Шуйского [Румянцев, с. 61].

Таким образом, материалы церковного собора 1660 г. кроме отдельных сведений, представляющих несомненную ценность для изучения религиозного сознания и истории повседневной жизни русского города XVII в. и Суздальского архиерейского дома, позволяют составить представление о состоянии суздальского соборного некрополя в XVII в. Архиепископ Стефан уничтожил каменные гробницы, стоявшие в юго-западном компартименте собора. Можно думать, что гробницы действительно мешали обряду полного каждения, когда священник с кадилом обходит весь храм. К середине XVII в. эти княжеские роды уже угасли, и, видимо, ухода и посещения этих могил со стороны родственников не практиковалось. О том, как располагались княжеские гробницы в соборе, свидетельствует самое позднее захоронение умершего в 1637 г. князя И. И. Шуйского. Его гробница сохранилась до настоящего времени, хотя она явно не украшает интерьер собора, так как стоит поперек аркосолия. Вполне вероятно, что и другие гробницы стояли столь же хаотично. Таким образом, о разорении древнего некрополя говорить не приходится.

Обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство. В XVII в. в соборном некрополе не числится ни одного древнего погребения за исключением двух епископских – епископов Феодора и Иоанна. Подчеркнем, что историчность этих епископов до сих пор не доказана. В ранних источниках они не упоминаются. Остальные погребения относятся к XVI–XVII вв. Таким образом, некрополь Рождественского собора оформился уже после восстановления самого здания, то есть после 30-х гг. XVI в. Несколько необычным представляется одно обстоятельство, а именно, что суздальские вотчинники XVI в. князья Шуйские, Скопины-Шуйские, Горбатовы, Ногтевы и Бельские свои родовые некрополи устроили не в Спасо-Евфимиевом монастыре, а в кафедральном соборе. Обычным для XVI в. было появление боярских родовых некрополей именно в крупных монастырях (например, в Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском,

московском Новоспасском и др.). Здесь же встречаем редкое исключение из этого правила, и оно заслуживает внимания. В кафедральных соборах хоронили в основном епископов, однако старинные кафедральные соборы имели и княжеские некрополи. Таковы соборы во Владимире, Твери, Рязани. Характерно, что некрополь московских князей изначально был расположен в монастырском храме Спаса на Бору. Однако в начале XVI в. Василий III озаботился статусом великокняжеского некрополя, и после постройки нового здания Архангельского собора туда были перезахоронены представители разных ветвей московской династии. Таким образом, был сформирован великокняжеский некрополь. Архангельский собор со временем получил статус кафедрального, что было также необычно, поскольку его настоятель был епископом без епархии. Вероятно, эти усилия великокняжеской власти по устройству статусного родового некрополя вызвали подражание и в среде тогдашней элиты. Суздальские князья, составлявшие единый клан при великокняжеском дворе, а также ставшие суздальскими вотчинниками их политические противники Бельские избрали восстановленный древний суздальский собор местом своих родовых некрополей. Это подчеркивало их знатность, выделяло из числа других представителей Боярской думы и Государева двора, что имело, полагаем, особенное значение на рубеже 30–40-х гг. XVI в., когда основными действующими лицами во внутренней политике страны были представители кланов Шуйских и Бельских [Кром, с. 83–300].

Литература

- Беляев Л. А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 219–232. DOI 10.2568/IARAS.0130-2620.252.219-232
- Вахтанов С. Н. Некрополь // Собор Рождества Богородицы в Суздале. Владимир, 2014. С. 39–52.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1962. Т. 2. 558 с.
- Дубынин А. Ф. Археологические исследования г. Суздаля (1936–1040 гг.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1945. Вып. 11. С. 91–98.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. 560 с.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
- Курганова Н. М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. 119 с.
- Румянцев И. Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»): Историко-критический очерк. Сергиев Посад, 1916. Приложения. 383 с.
- Серебрякова М. С. О топографии двух ферапонтовских захоронений конца XVI – начала XVII века в Кирилло-Белозерском монастыре // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Т. 4. С. 68–80.
- Стаховский И. М. Очерки по истории Суздаля. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1943. Т. 1. Ч. 1. 348 с.
- Устинова И. А. «Дело» архиепископа Суздальского и Тарусского Стефана 1659–1663 гг.: источниковедческий аспект // Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. Сборник статей к 90-летию И. А. Булыгина. М., 2016. С. 246–268.
- Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Владимир, 2012. 304 с.

References

- Belyaev, L. A. Kkhronologii antropomorfnykh sarkofagov Rusi XV–XVII vv. [Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi in Medieval Russia of the 15th – 17th Centuries]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2018. Issue 252. Pp. 219–232. DOI 10.2568/IARAS.0130-2620.252.219-232
- Dubynin, A. F. Arkheologicheskie issledovaniya g. Suzdalya (1936–1040 gg.) [Archaeological Research of Suzdal (1936–1040)]. In *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury*. Moscow; Leningrad, 1945. Issue 11. Pp. 91–98.
- Fedorov, A. Istoricheskoe sobranie o bogospasaemom grade Suzhdale [Historical Collection about the God-Saved City Suzdal]. Vladimir, 2012. 304 p.
- Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Moscow, 1993. Vol. 5. 560 p.
- Krom, M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [“The Dowager Kingdom”: The Political Crisis in Russia in the 30–40s of the 16th Century]. Moscow, 2010. 888 p.

-
- Kurganova, N. M. Stranitsy istorii nekropolya goroda Suzdalya [Pages of the History of the Suzdal Necropolis]. Moscow, 2007. 119 p.
- Rumyantsev, I. Nikita Konstantinov Dobrynin ("Pustosvyat"): Istoriko-kriticheskii ocherk [Nikita Konstantinov Dobrynin ("Pustosvyat"): Historical and Critical Essay]. Sergiev Posad, 1916. Prilozheniya. 383 p.
- Serebryakova, M. S. O topografii dvukh ferapontovskikh zakhoroneni kontsa XVI – nachala XVII veka v Kirillo-Belozerskom monastyre [About the Topography of Two Ferapontov Burials of the Late 16th – Early 17th Century in the Kirillo-Belozersky Monastery]. In *Kirillov. Kraevedcheskii al'manakh*. Vologda, 2001. Vol. 4. Pp. 68–80.
- Stakhovskii, I. M. Ocherki po istorii Suzdalya [Essays on the History of Suzdal]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 1943. Vol. 1. Part 1. 348 p.
- Ustinova, I. A. "Delo" arkhiepiskopa Suzdal'skogo i Tarusskogo Stefana 1659–1663 gg.: istochnikovedcheskii aspekt [The "Case" of Archbishop Stephen of Suzdal and Tarusa of 1659–1663: The Aspect of Source Study]. In *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii do 1917 g. Sbornik statei k 90-letiyu I. A. Bulygina*. Moscow, 2016. Pp. 246–268.
- Vakhtanov, S. N. Nekropol' [The Necropolis]. In *Sobor Rozhdestva Bogoroditsy v Suzdale*. Vladimir, 2014. Pp. 39–52.
- Voronin, N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov [Architecture of North-Eastern Rus of the 12th – 15th Centuries]. Moscow, 1962. Vol. 2. 558 p.

Aleksey V. Sirenov
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

NECROPOLIS OF THE SUZDAL NATIVITY CATHEDRAL
IN THE 16th–17th CENTURIES

The article is devoted to the history of the necropolis of the Suzdal Nativity Cathedral in the 16th – 17th centuries. The author suggests that the ancient tombs of Suzdal princes and bishops were lost after the restoration of the cathedral in the 30s of the 16th century. At this time, representatives of the elite, Princes Shuisky, Belsky, Gorbaty, Skopin-Shuisky, and Nogtev placed their necropolises in the cathedral. The author believes that the Suzdal necropolis was formed by way of example of the necropolis of the Grand Dukes of Moscow in the Archangel Cathedral.

Keywords: source study, Old Russian necropolises, Russian history of the 16th – 17th centuries, history of Suzdal

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.022

П. С. Стефанович
НИУ ВШЭ, ИРИ РАН, Москва, Россия. petr.stefanovich@mail.ru

ИНОК ФИЛОФЕЙ И РОССИЙСКОЕ ЦАРСТВО

В статье анализируются тексты XVI в., в которых была сформулирована известная теория «Москва – Третий Рим». Автор фиксирует, что в тех текстах, которые можно атрибутировать псковскому монаху Филофею, отсутствует этнонимия, производная от имени *русь*. По мнению автора, это свидетельствует о своеобразии и неординарности идей Филофея.

Ключевые слова: Филофей, Москва – Третий Рим, русская идентичность

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

Б. Н. Флоря, глубоко занимаясь историей древнерусской общественной мысли, не мог, конечно, пройти мимо знаменитой теории «Москва – Третий Рим» псковского монаха Филофея. В разных публикациях исследователь подчеркивал своеобразие идей Филофея и сложное их отношение к устоявшимся в древнерусской книжности представлениям о всемирной истории [Флоря, 2008; Флоря, 2017]. Настоящая статья в честь уважаемого юбиляра развивает именно

эту мысль о своеобразии «римской теории» Филофея, но с особенной точки зрения. Я обратил внимание на то, что псковский книжник практически не использовал этнонимии, производной от имени *русь*. До сих пор в историографии это интересное обстоятельство никак не отмечалось и не изучалось, а между тем оно заслуживает детального разбора в контексте литературно-текстологической судьбы произведений, написанных Филофеем или приписанных ему. Этому разбору и посвящена статья.

Как известно, Филофей работал в 1520-х гг. В книжной рукописной традиции ему приписывались несколько сочинений, в том числе три, где говорилось о Москве как Риме (так называемый «Филофеев цикл»). Как показало текстологическое исследование А. Л. Гольдберга, продолженное Н. В. Сеницыной, бесспорной можно считать принадлежность Филофею первого из трех текстов – послания 1523–1524 гг., адресованного псковскому дьяку Михаилу Мисюрю Мунехину [Гольдберг, 1974; Гольдберг, 1983; Сеницына, с. 133–173]. В этом Послании сформулирована знаменитая идея «Москва – Третий Рим», вызвавшая в научной литературе середины XIX – начала XXI в. оживленные дискуссии и первоначально расценивавшаяся как политическая теория. Сегодня большинство исследователей рассматривают идею скорее как богословско-сотериологическую концепцию о религиозно-духовной миссии Московского государства.

Опираясь на работы современных исследователей (см., прежде всего: [Сеницына, с. 174–268], а также: [Гардзанини, с. 121–158]), суть концепции Филофея можно изложить следующим образом. Псковский старец исходил из популярной в Средние века идеи (основанной на пророчествах библейской Книги пророка Даниила, гл. 2), согласно которой история человечества представлялась как история четырех империй, причем последней станет Римская империя. Филофей считал, что Москва стала центром этой империи и будет им до конца света. Он понимал эту империю как некое «неразрушимое» хранилище истинной веры, ибо сам Христос «в Римскую власть написася», но имел в виду, что вера и политическая форма, ей соответствующая (суверенное государство под властью благочестивого царя), могут перемещаться в пространстве в виде некоего *sacrum*¹. Эта настоящая Римская империя – «Ромеиское царство» в терминологии Филофея – сначала переместилась из первого (собственно) Рима в Константинополь, потому что «латыни» впали в ересь, а потом ушла из этого второго Рима, потому что греки заключили с «латынами» Флорентийскую унию в 1439 г., а за ней последовало падение Византии. Теперь, по логике Филофея, *sacrum* пребывает в главном (кафедральном) соборе Москвы – там стоит «престоль святых вселенских апостольских Церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасенном граде Москве святого и славного Успения Пречистой Богородицы, иже едина в вселенной паче солнца светится». Такому перемещению средоточия истинной веры соответствует и политическая трансформация: «... вся христианская царства приидоша в конец и сидошася в едино царство нашего государя по пророческим книгамъ, то есть Ромеиское царство. Два убо Рима падоша, а трети стоит, а четвертому не быти» [Сеницына, с. 343–345]¹.

Последний пассаж вызвал особый комментарий Н. В. Сеницыной. Дело в том, что в процитированном виде он представлен в древнейшем и, по мнению А. Л. Гольдберга и Н. В. Сеницыной, наиболее исправном списке Послания Мисюрю Мунехину. Однако в большинстве других списков одно место в пассаже читается несколько иначе: вместо «Ромеиское царство» стоит «Росеиское царство». В таком виде Послание было опубликовано

¹ В приложениях к исследованию Н. В. Сеницыной представлена лучшая на сегодняшний день публикация всех произведений «Филофеева цикла». Далее эти произведения цитируются по ее изданию.

в классической работе В. Н. Малинина и с тех пор цитировалось в научной литературе². Н. В. Сеницына придавала этому разночтению большое значение и, критикуя предлагавшиеся ранее в науке интерпретации концепции Филофея, писала, что опора на другие списки, содержащие упоминание «Российского царства» (вместо «Ромейского»), «лишает всю концепцию первоначальной логической завершенности» [Сеницына, с. 245].

Акцент Н. В. Сеницыной на этом разночтении вполне оправдан. Но, как представляется, дело не исчерпывается тем, что оригинальное выражение «Ромейское царство» лучше вписывается в концепцию Филофея о перемещении «Ромейского царства» как некоего *sacrum* в Москву. Сама по себе замена «Ромейское» на «Российское» в этом контексте все-таки не меняла концепцию принципиально. В пассаже говорилось о «царстве нашего государя», и русский читатель вполне мог соотнести это царство именно с Российским государством. Это было бы вполне естественно, поскольку государство под властью московских правителей с начала XVI в. уже называли и просто Ро(с)сией (или Рус(с)ией), и разными выражениями с эпитетом «ро(с)сийский» (хотя именно выражение «Российское царство» стало общепринятым только после 1547 г., когда царский титул официально принял Иван IV) [Клосс, с. 55–75]. Основная мысль Филофея – правоверие и благочестивая власть перешли на вечное пребывание в «царство нашего государя» – для его современников не искажалась от того, как именно говорилось в этой фразе: «Ромейское» или «Росейское царство». Если Филофей и употребил первый вариант, позднейших переписчиков его сочинения нельзя упрекнуть в том, что они не понимали этой его мысли, исправляя текст на второй вариант. И даже более того, рассуждения самой Н. В. Сеницыной не вполне последовательны. Хотя в текстологической части своего исследования она делает акцент на первоначальности выражения «Ромейское царство», затем в исторической части она пишет, что Филофей менял «византийскую интерпретацию» судеб мировых империй на «российскую интерпретацию», как будто забывая собственный тезис, что в оригинале Филофей не упоминал Россию [Сеницына, с. 266].

Гораздо важнее, на мой взгляд, другое обстоятельство, которое вскрывается, если принимать как первоначальное (авторское) выражение «Ромейское царство» в указанном пассаже Послания Мисюрю Мунехину. Если исключать указание на «Российское царство» как вторичное, получается, что во всем тексте Филофей ни разу не упоминал слов *русь/Россия* и их производных. Даже о правителе «нынешнего православного царства» – третьего Рима – он говорит лишь как о «нашем государе», не приводя ни разу его общепринятого титула «государь всея Руси (России)».

Можно ли рассматривать это обстоятельство как случайное? Другие наблюдения над текстами, которые приписываются Филофею, склоняют скорее к отрицательному ответу. Во-первых, в тех посланиях, которые уверенно относят авторству Филофея, но в которых не идет речь о «римской теории» (то есть вне «Филофеева цикла» трех сочинений), о руси как стране или народе тоже не говорится. Собственно, это имя вообще почти не упоминается, за исключением одного случая: в Послании о скорбях (моровом поветрии) в Пскове используется титул Василия Ивановича – «великий князь всея Росии»³. Во-вторых, имена *русь/Россия* не употребляются и во втором тексте «Филофеева цикла» – Послании великому князю Василию Ивановичу (или Послании о крестном целовании). Хотя в начале Послания, обращаясь к князю, автор прибегает к весьма пышным и велеречивым эпитетам, официальный титул «государь всея Руси» не используется. Само «державное царствие» государя называется «третьим новым Римом» (в начале) или просто «твое царствие» или «православное/

² Малинин В. [Н.] Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Приложения. С. 45.

³ Там же. Приложения. С. 27.

христианское царствие» (далее) [Синицына, с. 358–360]. Это Послание содержательно очень близко Посланию Мисюрю Мунехину, и есть основания датировать создание первого временем, очень близким к моменту написания второго (по Н. В. Синицыной, Послание Василию Ивановичу было написано в 1524–1526 гг.). И А. Л. Гольдберг, и Н. В. Синицына сомневались в том, что автором Послания Василию Ивановичу был Филофей, но эти сомнения не имеют строгого текстологического и исторического обоснования [Кореневский, с. 95–108].

Из тематики и стиля посланий Мисюрю Мунехину и Василию Ивановичу явно выбивается третий текст «Филофеева цикла» – так называемое «Сочинение об обидах церкви» (в старой литературе выступавшее под неправильным, как показал А. Л. Гольдберг, названием «Послание Филофея царю Ивану Васильевичу»). Н. В. Синицына относила создание текста к 1530-м – началу 1540-х гг. Вот здесь имена *русь/Россия* как раз появляются, и упоминания их весьма любопытны, хотя до сих пор не обращали на себя особого внимания исследователей. Дело в том, что автор «Сочинения», развивая теорию трех Римов, вовсе не упоминает Москву (ни в каком смысле), а местом, где в настоящий (современный ему) момент сосредоточились истинная вера и благочестивая власть, указывает Русь, причем еще уточняя, о какой именно Руси идет речь.

В начале автор «Сочинения», защищая церковь и истинно верующих от неких «ратующих» на них, ссылается на церковные каноны, в том числе на постановления собора, состоявшегося во Владимире в 1273 г. Эти постановления названы «правилами Кирила митрополита всея Руси» – здесь пусть и в титуле митрополита, но звучит понятие «всея Руси» [Синицына, с. 365]. Гораздо интереснее упоминания руси далее.

Уже развивая «римскую теорию», автор далее усматривает в образе праведной «жены» в Откровении (Откр 12: 1–4, 14–15) аллегория церкви, «бегущей» из первого Рим во второй, а потом в третий. Третий (и последний) Рим автор определяет как «новую великую Русию». В этой Руси «ныне», пишет он, «святаа съборнаа апостольскаа Церковь вѣсточнаа паче солнца светится», и защитник ее – «единъ православный великий русский царь въ всеи поднебесной». Чуть ниже он называет эту Русь последним благочестивым царством: «вся царства потопишася неверием, новыя же Русиа царство стоитъ» [Синицына, с. 367]. Таким образом, в представлении автора есть (или была) «вся Русь» (в конце сочинения он упоминает еще «Рустию землю»), но есть также и «новая великая Русия» или «новой Руси царство» как некая особая общность.

Трудно сказать, насколько сознательно автор «Сочинения» разделял «всю Русь» и «новую великую Русию». Эксплицитно выражено у него противопоставление «новой Руси царства» и прочих известных в истории «царств». Но из самих его рассуждений в итоге получалось, что переход «Жены»-«Святой Церкви» в государство, возглавляемое «великим русским царем», трансформировал Русь: из «Русской земли» и «всей Руси» она становилась «новой великой» или «новым великим царством». Мысль о переходе «Ромейского царства», понятого как сасгит, сочетавший веру и царскую власть, в третий Рим, – та же самая, что и в двух посланиях «Филофеева цикла». Но в «Сочинении» нынешним местопребыванием этого царства указывается не Москва (город и одновременно государство), а Русь, хотя и некая особая – «новая великая».

Между авторами двух посланий, с одной стороны, и «Сочинения» – с другой, есть очевидное различие в подходах к пониманию, о какой стране или государстве они вели речь, определяя ее (его) третьим Римом. Автор посланий, избегая слов *русь/Россия*, не вкладывал какого-либо этнического смысла в концепцию о перемещении «Ромейского царства». Он не считал, что оплотом и сосудом веры выступал какой-либо народ, для него важнее были

церковная и политическая власти, выступавшие носителем и держателем *sacrum* и пребывавшие в Москве, – митрополит и царь. Очевидно, он мыслил не этническими (национальными) моделями, а важнейшую форму общежития, призванную существовать вплоть до конца света, видел в структуре, «симфонически» объединявшей церковь и государство. Эту структуру он обозначил как «Москва», подразумевая, конечно, не только город, но и всех людей и всю территорию, охваченных этой структурой (то есть признающих власть московских митрополита и царя).

Автор «Сочинения», в отличие от автора посланий, не избегает этнической парадигмы, и даже более того: он с помощью этнонима конструирует некую новую общность, отдельную от «просто» Руси или Русской земли. Согласно этой конструкции, «новая великая» Русь возникла после падения Константинополя вследствие предательства веры (унии, заключенной во Флоренции), и она отличается и от древней Руси (существовавшей до унии и падения Константинополя), и от той руси, которая «ныне» осталась за пределами Московской митрополии и вне власти «православного великого русского царя». Москва даже не указывается ни как сакральный, ни как какой-либо иной центр этой общности: «новое великое царство» – это именно *русь* (очевидно, народ и территория/страна).

Более оригинальным представляется подход, который продемонстрировал автор двух посланий. Оригинальна сама по себе идея «Ромейского царства» как *sacrum*, пребывающего в Москве вплоть до скончания века. Она обоснована исторически и проникнута пророческим духом. Автор же «Сочинения», нацеленный, прежде всего, на защиту «Святой Церкви» от «обид», рассуждает скорее в русле более или менее традиционных поучений об авторитете церкви, ведущей людей к спасению. Мысль об уникальности «новой Руси царства» и «неверии» прочих «царств» носит для него в общем-то инструментальный характер. И не случайно, что автор «Сочинения» прибегает к более понятному и естественному противопоставлению «своего» и «чужого» через этнические обозначения, используя идентичность *русь*, хотя и уточняя ее эпитетами «новая» и «великая».

Своеобразие дискурса посланий еще более явно обнаруживается в сопоставлении с теми обработками, которые эти два текста претерпевали в книжности XVI – начала XVII в. Выше уже говорилось, что в большинстве сохранившихся списков Послания Мисюрю Мунехину в одном (но ключевом) месте первоначальное выражение «Ромейское царство» было изменено в «Российское царство». Это, конечно, свидетельство того, что переписчики Послания понимали под третьим Римом именно Россию, считая это государство *своим*. В отличие от Филофея они не игнорировали этноним, и для них то государство, в каком они жили, имело не только политическое и церковно-религиозное измерение, но и этническое. В позднейших обработках этого Послания конца XVI – XVII в. такие выражения, как «Российское царство» или «Российская держава», появляются как само собой разумеющиеся [Синицына, с. 350–355].

Такая же «прорусская» тенденция обнаруживается в той редакции Послания великому князю Василию Ивановичу, которую Н. В. Синицына называет «второй» и создание которой относит к 1580-м гг. [Синицына, с. 278]. В самом начале этого текста в обращении к адресату сделана вставка, в результате которой титул государя стал выглядеть так: «брододержатель всея святыя и великия Росии и матери церквам вселенския соборныя и апостольския Церкви Пречистыя владычица наша Богородица честнаго и славнаго ея Успения, иже ныне вместо римской и константинопольской просиявшей» [Синицына, с. 361]. Вставлено упоминание «всея святыя и великия Росии», которая в первоначальной редакции не фигурировала. В контексте теории трех Римов, изложенной в Послании, под «святой Россией» надо понимать общность, хранящую тот *sacrum*, перемещение которого из Рима в Рим утверждал Филофей. Духовно-

сотериологическим смыслом наполняются уже не только церковная и государственная формы, но и этническая, потому что слово «Росиа», произведенное от первоначального этнонима *русь*, отсылало, прежде всего, именно к народу и области его проживания.

Это – один из самых ранних примеров применения эпитета «святой» к имени *русь/россия*. Сопоставимо с ним только использование выражения «святорусская земля» князем Андреем Курбским в «Истории о великом князе Московском» (1570-е гг.) (ср.: [Дмитриев, р. 321–322]). Нет никаких оснований видеть какую-то зависимость между этими текстами, и надо считать, что к сакрализации руси вела логика своего рода этнизации – «воображать» идеальное (сакральное) сообщество не в виде структур, а как общность/группу людей, связанных базовой (этнической) идентичностью.

Таким образом, первоначальная идея Филофея трансформировалась в процессе усвоения ее в книжной традиции Московского государства XVI в. В эсхатологическую перспективу, намеченную в Послании Мисюрю Мунехину (первом произведении «Филофеева цикла»), позднее была встроена именно Русь-Россия – государство-народ, а не подданные московского государя или паства митрополита Московского. Именно Руси-России усваивается историческая миссия и богоизбранная исключительность в истории человечества. Конечно, под этой Россией подразумевалось государство со столицей в Москве и под властью московских великих князей (царей), но важно, что игнорирование этнического элемента или этнической характеристики этого государства не прижилось в той аудитории, к которой, в конечном счете, обращался Филофей. «Новой великой» и даже «святой» стала именно Русь-Россия, а не Москва или Московское царство.

В заключение я хотел бы выделить два тезиса, вытекающих из приведенных наблюдений. Во-первых, отсутствие упоминаний *руси/России* в двух посланиях и, напротив, активное использование этих этнонимов в «Сочинении об обидах церкви» может служить, на мой взгляд, аргументом в дискуссии об атрибуции текстов «Филофеева цикла». В этом отношении послания сближаются, и поскольку мы точно знаем, что Послание Мисюрю Мунехину написал Филофей, то больше оснований появляется для того, чтобы приписывать его авторству и Послание великому князю Василию Ивановичу. Этнизация, свойственная «Сочинению», резко отделяет его от посланий, и это служит еще одним подкреплением мысли, что текст написан не Филофеем. Во-вторых, игнорирование псковским старцем самоидентификации через этнонимию, производную от имени *русь*, подчеркивает своеобразие его богословско-историософских конструкций на фоне представлений, распространенных в русской литературе XVI в. Для Филофея факторами солидарности и идентичности были только вера (истинная православная) и лояльность царю (единственному благочестивому). Но переписчики и редакторы его произведений (а также эпигоны – подобные автору «Сочинения») вносили в его теорию (возможно, даже не вполне осознанно, как в случае с заменой «Ромеиское» на «Росеиское») этнические критерии для выделения *своей* общности.

Отдельный вопрос касается мотивов Филофея: чем он руководствовался, игнорируя эти критерии. Очевидно, сама идея о всемирной истории как череде «царств» толкала его к такому «имперскому» подходу (не в смысле внешнеполитической агрессии, а в смысле объединения людей irrelevantно к их этнической принадлежности). Но возможно, сказывались и те конкретные исторические условия, в каких он жил: полиэтнический характер населения северо-западных русских земель (Пскова и Новгорода) или тот факт, что значительная часть этноса руси жила не в Московском государстве, а в Великом княжестве Литовском и Польше. Политические границы слишком очевидно не совпадали с этническими, и Филофею проще было вовсе не учитывать эти последние, конструируя свой идеал «нынешнего православного царства».

Литература

- Дмитриев М. В. Парадоксы «святой Руси»: «святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства XVI–XVII вв. и фольклоре XVIII–XIX вв. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. Т. 53. № 2–3. Р. 319–331.
- Гардзанини М. Библиейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. 230 с.
- Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» (опыт текстологического анализа) // ТОДРА. Л., 1974. Т. 29. С. 68–97.
- Гольдберг А. Л. Идея «Москва – третий Рим» в цикле сочинений первой половины XVI в. // ТОДРА. Л., 1983. Т. 37. С. 139–149.
- Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. 151, [1] с.
- Корневский А. В. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим» // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 87–124.
- Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. 410, 4 с.
- Флоря Б. Н. Представление о Москве как о Третьем Риме и некоторые проблемы развития русской общественной мысли в XVI веке // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века / Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет. СПб., 2008. Т. 2. «В кратких словесах многой разум замыкающе...». Сборник научных трудов в честь 75-летия профессора Р. Г. Скрынникова. С. 58–65.
- Флоря Б. Н. «Откровение» Мефодия Патарского и учение о Москве как «Третьем Риме» // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2 (45/46). С. 137–140.

References

- Dmitriev, M. V. Paradoksy “svyatoi Rusi”: “svyataya Rus” i “russkoe” v kul’ture Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. i fol’klore XVIII–XIX vv. [Paradoxes of “Holy Rus”: “Holy Rus” and “Russian” in the Culture of the Muscovite State of the 16th – 17th Centuries and Folklore of the 18th – 19th Centuries]. In *Cahiers du Monde Russe*. 2012. Vol. 53. No. 2–3. Pp. 319–331.
- Florya, B. N. Predstavlenie o Moskve kak o Tret’em Rime i nekotorye problemy razvitiya russkoi obshchestvennoi mysli v XVI veke [The Idea of Moscow as the Third Rome and Some Problems of the Development of Russian Social Thought in the 16th Century]. In *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka / Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, istoricheskii fakul’tet*. Saint Petersburg, 2008. Vol. 2. “V kratkikh slovesakh mnogoi razum zamykayushche...”. Sbornik nauchnykh trudov v chest’ 75-letiya professora R. G. Skrynnikova. Pp. 58–65.
- Florya, B. N. “Otkrovenie” Mefodiy Patarskogo i uchenie o Moskve kak “Tret’em Rime” [The “Revelation” of Methodius of Patara and the Doctrine of Moscow as the “Third Rome”]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. 2017. No. 1/2 (45/46). Pp. 137–140.
- Gardzaniti, M. Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoi knizhnosti [Biblical Quotations in Church Slavonic Literature]. Moscow, 2014. 230 p.
- Gol’dberg, A. L. Tri “poslaniya Filofeya” (opyt tekstologicheskogo analiza) [Three “Epistles of Philotheus” (Experience of Textual Analysis)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1974. Vol. 29. Pp. 68–97.
- Gol’dberg, A. L. Ideya “Moskva – tretii Rim” v tsikle sochinenii pervoi poloviny XVI v. [The Idea of “Moscow being the Third Rome” in the Cycle of Works of the First Half of the 16th Century]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1983. Vol. 37. Pp. 139–149.
- Kloss, B. M. O proiskhozhdenii nazvaniya “Rossiya” [About the Origin of the Name “Rossiya”]. Moscow, 2012. 151, [1] p.
- Korenevskii, A. V. Kем i kogda byla “izobretena” teoriya “Moskva – Tretii Rim” [By Whom and When was the “Moscow being the Third Rome” Theory “Invented”]. In *Ab Imperio*. 2001. No. 1–2. Pp. 87–124.
- Sinitsyna, N. V. Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1998. 410, 4 p.

MONK FILOFEI AND THE RUSSIAN TSARDOM

The author analyses several texts of the 16th century which formulated the famous theory of the “Moscow being the Third Rome”. He finds that the texts attributed to the Pskovian monk Filofei do not contain any ethnic denomination derived from the name “Rus”. In his opinion, it evidences the originality and exclusivity of Filofei’s ideas.

Keywords: Filofei, Moscow is the Third Rome, Russian identity

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.023

Д. А. Хитров
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. *dkh@bk.ru*

О СУДЬБЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СТАНОВ И ВОЛОСТЕЙ В XVIII В.

В статье исследуется вопрос о том, учитывались ли границы станов и волостей при определении новых уездных границ в ходе губернской реформы Екатерины II. На основе картографических источников по нескольким уездам Московской провинции доказывается, что внутреннее деление уездов было полностью проигнорировано екатерининскими администраторами.

Ключевые слова: станы, волости, Московская провинция, губернская реформа Екатерины II, историческая география, историческая картография.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00303.

Пространственные структуры, как правило, отличаются очень большой устойчивостью – просто в силу того, что их изменение затрагивает жизнь большого числа людей, требует перемен в хозяйстве, в управлении и даже в социальном устройстве. Именно поэтому они могут сохраняться в течение очень долгого времени после того, как перестали существовать социальные институты, вызвавшие их появление.

Одним из таких реликтов Средневековья, доживших до екатерининского времени, было внутреннее деление уездов. На уездном уровне административная структура государства в XVII – середине XVIII в. была, по крайней мере внешне, достаточно строгой и логичной: уезды, будучи крайне неравными по населению и территории, были, тем не менее, равны с административно-правовой точки зрения. Основная территория государства полностью покрывалась ими, и только на окраинах иногда встречались исключения. Однако внутри уездов существовало дополнительное деление, и оно отнюдь не было столь единообразным. Прежде всего, практически повсеместно станы в одном уезде соседствовали с волостями – как правило, к волостям относились дворцовые земли [Флоря], и, кроме того, волости преобладали в северных регионах. Встречались и другие единицы: Новгородский, Олонецкий, Соликамский, Чердынский уезды делились на погосты, Казанский и Уфимский – на дороги, в Сольвычегодском со станами соседствовали сошки. Это деление иногда было многоуровневым: так, в Каргопольском и Белозерском уездах волости входили в станы, а в Великоустюжском – наоборот, станы в волости¹; волость Муромское сельцо Владимирского уезда делилась на восемь кромин.

¹ Общий перечень станов и волостей по переписным книгам 1678 г. составлен Я. Е. Водарским [Водарский, с. 233–247].

Вопрос о происхождении этих единиц не вполне прояснен и, скорее всего, не имеет универсального решения. Очевидно, что волость древнее стана, и станы складывались, поглощая или разрушая часть волостей; вероятно, этот процесс был связан с формированием служилого землевладения и, позже, с развитием служилых городов. К. А. Аверьянов сделал интересное предположение о том, что в Московском уезде становое деление возникло в XIV в. и его формирование было связано с разделом территории княжества между наследниками Ивана Калиты [Аверьянов, с. 121–122]. Можно думать, что исследователи русского Средневековья в будущем смогут дать интерпретацию многим из этих структур, которые сохраняли своеобразную память об эпохе становления единого государства.

Представляет большой интерес вопрос о том, какой была судьба этого низшего уровня административного деления в XVIII столетии. Насколько можно судить, уже во второй половине XVII в. оно не имело ни фискального, ни административного значения: в станах и волостях не было ни административных центров, ни какой-либо государственной, отдельной от вотчинного управления, администрации. Тем не менее в земельных актах непременно указывалось, к какому стану или волости принадлежит поселение, о котором идет речь, а разного рода переписные книги как в XVII, так и в XVIII в. делились на соответствующие станам и волостям разделы.

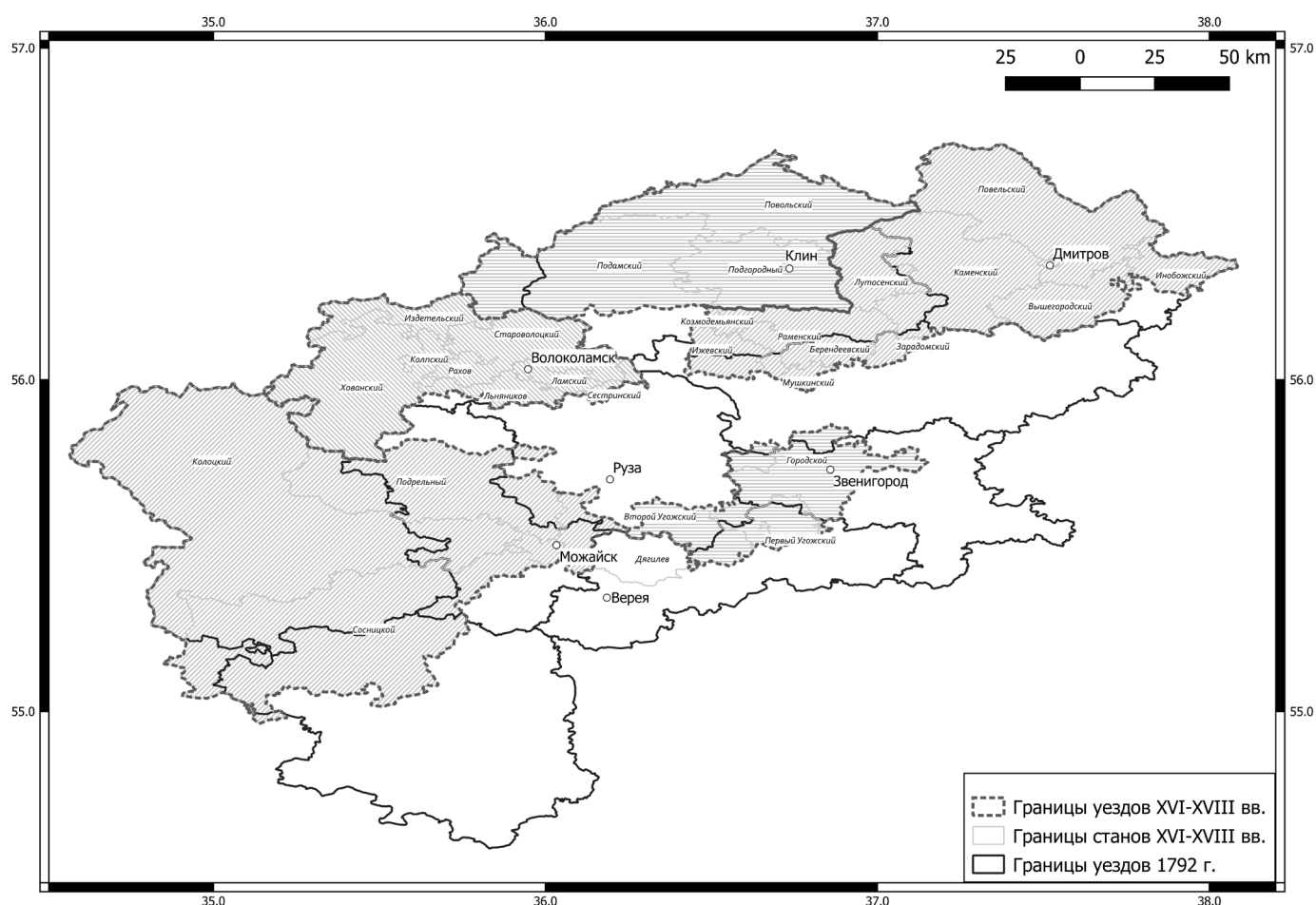
Прекратили ли станы и волости свое существование в последней четверти XVIII в.? Как известно, они исчезли из документации после екатерининской губернской реформы, когда административное деление страны было перестроено на новых, рациональных принципах: население губерний и уездов должно было быть примерно равным, а административные центры должны были, по возможности, быть максимально доступными для жителей. При этом, как показало сопоставление дореформенных и пореформенных уездных границ, в центре страны реформа осуществлялась путем передачи отдельных участков территории от одних административных центров к другим, то есть нельзя сказать, что старые границы были стерты и определены заново, совершенно без всякой оглядки на существовавшее ранее деление [Хитров]. Поскольку речь шла о сложной «пересборке» мозаики из передававшихся от одного центра к другому участков территории, значительная часть старых уездных рубежей сохранилась. Нередко граница продолжала существовать даже когда изменялась административная принадлежность прилегающих к ней территорий: к примеру, обнаруживается линия, которая до реформы разделяла Звенигородский и Московский уезды, а после – Рузский и Воскресенский; имеется даже уникальный случай, когда до реформы границы Ефремовского и Данковского уездов были столь причудливо переплетены, что после реформы сохранившийся участок рубежа по-прежнему разделял эти два уезда, однако они «поменялись местами».

Были ли учтены при «новом разделении границ» границы волостей и станов, иными словами, можем ли мы говорить, что они и выступали в качестве тех фрагментов территориальной мозаики, из которых екатерининские администраторы формировали новые уезды? Если это так, то может оказаться, что низовая, базовая пространственная структура, восходящая к Средневековью, успешно пережила все пертурбации XVIII в. и дожила до 1917 г.

Это можно исследовать, наложив вновь возникшие в ходе екатерининской реформы границы на границы существовавших до нее волостей и станов. К сожалению, проблема в том, что последние практически не картографированы. В распоряжении исследователей на сегодняшний день есть схемы Ю. В. Готье и Я. Е. Водарского, на которых примерно (цифрами) показано расположение станов и волостей в пределах уездов [Водарский, с. 247–263]. Карты петровских геодезистов, важнейший корпус картографических памятников, отражающих дореформенное деление, практически никогда не воспроизводят никаких границ, кроме

уездных²; нет их и на большинстве уездных и губернских карт, составленных в 1760–1770-х гг. [Кабузан]. Со временем проблему смогут решить исследовательские реконструкции, основанные на извлеченных из переписей списках поселений, однако на сегодня таких работ немного.

Поэтому большую ценность представляют ранние уездные планы Генерального межевания по пяти уездам северо-западной части Московской провинции (Можайскому, Волоколамскому, Звенигородскому, Клину и Дмитровскому), составленные на рубеже 1760–1770-х гг., на которых показаны границы станов³. Попробуем сопоставить их с границами пореформенного времени (о методах реконструкции см.: [Хитров]).

Карта 1. Изменение административного деления северо-западных уездов Московской провинции в 1760–1790-х гг.

Внимательное изучение карты 1 показывает, что большинство станов во всех пяти уездах были разрезаны новыми границами. В пределах «старого» Можайского уезда Колоцкий стан почти полностью вошел в Гжатский уезд, но самая его западная часть, вытянутая в сторону Можайска, отошла к этому городу. Южный Сосницкий стан был разрезан границами Гжатского, Юхновского, Медынского и Можайского уездов, принадлежавших к тому же к разным наместничествам. Подрельский стан был почти пополам разделен между Гжатским и Можайским

² Имеются несколько исключений, в основном относящихся к Нижегородской губернии.

³ РГИА. Ф. 1399 (Карты, планы и чертежи Петербургского Сенатского архива). Оп. 1. Ед. хр. 101. Стоит отметить, что перечень станов на них не вполне совпадает с тем, который дает Я. Е. Водарский.

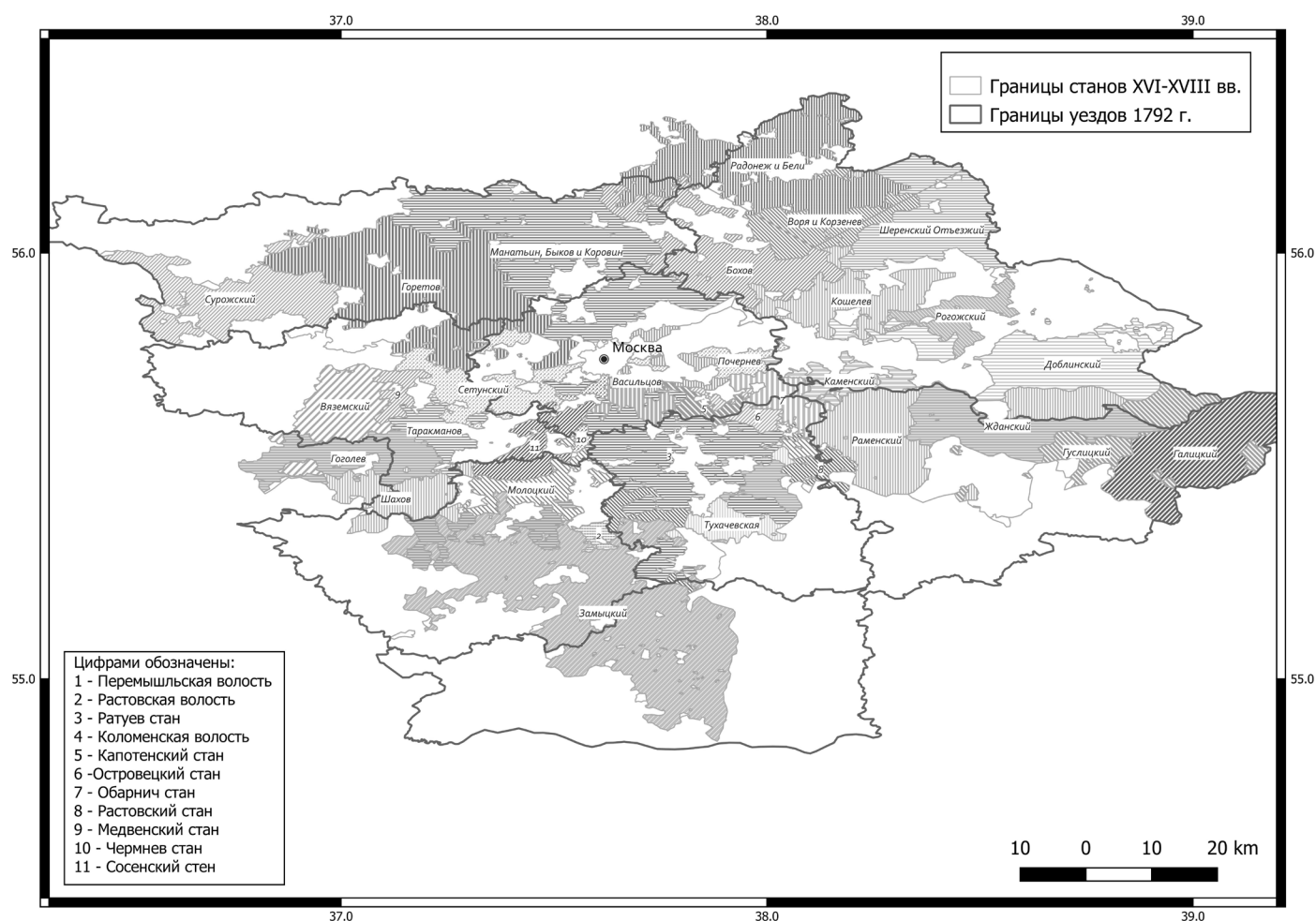
уездами, а его восточные части отошли к Рузскому. Даже совсем небольшой примыкающий к Можайску Дягилев стан был поделен между Рузским, Можайским и Верейским уездами.

Небольшой «старый» Клинский уезд был почти целиком приписан к Клину, так что по его территории прошло совсем немного вновь созданных рубежей. Однако небольшой фрагмент его территории отошел к Волоколамску, и граница прошла, отсекая часть Поламского стана. То же мы наблюдаем в «старом» Волоколамском уезде, который остался приписан к своему городу, только маленькие фрагменты юго-восточного Сестринского стана отошли в Рузский уезд.

«Старый» Звенигородский уезд, с его резко диспропорциональными очертаниями, был разделен между четырьмя новыми: Рузским, Звенигородским, Воскресенским и Верейским. Несмотря на большое количество пересекающих его территорию «старых» (становых) и «новых» уездных границ, не удастся найти ни одного совпадающего участка. Тростенский стан почти целиком вошел в Рузский уезд, но его юго-восточный фрагмент остался в Звенигородском. От Городского стана, большая часть территории которого осталась приписанной к Звенигороду, небольшие фрагменты отошли сразу к трем уездам. Первый Угожский стан в основном оказался в Верейском уезде, но его северная часть – в Звенигородском, а Второй Угожский стан был почти пополам разрезан верейско-рузской границей.

На территории «старого» Дмитровского уезда новые границы появились только в его вытянутой западной части. Маленькие Козьмодемьянский, Зарадомский, Мушинский станы не были разрезаны ими просто в силу размера – первый целиком оказался в Клинском уезде, второй и третий – в Воскресенском. Но Берендеевский и Раменский станы были разделены с востока на запад клинско-воскресенской границей. Лутосненский стан почти целиком отошел к Клину, и это единственный случай, когда его граница с Каменским станом на значительном протяжении совпадает с позднейшей границей Клинского и Дмитровского уездов. Впрочем, это совпадение неполное и в значительной степени обусловлено тем, что граница опирается на течение р. Лутосни. Остальная часть уезда осталась приписанной к Дмитрову и не делилась новыми границами; при этом новые границы пересекали также и территорию Каменского стана, участки которого отошли к Клинскому и Воскресенскому уездам.

Большой интерес представляет также судьба станов и волостей столичного Московского уезда. Будучи одним из крупнейших в государстве по территории и крупнейшим по численности населения, он отличался исключительно сложной административной структурой, что было связано с большим количеством дворцовых волостей и активным развитием здесь институтов «служебной организации» в XVI–XVII вв. К сожалению, карты, подобной рассмотренным выше, в нашем распоряжении нет: карта Московского уезда, входящая в рукописный атлас РГИА, охватывает только часть его территории и не показывает станово-волостного деления. Для его реконструкции имеет смысл воспользоваться методом, предложенным А. А. Фроловым и А. А. Голубинским [Фролов, Голубинский] и опирающимся на планы дач Генерального межевания, на которых часто указывается «дореформенная» принадлежность дачи. В случае Подмосковья дело облегчается тем, что эти материалы были собраны, систематизированы и опубликованы В. С. Кусовым [Кусов]. На основе его справочника была построена карта становой принадлежности всех дач «старого» Московского уезда (карта 2). К сожалению, она имеет значительные пробелы – на многих планах стан или волость не указаны, и такие территории на карте показаны белым цветом.

Карта 2. Изменение административного деления территории «старого» Московского уезда в 1760–1790-х гг.

Несмотря на неполноту данных, очевидно, что и здесь новые границы разрезают подавляющее большинство крупных станов: Горетов, Манатын, Быков и Коровин, Бахов, Радонеж и Бели, Вяземский, Таракманов, Сетунский, Шахов, Сосенский, Ратуев, Замыцкий и др. Практически все «новые» границы идут по территориям станов, а не по их границам. Имеются, правда, и исключения – прежде всего, в восточной части уезда, где граница между Богородицким и Бронницким «новыми» уездами на длительном протяжении соответствует северной границе Жданского и Галицкого станов. Однако нужно иметь в виду, что этот рубеж образуют всего несколько очень крупных земельных дач, принадлежавших дворцовому ведомству и придворной аристократии, так что его устойчивость следует связывать скорее с особенностями землевладения в этой части уезда.

Таким образом, можно достаточно однозначно сказать, что в Подмоскovie станово-волостное деление, в отличие от уездного, совершенно не принималось во внимание при проведении екатерининской административной реформы. Очевидно, речь идет о том, что ко второй половине XVIII в. оно было совершенно утратившим свой первоначальный смысл реликтом. Роль основной низовой пространственной структуры уже давно выполняло дворянское, экономическое и дворцовое землевладение, и никакой потребности в дополнительном, промежуточном между уровнем вотчины и уровнем уезда, делении

не было. Авторы реформы 1861 г., как известно, называли низший полицейский округ станом, а административный – волостью, но это было скорее данью их славянофильским симпатиям, поскольку о преемственности этих единиц с существовавшими в XVI–XVIII вв. говорить не приходится.

Литература

- Аверьянов К. А. Московские станы и волости XIV–XVI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 114–122.
- Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. 266 с.
- Кабузан В. М. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М., 1981. С. 45–56.
- Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. М., 2004. Т. 1. 315 с.; Т. 2. 397 с.; Т. 3. 15 к.
- Флоря Б. Н. «Служебная организация» и ее наследие в Московской Руси XVI–XVII вв. // *Historica. Zbornik filozofickej fakulty university Komenskeho*. Bratislava, 1997. Т. 43. С. 183–188.
- Фролов А. А., Голубинский А. А. Веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха» // *Историческая география*. М., 2016. Т. 3. С. 440–455. DOI 10.21267/aquilo.2016.3.3945
- Хитров Д. А. Реформа административного деления Екатерины II в Московском регионе // *Cahiers du Monde Russe*. 2021. Т. 62. № 1–2. С. 133–152. DOI 10.4000/monderusse.12380

References

- Aver'yanov, K. A. *Moskovskie stany i volosti XIV–XVI vv.* [Moscow Stans and Volosts in the 14th – 16th Centuries]. In *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya*. 1987 g. Moscow, 1989. Pp. 114–122.
- Florya, B. N. “Sluzhebная organizatsiya” i ee nasledie v Moskovskoi Rusi XVI–XVII vv. [“Service Organization” and Its Legacy in Muscovite Rus in the 16th – 17th Centuries]. In *Historica. Zbornik filozofickej fakulty university Komenskeho*. Bratislava, 1997. Т. 43. С. 183–188.
- Frolov, A. A., Golubinskii, A. A. Veb-kartograficheskii resurs “Istochniki po istoricheskoi geografii Bezhetskogo Verkh” [Web Cartographic Resource “Sources on the Historical Geography of the Bezhetsky Verkh”]. In *Istoricheskaya geografiya*. Moscow, 2016. Vol. 3. Pp. 440–455. DOI 10.21267/aquilo.2016.3.3945
- Kabuzan, V. M. *Obzor istoriko-geograficheskikh istochnikov po administrativno-territorial'nomu deleniyu Rossii v 1720–1770 gg.* [Review of Historical and Geographical Sources on the Administrative-Territorial Division of Russia in 1720–1770]. In *Istoricheskaya geografiya Rossii XVIII v.* Moscow, 1981. Pp. 45–56.
- Khitrov, D. A. *Reforma administrativnogo deleniya Ekateriny II v Moskovskom regione* [Reform of the Administrative Division of Catherine II in the Moscow Region]. In *Cahiers du Monde Russe*. 2021. Vol. 62. No. 1–2. Pp. 133–152. DOI 10.4000/monderusse.12380
- Kusov, V. S. *Zemli Moskovskoi gubernii v XVIII veke. Karty uezdov. Opisanija zemlevladienii* [The Lands of the Moscow Province in the 18th Century. Maps of Uezds. Descriptions of Landholdings]. Moscow, 2004. Vol. 1. 315 p.; Vol. 2. 397 p.; Vol. 3. 15 maps.
- Vodarskii, Ya. E. *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka* (Chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie) [The Population of Russia at the End of the 17th – the Beginning of the 18th Century (Number, Class Composition, Placement)]. Moscow, 1977. 266 p.

Dmitry A. Khitrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABOUT THE FATE OF OLD RUSSIAN STANS AND VOLOSTS IN THE 18th CENTURY

The article examines the issue of whether the boundaries of former stans and volosts were taken into account when determining the new uezd borders during the provincial reform of Catherine II. Based on cartographic sources for several uezds of the Moscow province, it is shown that the internal division of uezds was completely ignored by Catherine's administrators.

Keywords: stans, volosts, Moscow province, the provincial reform of Catherine II, historical geography, historical cartography

Е. М. Юхименко

ГИМ, Москва, Россия. *em_yukhim@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ СТАРООБРЯДЦАМИ В НАЧАЛЕ XVIII в. ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 г.

В статье подробно рассматривается факт изучения старообрядцами в начале XVIII в. знаменитого Изборника Святослава 1073 г., который был открыт учеными только в 1817 г. Приводятся доказательства того, что древнюю рукопись непосредственно изучал московский старообрядец Матвей Лысенин около 1709 г., его рабочие материалы (краткое описание и выписки) были использованы выговскими книжниками при написании Дьяконовых ответов в 1716–1719 гг. и Поморских ответов в 1722–1723 гг. Благодаря многочисленным спискам этих полемических сочинений сведения об Изборнике 1073 г. стали достоянием широких старообрядческих кругов.

Ключевые слова: Изборник Святослава 1073 г., старообрядчество, Дьяконовы ответы, Поморские ответы

Открытие второй по древности датированной древнерусской рукописи – Изборника Святослава 1073 г. – стало самой главной находкой археографических экспедиций, организованных графом Н. П. Румянцевым для разыскания отечественных книжных древностей. К. Ф. Калайдович и П. М. Строев с радостью сообщали заинтересованным лицам о своем открытии в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Последний писал А. Ф. Малиновскому 12 июня 1817 г.: «Сей любопытный и драгоценный памятник есть рукописный Сборник, писанный в 1073 году для князя Святослава Ярославича»¹. 25 июня 1817 г. К. Ф. Калайдович проинформировал Н. П. Румянцева: «При разборе небольшого числа оставшихся рукописей... обретен мною сборник, извлеченный из разных духовных книг и написанный в 1073 году повелением великого князя Святослава Ярославича, дьяконом Иоанном. Язык сего сочинения, достопамятные рисунки, несколько слов о библиотеке княжеской и почерк рукописи должны привлечь внимание любителя отечественных древностей»². После передачи Изборника 1073 г. в Синодальную библиотеку в 1884 г. эта «драгоценная находка» прочно вошла в научный обиход [Сводный каталог, с. 36–40, № 4].

Однако почти столетием ранее, в начале XVIII в., этот раритет изучали другие любители отечественных древностей – старообрядцы [Юхименко, 2004; Юхименко, 2009]. Данный факт вскользь упоминался в литературе, посвященной старообрядчеству.

Впервые об использовании в Поморских ответах (1723 г.) Изборника Святослава 1073 г. указал В. Г. Дружинин, отметивший, что составителю критического разбора подложных Деяния на еретика Мартина и Феогностова Требника были «хорошо знакомы харатейные рукописи – изборник Святослава, древние уставы» [Дружинин, 1923, с. 57]³. Столь же кратко о данном факте сообщила И. В. Поздеева [Поздеева, с. 92]. С выговскими книжниками связывали обращение к Изборнику А. Т. Шашков и О. К. Беляева, выявившие ряд рукописных сборников, которые можно по праву считать подготовительными материалами к «Поморским ответам» [Шашков, с. 85, примеч. 31; Беляева, 1986, с. 69]. О. К. Беляева остановилась на интересующем нас факте подробнее: исследовательница отметила, что выговцы привели запись с л. 122 об.

¹ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными / С предисл., примеч. и указат. Е. В. Барова. М., 1882. С. 42.

² Там же. С. 45–46.

³ Ученый полагал, что эту критику источника выполнил единолично Андрей Денисов, однако из других выговских источников (Житие Андрея Денисова, глава «О порицании Питиримовом Андрея Дионисиевича волхвом» // ОР РГБ. Ф. 17 (Собрание Е. В. Барсова). № 156. Л. 132–133) выясняется, что осматривал поддельные рукописи de visu на московском Печатном дворе, где они выставлялись прикованными на цепи, и, следовательно, сделал первичные наблюдения ученик киновиарха – Мануил Петров.

подлинного пергаменного кодекса и описали одну из миниатюр, а также высказала предположение, что раритет старообрядцы видели в Новоиерусалимском монастыре. В статье 1990 г. исследовательница расширила материал, процитировала выписки из Изборника, вошедшие в два старообрядческих сборника начала XVIII в., однако считала, что Изборник был известен дьяконовским и выговским книжникам, и не ставила вопрос, кто именно работал с древней рукописью [Беляева, 1990, с. 12–14].

В настоящее время представляется важным проанализировать упоминание в старообрядческих рукописях начала XVIII в. Изборника 1073 г. более детально и в контексте новых знаний о подготовке и составлении Дьяконовых (1719 г.) и Поморских ответов.

В настоящее время установлено, что обширные подборки церковно-археологических свидетельств в пользу старой веры, датированные 1706–1713 гг. и справедливо названные «Книгами», были составлены идеологом дьяконова согласия Тимофеем Матвеевым Лысениным [Беляева, 1989]. Они действительно послужили подготовительными материалами для написания Дьяконовых ответов [Гурьянова, 2009]. О редакторской работе выговских книжников над текстом Дьяконовых ответов свидетельствуют четыре черновых списка сочинения, которые обнаружила О. К. Беляева [Беляева, 1986; Беляева, 1996]. Эти археографические наблюдения мы подкрепили данными письменных источников. Житие Андрея Борисова, написанное в 1780-е гг., в том числе на основе устных источников, прямо указывает, что «некий человек из согласия поповщина», когда возникла необходимость написать ответы на вопросы епископа Питирима, передал Андрею Денисову необходимые для такой работы материалы, то есть свои подборки доказательств в пользу старой веры; таким человеком мог быть только Т. М. Лысенин [Бубнов, Юхименко; Юхименко, 2016]. Одно из недатированных посланий Андрея Денисова, сопроводительное при посылке еще не оконченного варианта «вопросо-ответного» труда, традиционно связывалось с написанием Поморских ответов [Дружинин, 1912, с. 106–107, № 64; Смирнов, с. 917–919]; мы привели доказательства того, что данное послание относится к более раннему времени (его следует датировать второй половиной 1718 г.) и речь в нем идет о промежуточном варианте текста Дьяконовых ответов [Юхименко, 2016]. Следовательно, Андрей Денисов и его сотрудники являлись не просто редакторами Дьяконовых ответов, как полагала О. К. Беляева, а их составителями; они проанализировали и обобщили обширный комплекс материалов, собранных в том числе Т. М. Лысениным. Когда в 1722 г. сами выговцы оказались перед необходимостью дать письменные ответы на вопросы другого синодального миссионера, они использовали полученный опыт и частично те же свидетельства, но более продуманно, расширенно и с использованием иных принципов систематизации [Юхименко, 2020].

Изложенная последовательность работы старообрядческих книжников по собиранию церковно-археологических свидетельств в пользу старой веры и написанию сводных полемических трудов помогает понять, кто непосредственно изучал Изборник Святослава 1073 г. и кто позднее осмыслял почерпнутые из древней рукописи факты.

Безусловно, честь открытия раритета принадлежит Тимофею Матвееву Лысенину. Москвич по месту жительства (на Керженец переселился около 1708 г.), он тщательно обследовал московские и подмосковные храмы и монастыри на предмет нахождения в них древних предметов (икон, книг, памятников декоративно-прикладного искусства) и старинных росписей, в которых отразилась многовековая отечественная церковная традиция с ее двуперстной формой крестного знамения, однолитерным написанием имени Спасителя, сугубой аллилуйей и многими другими проявлениями, отвергнутыми церковной реформой патриарха Никона.

«Книги» Тимофея Лысенина, как правило, завершаются «Прощением» с датой, что позволяет точно датировать их периодом с 1706 по 1713 г. Эти авторские сборники, имеющие различный состав и в то же время общее ядро, переписывались с черновых материалов помощниками Лысенина под его контролем [Юхименко, 2016, с. 430–433].

Пространная выписка из Изборника 1073 г. содержится в «Книге» Тимофея Лысенина 1711 г.⁴ Ее предваряет киноварный текст: «Есть книга Соборникъ харатейной древней зѣло, слова и застовицы прописаны золотомъ. В немже и лѣтопись сице написана от задняя доски». Далее с точным соблюдением деления на короткие строки (за исключением первых трех строк) переписана запись писца дьяка Иоанна, находящаяся на л. 263в–264а подлинника:

Въ лѣто СФПА (6581) написа ѿаннь диякъ

Изборьникъ съ. великому кнзю Стославу:

Великѣи вы князьхъ кнзъ Стославъ:

Въжделаніемъ зѣло въжделавъ.

Дръжаливыи владыка обавити.

Покровеныя разумы въ глубинѣ.

Многостръпѣтныхъ сихъ книгъ.

Прѣмудраго Василя вразумѣхъ.

Повелѣ мнѣ немудроу вѣднѣю.

Прѣмѣну сътворити рѣчи. инако,

Набѣдѣште тождѣство разумъ его.

Яже аки бѣчела лѣбодѣльна.

Съвьсякаго цвѣта псаніюу⁵.

Ввелъ мысленое срѣце свое.

Проливаетъ акы сътъ сладѣпѣ⁶.

Изоустъ своихъ предѣболяры.

Навъразуміе тѣхъ мѣслемъ. //

Являяся имъ новый Птоломей⁷.

Не вѣроуѣ ножеланіемъ паче.

Исѣбора дѣля мночѣстныхъ.

Божѣствныхъ книгъ въсѣхъ

Имиже и своя полаты испѣльнѣ.

Вѣчноуѣ си память сътвори.

Еже памяти вину въсприяти.

Буди христолюбивѣй его дѣши.

Въ отѣмѣшеніе вѣнцемъ.

Блаженныхъ и стѣихъ мужъ.

Вънепрѣбр домыи⁸ вѣкъ вѣкомъ⁹.

⁴ ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 383 (далее – Егор. 383). Л. 154–155. Состав сборника см.: [Гурьянова, 2014, с. 39–40].

⁵ Далее пропущена одна строка оригинала: «Събравъ акы единъ сътъ» (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 1043. Л. 263г).

⁶ Допущена описка, в оригинале ясно читается: «сладѣкъ».

⁷ В оригинале: «Птоломей».

⁸ Прилагательное «непрѣбрѣдомый» (‘непреходящий’, ‘нескончаемый’), относящееся к архаическому слою церковнославянского языка и после XV в. в древнерусских рукописях не встречающееся (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2002. Т. 5. С. 334; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. Вып. 11. С. 242), не было понятно старообрядцу начала XVIII в., поэтому слово разделено на две части.

⁹ Егор. 383. Л. 154–154 об.

Как видим, Т. М. Лысенин достаточно внимательно (за исключением пропуска одной строки) переписал древний текст, в основном правильно разделил его на слова (лишь в одном случае смысл не был понят), воспроизвел языковые и графические особенности оригинала. Стоит отметить, что писцовую запись дьяка Иоанна мог заметить лишь внимательный читатель, поскольку она не завершала собой кодекс – после нее еще был переписан «Летописец вкратце» патриарха Никифора. Помимо этой записи старообрядческий книжник скопировал и более позднюю запись, XII–XIII вв., на л. 122 об. с упоминанием епископа Дионисия: «Да на 16 тетрати на 7-м листу на оборотѣ написано сице, на концѣ слова: Благовѣрнии и хрѣстолюбвии и священни и епѣпъ Дионисіи. Первое болшимъ бысть должнѣшное»¹⁰.

После этих записей, свидетельствующих об исторической ценности памятника, Тимофей Лысенин привел найденное им в этой рукописи, на миниатюре «Отцы Церкви» (Л. 128) свидетельство двуперстного архиерейского благословения: «На той же тетрати на 5-м листу. Есть црковь в лицахъ изъбрана златомъ и красками разными, в неже стоят стители многия, держутъ в рукахъ книги. У единого же стителя брада аки Василия Великого, у негоже благословенная рука // сложеніе перствъ имать по Феодорітову писанію, якже выше изъобразихомъ»¹¹. Это изображение можно было обнаружить также лишь при внимательном изучении всех четырех фронтисписов (Л. 3, 3 об., 128, 128 об.), на которых представлены многочисленные Отцы Церкви: их жесты различны (кто держит книгу, кто крест), и только у одного святителя, похожего на Василия Великого, рука сложена в благословляющем жесте. Тимофей Лысенин дополнил описание изображением этой благословляющей руки¹².

Данное свидетельство завершало обширную подборку в пользу двуперстия, проиллюстрированную «ручками» и имевшую заголовок: «Повѣсть чудна и зѣло полезна, сложена от древняго писания о иконномъ изображении, како и когда зачатся иконное изображение...»¹³.

Подтверждением того, что Изборник Святослава 1073 г. непосредственно в месте его тогдашнего хранения изучал именно Т. М. Лысенин, служит упоминание о древней рукописи в другой его «Книге», законченной 9 июня 1709 г. Московский книжник, помимо общестарообрядческой проблематики искавший обоснования правильности некоторых отличительных взглядов дьяконовского согласия, обратил внимание, что два фронтисписа в виде храмов увенчаны четырехконечным крестом (Л. 128, 128 об.). Эта отсылка к авторитетному источнику расширила круг свидетельств о допустимости использования в некоторых случаях помимо восьмиконечного креста четырехконечного (в частности, на куполах храмов). Сделав прорисовки двух изображений четырехконечного креста из миниатюр Изборника, Тимофей Лысенин записал: «Сицевымъ образомъ святыя кресты написаны в лицахъ въ книге Соборнике харатейномъ писменномъ в дестъ в лѣто 6581 на святыхъ церквахъ. А та книга писана князю Святославу, нынѣ же она в Воскресенскомъ монастырѣ в строении Никона патриарха московскаго»¹⁴.

Таким образом, Т. М. Лысенин оставил нам важное историческое свидетельство о нахождении рукописи в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре не позднее первых годов XVIII в., что дает основания отнести кодекс к книжному собранию патриарха Никона, имевшего неограниченные возможности для выявления и приобретения редчайших

¹⁰ Там же. Л. 154 об.

¹¹ Там же. Л. 154 об.–155. Старообрядческий книжник указывает: «На той же тетрати...», однако на самом деле это следующая, 17-я тетрадь Изборника.

¹² Там же. Л. 155.

¹³ Там же. Л. 127–155.

¹⁴ РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 2030. Л. 41 об.

книжных памятников. Нет ничего удивительного в том, что старообрядческий начетчик обратился к этому монастырскому собранию. Как нами установлено, в книгохранительнице Воскресенского Новоиерусалимского монастыря Т. М. Лысенин подробно изучил 10 древних книжных памятников (включая одно редкое печатное издание) [Юхименко, 2007].

Благодаря Тимофею Лысенину Изборник Святослава 1073 г. вновь вошел в обиход книжников-начетчиков. Выговцы, получив в свое распоряжение материалы Лысенина и, в частности, «Книгу» 1711 г., обратили особое внимание на древность пергаменной рукописи. Выговским почерком сделана помета на поле, напротив воспроизведения записи дьяка Иоанна: «По сие настоящее лѣто 7224-е (1716) какъ написанъ сей соборник 643 лѣта»¹⁵. Этим же почерком выполнены тексты на вклеенных в «Книгу» 1711 г. вставных листах меньшего формата с дополнительными свидетельствами [Юхименко, 2016, с. 433–434].

При написании Дьяконовых ответов Андрей Денисов и его сотрудники использовали свидетельство Изборника относительно двуперстной формы архиерейского благословения: «Такожде в книзѣ харатейной Василия Великаго, писанной в лѣто 6581 великому князю Святославу, воображен в лицах Василий Великий, благословящая рука двѣма перстома»¹⁶.

В Поморских ответах этот довод использован вновь: «В древлехаратейной книзѣ, именуемѣй Соборник, писаннѣй, по ея описанию в лѣто 6581, великому князю Святославу, воображен в церкви Василий Великий, благословящую руку имѣя двѣма перстома»¹⁷.

Как видим, сведения, приведенные выговскими книжниками в том и другом сочинении, не выходят за рамки описания Тимофея Лысенина, причем каждый раз обращались непосредственно к его тексту (между вышеприведенными цитатами нет текстуальной зависимости; в Дьяконовых ответах харатейная книга неточно названа «Василия Великого»). Следовательно, выговцы сами с Изборником 1073 г. не работали¹⁸, но материалы своего предшественника изучали очень внимательно. Расширив в Поморских ответах критический разбор подложного Деяния на еретика Мартина, Андрей Денисов с сотрудниками добавили еще один изобличающий фальсификаторов довод – употребление даты от Рождества Христова, тогда как в древних книгах приводились даты исключительно от сотворения мира: «... и в древлехаратейном Соборницѣ: в лѣто 6581 написа Иоанн дияк Изборник сей великому князю Святославу»¹⁹.

Необходимость ведения полемики с господствующей церковью и доказательства своей укорененности в отечественной православной традиции инициировала обширные церковно-археологические разыскания, которые предприняли поборники древнего благочестия в начале XVIII в. В ходе этой работы велись поиски и изучение отечественных древностей – книг, икон, предметов церковного искусства. Не позднее 1709 г. в поле зрения москвича Тимофея Матвеева Лысенина попала одна из древнейших рукописных книг – Изборник Святослава 1073 г. Старообрядческий книжник старательно скопировал записи из этого кодекса, отметил его богатое убранство и подробно описал миниатюру фронтисписа, в которой обнаружил свидетельство древности двуперстной формы архиерейского благословения. Выговские книжники, используя материалы Т. М. Лысенина при составлении полемических трудов 1719 и 1723 гг., не упустили столь важного исторического свидетельства. Вместе с многочисленными

¹⁵ Егор. 383. Л. 154.

¹⁶ Ответы Александра диакона (на Керженце), поданные Нижегородскому епископу Питириму в 1719 г. М., 1994 (Репринт изд.: М., 1906). С. 34 (ответ 4, статья 1, свидетельство 48).

¹⁷ Поморские ответы. М., 1996 (Репринт изд.: [М., 1911]). С. 33 (ответ 5, свидетельство 15).

¹⁸ Хотя выговские книжники не были знакомы непосредственно с оригиналом Изборника 1073 г., в своей библиотеки они имели список этого памятника третьей четверти XV в. и тщательно изучали его текст [Юхименко, 2000].

¹⁹ Поморские ответы. С. 83.

списками Дьяконовых и Поморских ответов упоминание Изборника 1073 г. разошлось по старообрядческим общинам всей России задолго до открытия этой уникальной рукописи светскими учеными в 1817 г.

Литература

Беляева О. К. Старообрядческая рукописная традиция начала XVIII в. и работа выговских книжников над «Поморскими ответами» // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 63–69.

Беляева О. К. Полемические сборники и сочинения старообрядцев диаконовского согласия (некоторые предварительные замечания) // Христианство и Церковь в России феодального периода. Материалы. Новосибирск, 1989. С. 211–227.

Беляева О. К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 9–16.

Беляева О. К. Редакторская работа выговских книжников над «Дьяконовыми ответами» // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 37–52.

Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М. Дьяконовы ответы // ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 516–518.

Гурьянова Н. С. Сборник подготовительных материалов к Дьяконовым ответам // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 58–80.

Гурьянова Н. С. О сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск, 2014. С. 23–41.

Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912. 534 с.

Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII ст. // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1–66.

Поздеева И. В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР. 1988. № 1. С. 88–92.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. 404 с.

Смирнов П. С. Выговская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования (Особенности учения и важнейшие события) // Христианское чтение. 1910. Т. 233. Май – июнь. С. 638–674; Июль – август. С. 910–934.

Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – XVIII в. (подделка и ее разоблачение) // ТОДРА. Л., 1979. Т. 33. С. 80–87.

Юхименко Е. М. Список Изборника Святослава 1073 г. в библиотеке Выговского монастыря // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 233–242.

Юхименко Е. М. Старообрядческий опыт церковной археологии // Патриарх Никон и его время. М., 2004. (Труды ГИМ. Вып. 139). С. 348–363.

Юхименко Е. М. Новый Иерусалим и старообрядцы в начале XVIII в. // Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Россия и православный Восток: новые исследования по материалам архивов и музейных собраний. М., 2007. С. 207–214.

Юхименко Е. М. Памятники церковной старины как главный довод в полемике старообрядцев и новообрядцев // Старообрядчество: История и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28–30 октября 2008 г. СПб., 2009. С. 32–35.

Юхименко Е. М. К истории Дьяконовых ответов: Новая атрибуция одного из посланий Андрея Денисова // ТОДРА. СПб., 2016. Т. 64. С. 422–434.

Юхименко Е. М. Поморские ответы // ПЭ. М., 2020. Т. 58. С. 432–435.

References

Belyaeva, O. K. Staroobryadcheskaya rukopisnaya traditsiya nachala XVIII v. i rabota vygovskikh knizhnikov nad “Pomorskimi otvetami” [The Old Believers’ Manuscript Tradition at the Beginning of the 18th Century and the Work of the Vyg Scribes on the “Pomorian Answers”]. In *Istochniki po istorii russkogo obshchestvennogo soznaniya perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1986. Pp. 63–69.

Belyaeva, O. K. Polemicheskie sborniki i sochineniya staroobryadtsev diakonovskogo soglasiya (nekotorye predvaritel’nye zamechaniya) [Polemical Miscellanies and Writings of the Old Believers of the Diacon

- Concord (Some Preliminary Remarks)]. In *Khristianstvo i Tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda. Materialy*. Novosibirsk, 1989. Pp. 211–227.
- Belyaeva, O. K. K voprosu ob ispol'zovanii pamyatnikov drevnerusskoi pis'mennosti v staroobryadcheskikh polemicheskikh sochineniyakh pervoi chetverti XVIII v. [On the Question of the Use of Monuments of Old Russian Writing in Old Believer Polemical Writings of the First Quarter of the 18th Century]. In *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990. Pp. 9–16.
- Belyaeva, O. K. Redaktorskaya rabota vygovskikh knizhnikov nad "Diakonovymi otvetami" [Editorial Work of Vyg Scribes on "Diacon Answers"]. In *Russkoe obshchestvo i literatura pozdnego feodalizma*. Novosibirsk, 1996. Pp. 37–52.
- Bubnov, N. Yu., Yukhimenko, E. M. D'yakonovy otvety [Diacon Answers]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2007. Vol. 16. Pp. 516–518.
- Druzhinin, V. G. Pisaniya russkikh staroobryadtsev: Perechen' spiskov, sostavlennyy po pechatnym opisaniyam rukopisnykh sobranii [Writings of Russian Old Believers: A List of Copies Compiled from Printed Descriptions of Manuscript Collections]. Saint Petersburg, 1912. 534 p.
- Druzhinin, V. G. Pomorskie paleografy nachala XVIII st. [Pomorian Paleographers of the Beginning of the 18th Century]. In *Letopis' zanyatii Arkheograficheskoi komissii za 1918 g*. Petrograd, 1923. Issue 31. Pp. 1–66.
- Gur'yanova, N. S. Sbornik podgotovitel'nykh materialov k D'yakonovym otvetam [Miscellany of Preparatory Materials for Diakon Answers]. In *Arkheograficheskie issledovaniya otechestvennoi istorii: tekst istochnika v literaturnykh i obshchestvennykh svyazyakh*. Novosibirsk, 2009. Pp. 58–80.
- Gur'yanova, N. S. O sbornikakh podgotovitel'nykh materialov k "D'yakonovym otvetam" [About the Miscellanies of Preparatory Materials for the "Diacon Answers"]. In *Teksty istochnikov po istorii Rossii i natsional'naya kul'turnaya traditsiya*. Novosibirsk, 2014. Pp. 23–41.
- Pozdeeva, I. V. Drevnerusskoe nasledie v istorii traditsionnoi knizhnoi kul'tury staroobryadchestva (pervyy period) [The Old Russian Heritage in the History of the Traditional Book Culture of the Old Believers (The First Period)]. In *Istoriya SSSR*. 1988. No. 1. Pp. 88–92.
- Shashkov, A. T. Maksim Grek i ideologicheskaya bor'ba v Rossii vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. (poddelka i ee razoblachenie) [Maximus the Greek and the Ideological Struggle in Russia in the Second Half of the 17th – 18th Centuries (Counterfeit and Its Disclosure)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1979. Vol. 33. Pp. 80–87.
- Smirnov, P. S. Vygovskaya bespopovshchinskaya pustyn' v pervoe vremya ee sushchestvovaniya (Osobennosti ucheniya i vazhneishie sobytiya) [Vyg Bespopovets Pustyn' at the Beginning of Its Existence (Features of the Doctrine and the Most Important Events)]. In *Khristianskoe chtenie*. 1910. Vol. 233. May – June. Pp. 638–674; July – August. Pp. 910–934.
- Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR. XI–XIII vv. [The Consolidated Catalogue of Slavic-Russian Handwritten Books Stored in the USSR. 11th – 13th Centuries]. Moscow, 1984. 404 p.
- Yukhimenko, E. M. Spisok Izbornika Svyatoslava 1073 g. v biblioteke Vygovskogo monastyrya [Copy of the 1073 Svyatoslav's Izbornik in the Library of the Vyg Monastery]. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka*. Moscow, 2000. Pp. 233–242.
- Yukhimenko, E. M. Staroobryadcheskii opyt tserkovnoi arkheologii [The Old Believers' Experience in Church Archaeology]. In *Patriarkh Nikon i ego vremya*. Moscow, 2004. (Trudy GIM. Issue 139). Pp. 348–363.
- Yukhimenko, E. M. Novyi Ierusalim i staroobryadtsy v nachale XVIII v. [New Jerusalem and the Old Believers at the Beginning of the 18th Century]. In *Pyatye chteniya pamyati professora Nikolaya Fedorovicha Kaptereva: Rossiya i pravoslavnyi Vostok: novye issledovaniya po materialam arkhivov i muzeinykh sobranii*. Moscow, 2007. Pp. 207–214.
- Yukhimenko, E. M. Pamyatniki tserkovnoi stariny kak glavnyi dovod v polemike staroobryadtsev i novoobryadtsev [Monuments of Church Antiquity as the Main Argument in the Polemic of Old Believers and New Believers]. In *Staroobryadchestvo: Istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 28–30 oktyabrya 2008 g*. Saint Petersburg, 2009. Pp. 32–35.
- Yukhimenko, E. M. K istorii D'yakonovykh otvetov: Novaya atributsiya odnogo iz poslanii Andrey Denisova [To the History of Diakon Answers: A New Attribution of One of Andrey Denisov's Messages]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2016. Vol. 64. Pp. 422–434.
- Yukhimenko, E. M. Pomorskie otvety [Pomorian Answers]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2020. Vol. 58. Pp. 432–435.

STUDY OF THE 1073 SVYATOSLAV'S IZBORNIK
BY THE OLD BELIEVERS AT THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY

The article thoroughly examines the fact of the study by the Old Believers at the beginning of the 18th century of the famous 1073 Svyatoslav's Izbornik, which was discovered by scientists only in 1817. Evidence is given that the ancient manuscript was directly studied by the Moscow Old Believer Matvey Lysenin around 1709; his working materials (a brief description and extracts) were used by Vyg scribes when writing Diacon Answers in 1716–1719 and Pomorian Answers in 1722–1723. Thanks to the numerous copies of these polemical writings, the information about the 1073 Izbornik became the property of a wide range of Old Believers.

Keywords: 1073 Svyatoslav's Izbornik, Old Believers, Diacon Answers, Pomorian Answers

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.025

М. Р. Яфарова
ИРИ РАН, Москва, Россия. tryaf@bk.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИТОГАХ ЧИГИРИНСКОГО ПОХОДА 1678 г.

В статье на основании материалов европейской прессы и их обзоров, подготовленных для царя и Боярской думы (Курантов), рассматриваются сведения о русско-османских боевых действиях и известия о состоянии двух армий после Чигиринского похода 1678 г., которые поступали в европейские издания. Показано, что в сообщениях европейской прессы о Чигиринском походе 1678 г. можно выделить три периода, при этом с конца 1678 г. говорится о больших потерях и малых достижениях турецких войск.

Ключевые слова: русско-турецкая война, Чигиринские походы, 1678 г., Куранты, европейская пресса

Османский поход на Чигирин в 1678 г. стал одной из крупнейших военных операций последней четверти XVII в. в Восточной Европе. В ходе этой военной кампании 120-тысячная турецко-татарская армия во главе с великим визирем Карой Мустафой-пашой должна была овладеть Чигиринской крепостью и, утвердив в ней власть турецкого ставленника Юрия Хмельницкого, двинуть свои войска далее – на Киев и Левобережную Украину. После значительных столкновений османской армии с русско-украинскими войсками Чигиринский поход 1678 г. завершился взятием и уничтожением турками Чигирина. Итоги этой кампании русская сторона оценила как ничью, при этом ей удалось сохранить боеспособную армию: в грамоте царя Федора Алексеевича турецкому султану Мехмеду IV подчеркивалось, что русско-украинская армия имела с турками бой и «после тех боев войска обеих сторон разошлись в свой край»¹. Османы же считали себя победителями: в грамоте султана Мехмеда IV, направленной в Москву в 1682 г. после ратификации Бахчисарайского договора, говорилось, что между русско-турецкими

¹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией – (коллекция) из фондов Боярской думы, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. Кн. 18. Л. 33 об. Стоит отметить, что официальная позиция Российского государства в переговорах с польской стороной, отчасти из-за возможного заключения русско-польского союза против Османской империи, была более конкретной. Так, в наказе великим послам во главе с И. В. Бутурлиным, направленным в Речь Посполитую в 1679 г., подчеркивалось, что после прихода турок к Чигирину «великого государя ратные люди тех неприятелей мужественно побивали многожды», особенно обращая внимание на победу на Чигиринских горах. Кроме того, отмечалось, что «из Чигирина против тех неприятелей на вылазки выходили почасту». В то же время Чигиринской крепости «помочи было учинить невозможно» из-за необходимости форсировать р. Тясьму, которая «велми болотиста и к берегам неприступна, а где было возможно и перейти, и в тех местах с неприятельской стороны учинены крепости и приведены многие пушки» (РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей – (коллекция) из фондов Боярской думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. Кн. 189. Л. 370–371).

войсками «бои и побиение было, и огненные бои были, и в тех боях многие искры огненные разсыпались. Тамошних стран подданные у нашего несметного войска у людей под коневыми копытами достались, а которые остались, всех поранили и безмочных чинили»². В Стамбуле состоялись торжественные празднества, были составлены победные «газанама» [Vuslati Ali Bey]. В то же время османам не удалось захватить всю Украину, а власть Ю. Хмельницкого после отхода турок к Дунаю опиралась на поддержку крымских татар.

Как видно, русская и османская официальные оценки итогов кампании существенно различались. С этим связано отсутствие единства в оценке исхода Чигиринского похода 1678 г. и среди исследователей: одни считают действия русско-украинской армии успешными [Водарский; Смирнов], другие рассматривают их как ее поражение [Седов; Шамин, с. 140]. В то же время известно о значительном интересе к этому событию в Европе, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные упоминания о нем в европейской прессе этого периода. Подробный анализ этих свидетельств на материалах Курантов был сделан С. М. Шаминым с упором на оценку общего объема «оказавшихся на страницах немецкой и голландской прессы сведений о русско-турецком конфликте» [Шамин, с. 139]. Между тем такой значимый аспект, как освещение русско-османских боевых действий и рассмотрение конкретных известий о состоянии двух армий после кампании 1678 г., ранее не был предметом специального изучения. Сохранившиеся комплексы источников: донесения европейских дипломатов³, а также материалы европейской прессы и их обзоры, подготовленные для царя и Боярской думы, отложившиеся в РГАДА (ф. 155), позволяют, несмотря на гипертрофированность некоторых сведений, в частности информации о боевых потерях, подробнее представить оценку этого события на европейской политической арене и по-новому взглянуть на итоги кампании 1678 г.

В сообщениях европейской прессы о событиях Чигиринского похода 1678 г. хорошо просматривается несколько периодов.

Известия о русско-турецких столкновениях под Чигирином стали появляться в европейской печати еще в самый разгар русско-турецких столкновений [Шамин, с. 140]. Так, в прессе, полученной в Москве в начале сентября, присутствовало сообщение из Венеции, датированное концом июля, что «войска московские бились с турки и одержали над ними победу и убили турков болши 60 000»⁴. Из Львова, видимо, имея в виду одну из попыток штурма Чигиринской крепости, сообщалось, что «турки учинили к Чигирину генеральной приступ и потеряли многих людей, а города не взяли»⁵. Позднее из Львова пришли известия о 12 тысячах убитых только при осаде Чигирина турок⁶. Из Гамбурга поступали сведения, что «московские ратные люди оружием своим изрядную победу против турков одержали, и что московское и казацкое войско нечаемо нашли, переправясь чрез Днепр, на турецкое войско, и побили из них себе обороняющих с сорок или с 50 000 человек»⁷. Также согласно известиям, полученным дьяком К. Виниусом в августе 1678 г., в Гданьске было «ведомо, что Москва турков зело побила»⁸. В голландском издании «Amsterdamse Dingsdaegse Courant» (1678. № 37) на основании донесений из турецкого лагеря в начале августа 1678 г. отмечалось, что возможность успеха османских войск под Чигирином была незначительной⁹.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 3. 1681 г. Д. 3. Л. 38.

³ Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawie pod Czehryn // Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chehnriskiego, do Turcji w latach 1677–1678. Warszawa, 1907. T. 20; De La Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. Paris, 1689.

⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 4. Л. 137.

⁵ Там же. Л. 138.

⁶ Там же. Л. 161.

⁷ Там же. Л. 146–147.

⁸ Там же. Л. 139.

⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 4. См. русский перевод: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 4. Л. 152.

Как видно, география стран, следивших за русско-турецким конфликтом, была достаточно широка, при этом в сообщениях подчеркивался успех русского оружия. Кроме того, обращает на себя внимание положительная оценка боевых действий российских войск с польской стороны. Это объяснялось прежде всего политическими мотивами. Речь Посполитая не спешила выводить свои гарнизоны из городов, уступленных ранее по Журавенскому миру 1676 г. Османской империи. В этой связи они «еще смотреть хотят, что учинится с Москвою, и естли буде Москва одолеет, то городов не отдадут, хотя и послов засадят»¹⁰.

Информацию об успехах русско-украинской армии в этот период подтверждали и сами московские власти, направив 10 августа 1678 г. (до падения Чигиринской крепости) для европейской прессы краткую сводку следующего содержания: «турки с великою ревностию к Чигирину приступали, но московские ратные храброй им учинили отпор, и неприятелей в розных приступах великое число побили... и... еще с турками жестокой бой был в поле, на котором великой урон над неприятели учинился»¹¹.

Ситуация в освещении событий, однако, изменилась после падения Чигиринской крепости, произошедшего в ночь с 11 на 12 августа 1678 г., и отхода русско-украинской армии к Днепру¹². Примечательно, что по распространяемой информации из турецкого лагеря под Чигирином османам удалось одержать победу над противником, чья численность превышала их собственную в два раза. Как отмечал польский дипломат Самюэль Проский, который сопровождал турецкую армию в походе 1678 г., численность русско-украинских войск была оценена османами более чем в 300 тысяч человек при 200 орудиях¹³. В этой связи османскому командованию казалась странной осторожность князя Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, не решившихся вступить с османами в прямое вооруженное столкновение. Стоит отметить, что и русско-украинское командование также считало, что численность османских войск доходила до 300 тысяч человек¹⁴. Кроме того, по словам гетмана И. Самойловича, «идучи... под Чигирин пространными по сей стороне Днепра полями и пространно становячися обозами, и тогда виделось, что есть безчисленные с нами силы, и они поистине многие были... Но когда пришли есмы под Чигирин близко и стали своими обозами против везира турского, с войски стоящего в то время, кто ни есть разсудително взирал на обе стороны войск, на обозы ратей государских и турецких, тот поистине должен есть признати, что нас и половины не было против их поганского множества»¹⁵. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация, когда в обеих армиях значительно преувеличивали численность противника. Однако в этот период преобладали сообщения о разгроме османами русско-украинских войск, существенно превосходивших их числом.

Такая оценка событий сразу же нашла отражение в европейской прессе.

Уже в начале сентября 1678 г. в издании «Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant» (1678. № 38) подчеркивалось, что, несмотря на огромное численное превосходство, 300-тысячная русская армия действовала нерешительно, позволив туркам захватить Чигирин¹⁶.

¹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 4. Л. 138–139.

¹¹ Там же. Л. 146.

¹² При этом первые опасения за судьбу Чигирина стали появляться именно с польской стороны. Так, из Варшавы в середине августа была отправлена информационная сводка о том, что «московские ратные люди не намерены суть тот город выручать, о чем зело худые последования чинитися могут» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 4. Л. 146).

¹³ Samuela Proskiego Dyaryusz wyprawie pod Czehryń. S. 374. Стоит отметить, что численность османской армии во время похода 1678 г. достигала 120 тысяч человек, в то время как численность объединенной русско-украинской армии составляла 80 тысяч человек (см. подробнее: [Яфарова, с. 190–251]).

¹⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 12. Д. 1157. Л. 66–67.

¹⁵ РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. Д. 154. Л. 165–166.

¹⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 3.

Во французской газете «Recueil des Nouvelles Ordinaires et Extraordinaires» по сообщениям из Львова отмечалось, что великий визирь Кара Мустафа-паша, не испугавшись 300-тысячной русской армии, сумел захватить Чигирин и «вынудил [русских] переправиться через Днепр и получил владычество над всей частью Украины по эту сторону Днепра»¹⁷.

В конце ноября 1678 г. из Венеции поступили сведения о безоговорочной победе османов: «пришел великой везир с великою победою и изрядством понеж пред собою велел носить различные знамена, и прапоры, и знаки, а великое число вязней, в полон взятых, велел на трои сутки чепми прикованных за городом держать всякому на позоре, чтоб на них всяк смотрел, и хочет тех вязней ныне послать в Царьгород, чтоб прикрепить на катаргах и мучить вечною работою. В Андреенополи великая радость была о адержанной победе помянутого везира, и наивящая была радость»¹⁸. Далее подчеркивалось, что визирь прибыл «с великою победою, привозя невольников мужеска и женска полу многое число для свидетельства победы против московских»¹⁹. Как представляется, столь однозначная оценка итогов войны была обусловлена воздействием турецкой пропаганды. Примечательно, что значительную часть пленных составляли мирные жители, поскольку среди захваченных турками отмечается большое количество женщин.

Русское правительство в этот период внимательно следило за сообщениями европейской прессы о положении дел в Стамбуле, поскольку его собственные источники информации из-за отсутствия постоянных дипломатических представительств при европейских дворах были довольно ограничены.

Начиная с конца осени 1678 г. тон сообщений европейской прессы об итогах конфликта на Украине снова поменялся. Значительная часть известий, касающихся русско-турецких столкновений, теперь концентрировала внимание на состоянии османской армии после кампании 1678 г., при этом наибольшее количество сведений поступало из Венецианской республики и Австрийской империи. Это объясняется заинтересованностью данных стран в продолжении военных действий против турок и обсуждении проектов соглашений ряда христианских государств против Османской империи (см. подробнее об этом: [Флоря]).

Так, из Венеции в европейскую прессу в середине ноября поступила информация, что в армии великого везира Кара Мустафы-паши «осталось толко 40 000 человек. А достолные погибли моровым поветрием и от иных злополучений»²⁰. Уже в начале февраля 1679 г. венецианские политические круги, по всей видимости, были склонны рассматривать кампанию 1678 г. как неудачную для Османской империи: «Многие грамотки к нам пришли, подтверждая великую победу, как московские оружием своим над турками получили, так что едва в будущей весне и впредь войну всчинати будет ли с кем»²¹. И далее сообщалось, что «из Царяграда к нам возвещают, что турских ратных людей, из Украины возвращающихся, чрез неприятельския наступления и иные напасти едва осталось з 10 000 человек, и великая ныне распря чинитца у янычан, к измене склоняемых и не хотящих впредь итти на войну против московских сил. Понеже из них зело многие в прежней службе погибли, и салтаново жалование им скудно чинитца. Народ же турской велми опасаетца, чтоб Чигирин город от московских паки не укреплен был и чтоб впредь от них же наивящие воинские промыслы не учинились, а про то подлинно ведомо, что турским ратным людем указано в будущей войне токмо поступати, оберегая

¹⁷ Recueil des Nouvelles Ordinaires et Extraordinaires [Gazette]. 1678. № 100. Nouvelle Ordinaires, du 15 Octobre 1678. P. 849.

¹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Д. 4. Л. 50–51.

¹⁹ Там же. Л. 53.

²⁰ Там же. Л. 48.

²¹ Там же. Л. 83.

себя»²². В марте из Вены в европейской прессе появилась следующая оценка военных действий в 1678 г.: «московские ратные люди турком беды великие чинят и частым нападением своим больши дватцати тысяч человек побили и весь обоз их да дватцать пушек взяли»²³.

Эти сведения соотносятся с информацией, полученной от дипломатов других стран, о настроениях в правящих кругах Порты, которые резко контрастировали с официальными победными реляциями. Французский дипломат Франсуа де Ла Круа, находившийся в Османской империи, писал: «В конце октября великий визирь вернулся в Адрианополь с остатками своих победоносных, которые скорее выглядели понесшими кровавое поражение, войск. Это предприятие стоило туркам такой усталости, что вместо того, чтобы обрадовать их, привело в столь сильное уныние, что первый министр, чувствуя невозможность заставить их вернуться в следующую кампанию на Украину по причине тяжести испытанных ими невзгод, убедился в том, что расширять оттоманские границы за счет тех пустынь опасно. Взятие, сожжение и разрушение Чигирина дало им очень мало»²⁴.

Кроме того, в османских кругах в январе – феврале 1679 г. активно обсуждался вопрос о продолжении военных действий на Украине, при этом часть турецкого правительства, по всей видимости, настаивала на заключении мира с Москвой и начале войны с Австрийской империей. Информация об этом попала венецианской стороне, по сведениям которой «турки гораздо склонны... к миру с московскими... И хотят довольствоватца владением Каменца Подольского и иных мест, которые им мочью постановленного мира с поляками уступлены, оставляя степную Украину и склоняя оружие свое на обильнейшие земли, к ним ближе принадлежащие, сице на венгерскую землю, чтоб учинить вспоможение тамошним бунтовщиком»²⁵.

В то же время русская сторона активно готовилась к защите Киева, направив в европейскую прессу краткую информацию об этом из Москвы и Новгорода. В частности, там сообщалось, что «все московские ратные люди пошли к Днепру, такъж и белгородское войско пошло к Киеву, и чают, что туркам тяжко будет против таких великих сил»²⁶. Как представляется, собирая значительные силы, русское правительство поставило Османскую империю перед необходимостью продолжать большую войну за Киев и Левобережье. Есть основания полагать, что уже с конца 1678 г. турки не были готовы платить такую цену за расширение своей власти на Украине, отказавшись направлять войска в этот регион.

Позднее, в конце 1681 - начале 1682 г., иерусалимский патриарх Досифей сообщал русскому посланнику в Стамбуле Тимофею Протопопову, что «как, де, салтан посылал везиря с турскими войска под Чигирин, и того, де, войска пошло ис Царяграда многое число, а ис-под Чигирина возвратилось в Царьгород самое малое число, все во время той войны побиты, а иные, идучи до Царяграда, от ран и з голоду в дороге померли». Патриарх добавлял, что османы не рады взятию Чигиринской крепости, «только рады тому, что они от Чигирина отошли»²⁷.

Таким образом, в сообщениях европейских источников о Чигиринском походе 1678 г. можно выделить три периода. До падения Чигиринской крепости в Европе кампанию 1678 г. были склонны рассматривать как успех русского оружия. Далее последовали сообщения разгроме османской армией значительно превосходивших их числом русско-украинских войск. В них, очевидно, отразилась османская версия событий. На третьем этапе, с конца осени 1678 г., оценка этих событий существенно корректируется: в источниках говорится о больших потерях

²² Там же. Л. 84.

²³ Там же. Л. 122.

²⁴ De la Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. P. 232–233.

²⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Д. 4. Л. 88.

²⁶ Там же. Л. 137.

²⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 22. Л. 41 об.

и малых достижениях турецких войск, об унынии, охватившем османскую армию. В основу этих сообщений, видимо, легли отчеты европейских миссий, находившихся в Османской империи и наблюдавших, на фоне официальных празднеств, возвращение деморализованной османской армии.

Кроме того, на оценку ситуации должна была оказать влияние общая международная обстановка. В условиях усиления османской экспансии в Центральной Европе австрийская и венецианская дипломатия была заинтересована во взвешенной оценке итогов кампании 1678 г., обозначая готовность будущей Священной лиги искать в дальнейшем соглашения с Русским государством и возможности образования антиосманской коалиции.

Литература

- Водарский Я. Е. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 518–531.
- Седов П. В. Закат Московского царства. СПб., 2008. 603 с.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 2. 172 с.
- Флоря Б. Н. О русских проектах антиосманской коалиции (1679–1680 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 71–90. DOI 10.25986/IRI.2019.76.2.007
- Шамин С. М. Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 годах (По материалам Курантов) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 138–152.
- Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дис. ... канд. истор. наук. М., 2017. 399 с.
- Vuslati Ali Bey. Ġazā-nāme-i Ćehrīn. Ankara, 2003. 326 s.

References

- Florya, B. N. O russkikh proektakh antiosmanskoj koalitsii (1679–1680 g.) [Russian Projects of the Anti-Ottoman Coalition]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 2 (76). Pp. 71–90. DOI 10.25986/IRI.2019.76.2.007
- Sedov, P. V. Zakat Moskovskogo tsarstva [The Decline of the Moscow Tsardom]. Saint Petersburg, 2008. 603 p.
- Shamin, S. M. Inostrannaya pressa o bor'be Rossii i Turtsii za Ukrainu v 1676–1681 godakh (Po materialam Kurantov) [Foreign Press about the Struggle of Russia and Turkey for Ukraine in 1676–1681 (Based on the Materials of the Kuranty)]. In *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya*. Moscow, 2002. Issue 2. Pp. 138–152.
- Smirnov, N. A. Rossiya i Turtsiya v XVI–XVII vv. [Russia and Turkey in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 1946. Vol. 2. 172 p.
- Vodarskii, Ya. E. Mezhdunarodnoe polozhenie Russkogo gosudarstva i rusko-turetskaya voina 1676–1681 gg. [Russian State's International Situation and the Russian-Turkish War of 1676–1681]. In *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII v.* Moscow, 1955. Pp. 518–531.
- Vuslati, Ali Bey. Ġazā-nāme-i Ćehrīn. Ankara, 2003. 326 s.
- Yafarova, M. R. Russko-osmanskoe protivostoyanie v 1677–1681 gg. [The Russian-Ottoman Confrontation in 1677–1681]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2017. 399 p.

Madina R. Yafarova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ON THE QUESTION OF THE RESULTS OF THE CHIGIRIN CAMPAIGN OF 1678

Based on the materials contained in the European press and reviews prepared for the Tsar and the Boyar Duma, the so-called Kuranty, the article discusses the assessment of the Chigirin Campaign in Europe. It considers the information about the Russian-Ottoman military operations and the evidences about the state of the two armies after the Chigirin Campaign of 1678. The author distinguishes three periods in the discussion of the campaign results.

Keywords: Russian-Turkish war, Chigirin campaigns, 1678, Kuranty, European press

ГУСЬКОВ А. Г., КОЧЕГАРОВ К. А., ШАМИН С. М. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1686–1700 ГОДОВ. М.: ООО «РУССКОЕ СЛОВО – УЧЕБНИК», 2022. – 528 с.

Монография представляет собой первое в историографии комплексное исследование малоизвестной и самой долгой в истории Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Авторы последовательно раскрывают ход военных действий в течение всех 14 лет противостояния, вплетая в них наиболее крупные и известные кампании 1687–1689 и 1695–1696 гг. (так называемые Крымские и Азовские походы). Среди находок исследователей – освещение кампании 1697 г., которая оказалась самым серьезным вкладом России в дело коалиционной антиосманской борьбы с точки зрения отвлечения на себя сил противника. В работе проводится анализ механизмов военно-политического планирования, показывается связь войны с важнейшими шагами России на международной арене, эволюция идеологической матрицы в освещении войны внутри страны и за ее пределами, влияние военных действий на взаимоотношения Москвы и зависимых от нее политических образований (Кавказ, Украина, Калмыцкое ханство и др.).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОГРАФИИ / ОТВ. РЕД. С. Г. ПЕТРОВ,
В. А. РОМОДАНОВСКАЯ. НОВОСИБИРСК: РАН, СИБ. ОТД.,
ИН-Т ИСТОРИИ, 2022. – 524 с. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 41.)

Очередной 41-й выпуск научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири» посвящен памяти члена-корреспондента РАН доктора филологических наук Елены Константиновны Ромодановской. В сборник включены статьи филологов, историков, музыковедов в широком хронологическом и тематическом диапазоне. В его составе нашел отражение обширный круг научных проблем, поднятых в трудах ученого. Авторами статей представлены результаты проведенных исследований, направленных на решение актуальных проблем по филологии, отечественной истории, археографии, источниковедению с применением современных научных подходов и методов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ

ААЭ	– акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии Наук. Спб., 1836. Т. 1-4.
АДД	– автореферат докторской диссертации
АЕ	– Археографический ежегодник
АКД	– автореферат кандидатской диссертации
АСЭИ	– Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
АФЗХ	– Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. I (подгот. Л. В. Черепнин). М., 1951; Ч. II (подгот. А. А. Зимин). М., 1956
БАН	– Библиотека Академии Наук
БЛДР	– Библиотека литературы Древней Руси
ВВ	– Византийский временник
ВИ	– Вопросы истории
ВИД	– Вспомогательные исторические дисциплины
ВМЧ	– Великии Минеи Четии
ГВНП	– Грамоты Великого Новгорода и Пскова (под ред. С. Н. Валка). М.; Л., 1949
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ДАГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л. 1950.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИЗ	– Исторические записки
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЗАК	– Летопись занятий Археографической комиссии
НИС	– Летопись занятий Археографической комиссии
ОИДР	– Общество истории и древностей российских при Московском университете
ПСРА	– Полное собрание русских летописей
ПЭ	– Православная энциклопедия
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ	– Российская государственная библиотека
РИБ	– Российская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.; Пг.; Л., 1872 – 1927. Т. 1-39.
РНБ	– Российская национальная библиотека
СГДА	– Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813–1894. Ч. 1–5
СККДР	– Словарь книжности и книжников Древней Руси
ТОДРА	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Л.; СПб.
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
ЭССЯ	– Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд/ Под. ред. акад. О. Н. Трубачева. Вып. 1-28. М., 1974 – 2001.

Издательство «Индрик»
www.indrik.ru

Почтовый адрес издательства:
127521 г. Москва, Старомарьинское шоссе, 16, оф. 16
E-mail: drevnyayarus@gmail.com

Почтовый адрес редакции:
117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19,
Институт российской истории РАН, к. 23

Ежеквартальное издание

Журнал входит в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: литературоведение; языкознание; исторические науки и археология.

Подписной индекс «Почта России» П3050

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 952000 — журналы

Отпечатано с оригинал-макета в типографии CherryPie.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12.
www.cherrypie.ru
Усл. печ. л. 18

Плата с авторов за публикацию не взимается

Цена в продаже свободная